

Ю. А. Черниенко

Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы

Keywords: Sabatinovka culture, Berezhnovsko-Maevskaia Srubnaya culture, Babino, Noua, genesis.

Cuvinte cheie: cultura Sabatinovka, cultura Berejnovsko-Maevskaia de tip Srubnaia, Babino, Noua, geneză.

Ключевые слова: сабатиновская культура, бережново-маевская срубная культура, Бабино, Ноуа, генезис.

Yu. A. Chernienko

The Sabatinovka Culture in the System of the Bronze Age Antiquities of the South of the Eastern Europe

The monograph is dedicated to the Sabatinovka culture, the problems of its genesis and the tendencies of the development of its relations with the neighbouring cultural entities. The recognition of the independent Sabatinovka culture stretched out surprisingly for a long time did not put an end in the discussion of the problem of the relationship of this culture with some other cultural entities of the South of the Eastern Europe. Some issues of the historiography of the problem and of the source base are analyzed. The author defends unhesitatingly the traditional point of view according to which only the late Srubnaya antiquities correspond to the Sabatinovka time, whereas the earlier ones correlate with the previous time of Babino antiquities (Borodino treasure). I oppose decisively the attempts of the complete synchronization of the Srubnaya cultural-historical community or even the Berezhnovsko-Maevskaia Srubnaya culture with the Sabatinovka culture. The foundations for supporting those researchers who see not only horizontal but also genetic relations of the Sabatinovka culture with the Srubnaya cultural-historical community (especially with the BMZC) are offered (with active use of the data on burial sites). In my opinion, the appropriate genetic links are not confined only to the participation of the Babino population in the formation of the Sabatinovka culture and the Srubnaya antiquities which many authors write about but have their roots in the times of the interaction between the carriers of the Berezhnovka type of the Early Srubnaya culture and the population of the Babino cultural circle. Although we can talk about some genetic relationship between the Sabatinovka and Noua cultures, the latter falls significantly from the unity of the funeral rites of the Late Bronze Age on the vast territory. I join with those researchers who explain the unity of the material culture of the same two entities primarily by horizontal (economic) relations.

Yu. A. Chernienko

Cultura Sabatinovka în sistemul vestigiilor bronzului târziu din sudul Europei de Est

Monografia este dedicată culturii Sabatinovka, problemelor genezei acesteia și tendințelor evoluției legăturilor cu complexele culturale vecine. Recunoașterea culturii Sabatinovka în calitate de o entitate independentă, deși a durat surprinzător de mult, nu a pus punct la problema relației dintre aceasta și unele alte culturi din sudul Europei de Est. În studiu sunt analizate mai multe aspecte ce țin de istoriografia și sursele acestei probleme. Autorul este un adept ferm al viziunii tradiționale, conform căreia doar vestigiile târzii de tip Srubnaia pot fi încadrate în perioada de existență a culturii Sabatinovka, vestigiile mai timpurii fiind sincrone cu cultura Babino (de tipul tezaurului de la Borodino). De asemenea, autorul este împotriva sincronizării complete a complexului Srubnaia sau chiar a culturii Berejnovsko-Maevskaia de tip Srubnaia cu cultura Sabatinovka și consideră, că doar siturile tardive corespund celor de tip Sabatinovka. Autorul prezintă (atrăgând pe larg datele despre complexele funerare) argumente în favoarea opiniei acelor cercetători, care identifică legături nu doar orizontale, ci și genetice dintre Sabatinovka și complexul Srubnaia, îndeosebi cultura Berejnovsko-Maevskaia. Legăturile genetice nu se reduc doar la participarea culturii ceramicii cu brăie în relief în formarea culturilor Sabatinovka și Berejnovsko-Maevskaia (mai exact, la participarea în acest proces a culturilor înrudite din cercul Babino, în formarea culturii Berejnovsko-Maevskaia predominând cultura Dnepro-Donskaia de tip Babino, iar în formarea culturii Sabatinovka — cultura Dnepro-Dnestrovskaia de tip Babino), ci își au rădăcinile încă în interferența purtătorilor tipului Berejnovsk al culturii Srubnaia timpurii și a culturilor cercului Babino. Cu toate că putem vorbi despre o filiație oarecare genetică a culturilor Sabatinovka și Noua, ritul funerar al celei din urmă diferă clar de cel caracteristic pentru acest larg teritoriu în bronzul târziu. Autorul se alătură acelor cercetători, care explică unitatea culturii materiale a acestor două formațiuni prin efectul interrelațiilor de tip orizontal.

Ю. А. Черниенко

Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы

Монография посвящена сабатиновской культуре, проблемам ее генезиса и тенденциям развития связей с соседними культурными образованиями. Растянувшееся на удивление надолго признание самостоятельной сабатиновской культуры не поставило точку в решении проблемы ее соотношения с некоторыми другими культурными образованиями

юга Восточной Европы. Проанализированы некоторые вопросы историографии проблемы, источниковедческой базы. Автор решительно отстаивает традиционную точку зрения, согласно которой, с сабаатиновским временем соотносятся только поздние срубные древности (горизонты), тогда как ранние — с предшествующим временем бабинских древностей (Бородинского клада), выступает против попыток полной синхронизации с сабаатиновской культурой срубной культурно-исторической общности или даже бережновско-маевской срубной культуры, именно поздние памятники которой в наибольшей мере соответствуют сабаатиновским. Предлагаются (с активным использованием данных по погребальным памятникам) основания для поддержки тех исследователей, которые усматривают не только горизонтальные, но и генетические связи Сабаатиновки со срубной культурно-исторической общностью, особенно с БМСК. Последние, на мой взгляд, не сводятся только к участию культуры многоваликовой керамики в формировании как сабаатиновской культуры, так и БМСК (или, точнее, к участию в нем родственных культур круга Бабино: в формировании БМСК — главным образом днепро-донской бабинской культуры, в сложении сабаатиновской — днепро-прутской бабинской), а уходят своими корнями еще во времена взаимодействия между носителями бережновского типа раннесрубной культуры и культур круга Бабино. Хотя можно говорить о некотором генетическом родстве культур сабаатиновской и Ноуа, последняя довольно заметно выпадает из единства на огромной территории погребального обряда эпохи поздней бронзы. Автор присоединяется к тем исследователям, которые объясняют единство материальной культуры этих же двух образований главным образом горизонтальными связями.

*Посвящаю светлой памяти моего отца — инженера-конструктора
Черниенко Андрея Гавриловича (1936—2006)*

Введение

Растянувшееся на удивительно долгое время признание самостоятельной сабаатиновской культуры отнюдь не поставило точку в решении проблемы ее соотношения с некоторыми другими культурными образованиями юга Восточной Европы. Кажется, последним из специалистов в соответствующей области названную культуру признал В. А. Колотухин (2003: 60; ср., напр.: Колотухин 1996: 65—69 и сл.; Моргунова 2004; Кузьмина 2008: 4). Достоин удивления, что не одно десятилетие многие исследователи были в плену точки зрения московского археолога О. А. Кривцовой-Граковой, руководившей раскопками в основном памятников Поволжья и Приуралья и лишь впоследствии — работами на известном поселении на Белозерском лимане (Кривцова-Гракова 1955: 10 и сл.; 1947; 1951; Предисловие 1951: 6). Разработанная исследовательницей миграционная концепция (итоговый вариант см.: Кривцова-Гракова 1955) в какой-то мере созвучна с позицией В. А. Городцова (1927: 616 и сл.)¹. Как уже не раз указывалось в литературе, построения были осно-

ваны на скудной в количественном и качественном отношении источниковедческой базе. Взгляды с позиции специалиста по бронзовому веку Волго-Уралья наложили соответствующий отпечаток и на работы последователей О. А. Кривцовой-Граковой касательно других регионов. На эти моменты уже обращали внимание исследователи (Отрощенко 2001б: 113, 136—138; Гершкович 2001—2002: 599—600; Черняков 1985: 14). Ограниченными были представления О. А. Кривцовой-Граковой (1955: 84—86 и сл.) о не учитывавшихся в упрощенной схеме происхождения сабаатиновских древностей т.н. «памятниках катакомбной (позднекатакомбной) культуры», якобы постепенно сменявшихся срубными. Позднее определенные из древностей, считавшихся некогда катакомбными, были выделены в отдельную культуру многоваликовой керамики (Березанская 1960) и, в приморской полосе части Крыма, в каменско-ливенцовскую группу (Братченко 1985а). Концепция О. А. Кривцовой-Граковой противоречила мнениям полевых исследователей памятников позднего бронзового века Южной Украины, связывавших последние с культурой местного населения (Гершкович 2000: 154; 2001—2002: 598—600; Gerškovič 1999: 3; Черняков 1985: 5 и сл.; 1975: 6; 1976: 69; Шарафутдинова 1968: 19; 1975: 5—6; 1982: 8).

Взгляды авторитетной исследовательницы оставались живучими, несмотря даже на то, что относительная и абсолютная хронология выделенных ею белозерского и сабаатиновского этапов срубной культуры, «а вследствие этого... историческая интерпретация этих ступеней оказались неправильными» (Тереножкин

¹ В. А. Городцов, однако, не считал возможным отнести к выделенной им же срубной культуре ни какие-либо погребения Одесского кургана (см.: Черняков 1976: 67; 1985: 9; Березанская и др. 1986: 83), ни предметы металлопроизводства, которые он считал более поздними, чем эта культура, и принадлежавшими киммерийцам, а ныне относящиеся к эпохе поздней бронзы (см., напр.: Гершкович 2001—2002: 599; Шарафутдинова 1968: 29), причем многие (получается, как будто бы тоже вовлеченные В. А. Городцовым в попытку «определить круг древностей, отличных от срубных» (Гершкович 2001—2002: 599)) — чаще к срубной культурно-исторической общности.

Рис. 1. Ареал сабастиновской культуры и ее культурное окружение.

Fig. 1. The area of the Sabatinovka culture and its cultural environment.

1976: 13²). Ведь в результате дальнейшего развития белозерской керамики, характеризовавшейся практически лишь на основе находок на эпонимном поселении, даже по обособленному пути, сабастиновские древности стать менее схожими, чем первые, со срубными Поволжья обих рассматривавшихся этапов (Кривцова-Гракова 1955) не могли. Еще накануне выхода в свет приведенной только что монографии исследовательницы раскопки в Ушкалке был стратиграфически доказан хронологический приоритет сабастиновских памятников относительно древностей белозерского времени, а не наоборот, как казалось О. А. Кривцовой-Граковой (см., напр.: Телегин 1961).

Позднее постепенно становилось ясным, что формирование древностей, как считалось (в соответствии с наиболее распространенным ныне пониманием, неправомерно), типа поселения на Белозерском лимане, сведений о которых становилось все больше, происходило на основе сабастиновских традиций (Телегин 1961: 14; Тереножкин 1961: 192—193; Лесков 1967а). По мнению О. А. Кривцовой-

Граковой, сабастиновские памятники сохраняли лишь слабые черты ранней срубной культуры Поволжья (Кривцова-Гракова 1955: 117 и сл.), а значит, надо полагать, в контексте большей, чем считала О. А. Кривцова-Гракова, хронологической близости сабастиновского этапа с раннесрубной культурой (см., напр.: Тереножкин 1965), по меньшей мере, имеющих намного меньше, чем керамика Белозерского поселения³, шансов на происхождение непосредственно на основе срубной культуры. Я. П. Гершкович даже считает, что О. А. Кривцова-Гракова, не сумев вывести сабастиновский этап, в отличие от белозерского, непосредственно из срубной культуры (Гершкович 1997: 125; 2001—2002: 600; Gerškovič 1999: 4), тем самым косвенно признала самобытность сабастиновского комплекса (Гершкович 2000: 155). Однако этого на са-

³ Эта керамика и показалась О. А. Кривцовой-Граковой, по всей видимости, из-за большего сходства с раннесрубной, чем отмеченное для сабастиновской посуды, древнее последней. На самом деле это сходство объясняется большей культурно-генетической близостью к срубным древностям Белозерского поселения (Березанская и др. 1986: 151—152), чем керамики сабастиновской культуры. Впрочем, А. М. Лесков выделил на этом поселении и материалы, скорее всего, раннесабатиновского времени (Лесков 1975а: 13; 1975б: 6).

² Впрочем, здесь, по всей видимости, имелся в виду другой аспект.

мом деле не признали даже А. И. Тереножкин и А. М. Лесков, продолжая считать сабаатиновские древности, выводящиеся непосредственно из раннесрубных⁴, а также и последующие, ныне практически всеми специалистами относящиеся к белозерской культуре, позднесрубными. При этом А. И. Тереножкин упомянул почему-то насчет «срубных племен белозерской культуры» (1976: 18). У меня даже возникло сомнение в том, что О. А. Кривцова-Гракова, располагая данными, полученными и осмысленными в 50—60-е гг. XX в., выступила бы с концепцией, подобной модернизированному последователями первому варианту (см., напр., подробный анализ взглядов А. М. Лескова и др.: Gerškovič 1999: 5 ff.; Гершкович 2001—2002: 601—604).

Проблематика по сабаатиновской культуре и поныне остается одной из наиболее дискуссионных. Разногласия вызывают даже вопросы о границах культуры (рис. 1) и, соответственно, культурной атрибуции памятников на пограничных территориях. Так, на карте Е. Н. Черных (1983: 83), а позднее — и в работах некоторых других исследователей степное Днестро-Пруто-Дунайское междуречье и/или район Краснояцкой литейной мастерской включены в ареал культуры Ноуа (Ноуа-Кослодженъ — Nicic 2008: 272). Кроме того, есть попытки фактически объединить археологические культуры Ноуа и Сабаатиновка в одну или даже в один тип (Савва 2003: 149; Сава, Кайзер 2011: 6 и сл.; Sîrbu 2012; 2013; Sava 2003: 27). Логичной, на мой взгляд, локализации Я. П. Гершковичем восточной границы сабаатиновской культуры (Gershkovich 1993) следуют не все. Свою же собственную соответствующую логику он, однако, не решает применить к локализации северо-восточной границы той же культуры и непосредственно не включает в ареал последней район находки днепровско-каменского комплекса литейных форм, определенно связанных с Краснояцким очагом металлообработки (Гершкович 2005—2009: 578, 586, 588), подобно, впрочем, многим другим (но не всем) исследователям. Различны также мнения археологов о непосредственных предшественниках сабаатиновской культуры на востоке ее ареала: то ли это население бережновско-маевской

либо покровской срубной культуры, то ли бабинское (в т. ч. наряду с раннесрубным — скорее, похоже, немногочисленным покровским). На одной странице обобщающего издания (Березанська, Отрощенко 1997: 418) вполне уживается включение сабаатиновской культуры одновременно в блок Сабаатиновка-Ноуа-Кослодженъ, для чего дают основание всесторонние связи между этими тремя культурами, и в срубную культурно-историческую общность. Там же отмечается участие культур срубной и Монтеору в формировании сабаатиновской. У Я. П. Гершковича же вызывает вопрос то, как подобные выводы могут согласовываться друг с другом (Gerškovič 1999: 7).

Е. Н. Черных соотнес с сабаатиновской культурой контактную зону (правда, ограничив Поднестровьем первую на юго-западе, вторую — на западе) (ср.: Гершкович 1998: 69) общности культур валиковой керамики⁵, входившую в Европейскую металлургическую провинцию (Черных 1983: 82 и сл.). Против этого возражает В. А. Ромашко (2013: 31), т. к. названная культура тяготеет к культурным образованиям Балкано-Карпатского региона. В то же время В. Н. Горбов включает Сабаатиновку в западный круг степных валиковых культур, вообще не предусматривая наличия контактной зоны ОКВК (1993: 90; по поводу такой позиции см.: Ромашко 1996: 67; 2013: 32—33). Принадлежность к этой общности сабаатиновской культуры Е. Н. Черных (1983: 82 и сл.) хронологически сколько-нибудь прямо не ограничивает, косвенно — разве что абсолютной датой нижней границы ОКВК — XIII в. до н. э. По мнению исследователя, этот век открывал финальный период позднего бронзового века, или самый конец бронзового века (Черных 1983: 81, 97), к которому, однако, большинство специалистов сабаатиновскую культуру вообще не относит. Но, может быть, поэтому Д. П. Куштан датирует только концом (заключительным этапом) эпохи поздней бронзы (но в значении, принятом большинством специалистов, во всяком случае, советских, да и на постсоветском пространстве) общность культур валиковой керамики (аналогично — Л. С. Ильюков) (Куштан 2007: 16, 22; Ильюков 2012: 315; ср.: Ромашко 2013: 5—7), пришедшую, по мнению первого, на смену срубной и андроновской КИО позднего бронзового века (Куштан 2011: 20, 21; 2012б). По мнению Л. С. Ильюкова,

⁴ Это, по сути, противоречит и тому, что, как следует, в частности, из вышеизложенного, сама О. А. Кривцова-Гракова не усматривала сколько-нибудь значительного сходства между раннесрубными и сабаатиновскими древностями (ср.: Гершкович 2001—2002: 599—600).

⁵ Далее — ОКВК.

ОКВК даже сформировалась на основе срубно-андроновской общности (2012: 314). Однако Е. Н. Черных не исключает удревнения начала ранней фазы постсейминского хронологического горизонта Евразийской металлургической провинции, или (что хронологически равнозначно) горизонта культур валиковой керамики, вплоть до XV/XIV вв. до н.э. (1983: 87, 90, 95), т.е. как будто бы до начала сабатиновского времени (Gerškovič 1999: 85, 90—92).

Вполне вероятно, что ОКВК не сложилась единовременно на всей огромной территории. Нельзя исключать «запаздывание» в восточной части или же нестыковки в региональных хронологических схемах (Горбов 1995а: 65; 1993: 93; ср.: Черных 1983: 82; Гершкович 1998: 69; Горбов 2001: 151⁶). Не способствует пониманию хронологии горизонта КВК упоминаемое в качестве общего явления, характерного для восточной и т.н. контактной зон КВК, «наличие целого ряда больших и малых грунтовых могильников и, в какой-то мере, отказ от подкурганного обряда захоронения», что «в культурах контактной зоны было выражено ярче», вместо практически обязательного для предшествующего периода подкурганного обряда, и появление большого количества «вытянутых захоронений... вместо скорченных, господствующих в предшествующее время» (Черных 1983: 93). Это, по существу, противоречит предложенному в той же работе (см. выше) включению сабатиновской культуры с, главным образом, впускными в курганы скорченными погребениями⁷ в контактную зону ОКВК. Но Е. Н. Черных упоминает в качестве объединения, предшествующего рассматриваемой общности в ее контактной зоне, культуру многоваликовой керамики, некоторые формы посуды которой «морфологически достаточно близки тем, что развились здесь в последующей сабатиновской культуре, входившей уже в общность КВК» (Черных 1983: 96). Более того, по мнению исследователя, ранней фазе этой общности, за исключением восточной зоны, чет-

ко соответствует смена новыми культурами (в частности, сабатиновской) предшествующих (Черных 1983: 95). Поэтому непонятно, почему Я. П. Гершкович пишет о включении сабатиновской культуры в общность КВК, «начиная где-то с ее (сабатиновской культуры. — Ю. Ч.) второго этапа» (Гершкович 1998: 69). Как бы там ни было, «Евразия эпохи поздней бронзы предстает не как конгломерат разношерстных культур, а в качестве целостной функциональной системы, разные части которой взаимозависимы и взаимодополняют друг друга» (Лысенко 2002: 102), что, разумеется, не следует преувеличивать.

По мнению В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева, на стыке взаимодействия Волго-Уральского и Карпато-Дунайского очагов культурогенеза⁸ в результате сильного давления с востока на второй из этих очагов в Восточном Прикарпатье, Северном Причерноморье и Нижнем Подунавье (Добрудже) формируется единый культурный блок. Последний объединяет сходные (что предопределено едиными восточноевропейскими культурными элементами) так называемые синкретичные, несущие в себе черты как волго-уральских, так и местных, карпатских, или нижнедунайских традиций, но в то же время относительно самостоятельные, своеобразные культуры (что обусловлено местными субстратами): Сабатиновка, Ноуа и Кослоджень (Бочкарев 1995а: 25; Дергачев, Бочкарев 2002: 11 и сл.). На мой взгляд, В. С. Бочкарев иногда несколько преувеличивает роль Волго-Уральского очага культурогенеза в истории Восточной Европы (Бочкарев 1991: 25, 27; 1993: 43; 1995а: 18, 27; 1995б: 123; 2013: 56; Дергачев, Бочкарев 2002: 13)⁹, некоторые другие исследователи — роль Карпато-Днепровского (Отрощенко та ін. 2008: 222—223; Клочко 2006: 307). В то же время Я. П. Гершкович несколько

⁶ В основном ли к рубежу позднего и финального бронзового века относится сложение общности валиковой керамики? Не правомерно ли это главным образом по отношению к ее восточной зоне — да и то не ко всей, а к восточной части?

⁷ Впрочем, связывать их с курганным обрядом можно лишь относительно (см., напр.: Черняков 1985: 143). У некоторых исследователей впускные погребения скорее ассоциируются с грунтовым обрядом (см., напр.: Литвиненко 1990: 81; Крушельницька 2006: 99—100; Агульников 2008: 136).

⁸ В последнее время выделяют также Карпато-Днепровский и Днепро-Донецкий очаги культурогенеза (см., напр.: Отрощенко та ін. 2008: 222—225; Клочко 2006: 307; Иванова и др. 2012: 172—173), самостоятельный очаг культурогенеза в Северном Причерноморье (Gerškovič 1998: 324), что, с одной стороны, отражает тривиальную истину о том, что генезис археологической культуры происходит в основном в пределах ареала последней, с другой — недооценивает роль первотолчков (на примере, в частности, приведенном В. В. Отрощенко (1996), — пассионарных). Видимо, следует учитывать первичные и вторичные (локальные) очаги культурогенеза (см.: Литвиненко 2009а: 63—64, 89, 90; 2009б: 24; 2011: 171, 172; ср., напр.: Клочко 2006: 307).

⁹ Похоже, это заметили также А. Д. Пряхин (1996: 3) и В. В. Отрощенко (2002: 27).

недооценивает значение Волго-Уральского очага в формировании сабастиновской культуры (Gerškovič 1998: 324; Гершкович 1998: 63, 66).

Мнение Р. А. Литвиненко (2009а: 90) о том, что волго-уральский импульс, под действием которого, в частности, происходило сложение культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка, был на соответствующем этапе ослаблен и дополнен западными влияниями, с моей точки зрения, справедливо. В предшествующее время воздействие Волго-Уральского очага культурогенеза на Северное Причерноморье было сильнее (см., напр.: Дергачев, Бочкарев 2002: 12—14, 307; Бочкарев 1991: 26; 1995а: 20—22, 27; Кузьмина, Шарафутдинова 1995: 229; Sava 1998: 306; 2002а: 159 ff.; 2003: 47) и в немалой степени предопределило процесс упомянутого сложения (Сава 1994: 30; Sava 1998: 306; 2002а: 173—174, 223, 245; 2003: 3, 54). А уж до Трансильвании и Балкан доходили лишь отдельные импульсы этого очага (Дергачев, Бочкарев 2002: 13).

О том, что волго-уральские импульсы доходили до носителей сабастиновской культуры с самого начала ее существования, а то и сыграли некоторую роль в формировании этой культуры, говорят, в частности, находки, прежде всего на ее поселениях, в т. ч. (чаще) раннего этапа, не только готовых бронзовых изделий, аналогичных или типологически восходящих к восточным образцам, но и форм для литья подобных предметов. В. И. Клочко относит поселение Капуловка в Днепровском Надпорожье с найденой там формой для литья ранних двуушковых кельтов, характерных для лобойковской металлургической традиции, к бережново-маевской культуре, как и многих таких изделий указанной традиции, но не, например, аналогичного изклада Христич, относимого тем же автором к сабастиновской группе вооружения (Клочко 2006: 180—182, 195; 220, рис. 78: 9; 231, рис. 89). И это несмотря на то, что этот клад относится к культуре Ноуа (см., напр.: Дергачев 2011: 254—255 и сл., рис. 156: 53), а не к сабастиновской. Не фигурирующая в приведенной работе В. И. Клочко форма для отливки, в частности, типологически раннего двуушкового кельта со скалы Кременчук не имеет никакого (даже территориального) отношения к бережново-маевскому контексту, относясь, как и поселение Капуловка, к сабастиновской культуре (Ушурелу 2010: 28; 25, рис. 1: 2, 3; 27, карта 1: 2, 3; Сикорский и др. 1997: 66—68; Дергачев, Бочкарев 2002: 105—107; 13, рис. 1; 23—24, карта 2; 316, табл. 106 С).

Как заметил А. М. Лесков, количество находок предметов металлопроизводства, типологически связанных с Волго-Уралем, в Причерноморье исчисляется единицами (Leskov 1981: 28). Если быть точнее, то речь должна идти о таких предметах, которые имеют более или менее непосредственную соответствующую связь. Так, на мой взгляд, сходство абсолютного большинства ранних кельтов Северного Причерноморья и соседних территорий, имеющих по два ушка (очень редко, в т. ч. для лобойковской группы таких изделий (см., напр.: Клочко 2006: 231, рис. 89; ср.: Дергачев 2011: 248) — по одному), с сейминскими и дербеденовскими весьма относительно. При этом обычно исследователи, хотя и не все одинаковым образом, связывают по происхождению эти типы изделий (ср.: Клочко, Козыменко 2011: 162). Для сравнения стоит подчеркнуть, что кижировские кельты не оставляют никаких сомнений в генетической преемственности от сейминских (Черных, Кузьминых 1989; Бочкарев 2010б: 121). Поэтому, полагаю, точку зрения В. И. Клочко об общности происхождения лобойковской, сабастиновской, кардашинской и сейминской металлургических традиций (Березанская и др. 1994: 124) (в частности, втульчатых топоров-кельтов эпохи поздней бронзы — от их прототипов из ареала культур шнуровой керамики: см., напр.: Клочко 2006: 142, 145—146¹⁰) нельзя считать случайным экспромтом. Скептическое отношение к тому, что оловянистые бронзы и техника литья тонкостенных втульчатых орудий стали использоваться в Северном Причерноморье в результате волго-уральских импульсов, тоже объяснимо (Клочко 2006: 141—142, 174). Однако все же можно предположить, что сам факт наличия ушек у кельтов (в каком бы то ни было количестве), как и у наконечников копий, фиксирующийся для разных эпох и регионов, в т. ч. в лобойковско-голоуровских комплексах, может восходить, в конечном счете, к сейминско-турбинским традициям (подробно см.: Черниенко 2013). Некоторые исследователи считают, что на базе двуушковых кельтов восточных традиций и некоторых одноушковых в Нижнем Подунавье возникли безушковые кельты (см., напр.: Дергачев 2010: 129). По поводу наличия/отсутствия типолого-генетической связи между ножами с ромбиче-

¹⁰ Один из наиболее ранних (по мнению В. И. Клочко и А. В. Козыменко, 2200—1700 гг. до н. э.) кельтов с «закрытой» втулкой, место находки которого неизвестно, имеется в частной коллекции А. В. Козыменко (Клочко, Козыменко 2011: 2, 156; 27, илл. 24).

ским плоским упором Поволжья и Северного Причерноморья существуют разногласия (ср., напр.: Шарафутдинова 1992б: 38—39 и Березанская и др. 1986: 47). В последнем известны немногочисленные ножи, чрезвычайно близкие к поволжским (ср., напр.: Черных 1976: 118—119; 238, табл. XXXV: 19, 23 и Кривцова-Гракова 1955: 55, рис. 12: 7, 8) (в т. ч. в Поднепровье и восточнее — с едва намеченным ромбическим расширением в основании лезвия и намечающимся перехватом, вплоть до едва заметных указанных деталей — см., напр.: Шарафутдинова 1982: 58—60, 64—65, 116—117), пусть наряду с многочисленными несколько отличными¹¹ (см., напр.: Шарафутдинова 1992б: 38—39; Березанская и др. 1986: 47). Следовательно, население Северного Причерноморья было знакомо с соответствующими восточными традициями и, на мой взгляд, вполне могло несколько видоизменить именно их (ср., напр.: Клочко 2006: 150, 185). Причем, видимо, это было начато носителями срубных традиций еще в предсабатиновское время (см., напр.: Березанская и др. 1986: 103).

В ареале сабатиновской культуры (рис. 1) концентрация предметов, связанных с волгоуральскими традициями металлопроизводства, а также образцов меди химических групп волго-камской, волго-уральской и медистых песчаников, отмечается лишь в Поднепровье (Дергачев 1997: 13 и сл.; 79, карта 4: I; 84, карта 6: I; Черных 1976: 32 и сл.; рис. 26—31). Это зона совместного нахождения поселений сабатиновской культуры и срубных погребений (Березанская, Шарафутдинова 1985: 491), в т. ч. сабатиновского времени, а также стька Красномаяцкой и Лобойковской очагов металлообработки и, шире, Европейской и Евразийской металлургических провинций. Сколько-нибудь представительные комплексные находки литейных форм сабатиновского времени с территорий, достоверно входящих в ареал одноименной культуры (рис. 1), демонстрируют господство красномаяцких традиций металлопроизводства, а не восточных по происхождению (лобойковских или иных)¹². Не является исключением Малоко-

паневская литейная мастерская (см., напр.: Черных 1972: 28; 1976: 140 и сл.), где представлены типы, с которыми как нельзя лучше демонстрируют генетическую связь или, по меньшей мере, близость многие более поздние бронзовые изделия соответствующих категорий или негативы и, более того, комплексы предметов металлопроизводства, особенно литейных форм, относящиеся к сабатиновской культуре (см., напр.: Дергачев 2011: 211—217 и сл.)¹³ и/или Красномаяцкой группе (см., напр.: Гершкович 2005—2009). Но ряд исследователей считает, что первая представляет лобойковско-голоуровские традиции и т. п., на основании практически лишь ее ранней хронологической позиции (Дергачев 2011: 216 и сл.; Uşurelu 2010b: 29, 32, 47, 60; Voškarev, Leskov 1980: 69—74 ff.). А это, в свою очередь, как бы придает убедительность восприятию лобойковско-голоуровской и красномаяцкой, или связываемой с сабатиновской культурой, обычно (прямо или косвенно) с поздними горизонтами, металлургии фактически как двух последовательных генетически связанных фаз в рамках одной археологической культуры. В историографическом прошлом обе эти мнимые фазы связывались со срубной культурой (Voškarev, Leskov 1980), а теперь иногда с сабатиновской (Uşurelu 2006; 2010b; Дергачев 2011: 213—216, 251; Бочкарев 2010б: 167—169; 1995б: 117—122 и сл.). Впрочем, подобная разница в атрибуции комплексов лобойковско-голоуровского типа практически не меняет дела, когда они считаются связующим звеном между раннесрубными и раннесабатиновскими традициями металлопроизводства, т. к. на этом, в частности, основании сабатиновская культура порой напрямую генетически связывается со срубной и т. п. (Дергачев 1997: 17—20 и сл.). В последнее время В. А. Дергачев (2011) относит лобойковско-голоуровскую металлургию в основном к предсабатиновскому времени, а то и к одноименной культуре, но, опять же, считает, что от соответствующих традиций

черты западной металлургии (Лесков 1975а: 41; 1975б: 21; ср., напр.: Бочкарев 2010б: 169). А это считается присущим именно Красномаяцкому очагу металлообработки (в частности, одноименной группе литейных форм (Voškarev, Leskov 1980: 74)), принадлежность которого в наибольшей степени к сабатиновской культуре уже вряд ли может вызывать сомнения (Бочкарев 1995б: 117—121).

¹³ Здесь и далее имеются в виду предметы каких бы то ни было категорий, найденные исключительно на территориях, которые достоверно входят в ареал названной культуры (ср., напр.: Uşurelu 2010b: 28—33 ff.).

¹¹ Один из таких ножей найден при раскопках в слое раннего этапа сабатиновской культуры поселения Мерены II (Sava 2002b: 71, 83, 91; 72, fig. 3: 8).

¹² Интересно, что именно на соответствующих территориях А. М. Лесков, категорически отрицавший самостоятельную сабатиновскую культуру, некогда локализовал первый из основных центров Северопричерноморского очага металлообработки сабатиновского времени, причем именно там усмотрел определенные

произошли многие категории бронзовых изделий, в большей или меньшей степени свойственные сабастиновской (в частности) культуре. Однако, во-первых, по времени Малокопаневский комплекс близок также и I горизонту литейных форм Новокиевской мастерской (см., напр.: Гершкович 1998: 84), как будто бы никем не относимых к Голоуровской группе и т.п. Во-вторых, с лобойковско-голоуровскими традициями (но не только с ними!) Малокопаневский комплекс сближают лишь негативы ножа с кольцевым упором (как, впрочем, и с красномяцкими: Клочко 2006: 147 и сл.), тесел, хотя подобные последним фигурируют и среди материалов сабастиновской культуры, в т.ч. в комплексах групп (субфазы) Красный Маяк и Добрянка, по Е. Ушурелу (Uşurelu 2010b: 28—33 ff.), и сам факт наличия ушек у отливавшихся в Малокопаневской мастерской кельтов и наконечников дротиков (см. выше). Впрочем, вероятно, по происхождению тип ножей с кольцевым упором связан с лобойковско-голоуровскими традициями (в частности, распространение подобных изделий в Днепро-Донском междуречье (Ромашко 1997: 53)). Что касается конкретно данного предположения, то оно во многом соответствует взглядам, в частности, В. А. Дергачева, но в варианте влияния лобойковско-голоуровских, а не непосредственно раннесрубных металлургических традиций на свойственные культурам Сабастиновка, Ноуа и Кослодженъ (Дергачев 2011: 238—239 и сл.). Все же остальные характеристики отливавшихся в Малокопаневской мастерской предметов соответствуют красномяцким (или рышештско-красномяцко-дичевским) традициям, во всяком случае, в гораздо большей степени, чем лобойковско-голоуровским. Это наличие у кельта, в корреляционных таблицах (Voškarev, Leskov 1980: Taf. 19; Uşurelu 2010b: 28, fig.1; 29, tab. 1) вообще не учтенного, несмотря на чрезвычайную диагностическую важность, «пещерки» и лишь одного ушка, максимальное расширение узкого листовидного острия наконечника дротика в средней части, кинжал конического типологического разряда H-51, по классификации Е. Н. Черных, отметившего условную близость последнего из упомянутых предметов к красномяцким (1976: 123—124 и сл.), полностью литые долота¹⁴.

Правда, сами изделия некоторых красномяцких типов имеют то или иное отношение к восточным металлургическим традициям, в т.ч. нередко к лобойковским (ср.,

напр.: Черных 1976: 181, 201; Gerškovič 1999: 6), чему посвящена специальная работа (Черниенко 2013). Так, выше упоминались свойственные, в частности, последним элементы в изделиях Малокопаневской мастерской. Но, по моему, в частности, мнению, нет оснований связывать изготовление носителями сабастиновской культуры большинства наконечников копий и дротиков, особенно сабастиновской (красномяцкой) линии развития, по В. И. Клочко, и некоторых кинжалов с внешними воздействиями с востока (ср., напр.: Кривцова-Гракова 1955: 143—144, 146; Voškarev, Leskov 1980: 61, 70) и со Среднего Поднепровья (ср., напр.: Дергачев 2011: 248, 267, 275). В. А. Дергачев в приведенной монографии прямо не указал, какие именно наконечники копий сабастиновской культуры он считает аналогиями или вариациями соответствующих изделий типа Лобойковка-Голоуров. Коль скоро идет речь о лобойковско-голоуровских наконечниках с ушком, то для названной культуры под соответствующим как будто бы должен подразумеваться проиллюстрированный негатив наконечника дротика на одной из литейных форм Малокопаневской мастерской, некоторые другие матрицы которой исследователь непосредственно относит к культуре Сабастиновка (Дергачев 2011: 248, рис. 157: 77, 79, 80, 85). Но, на мой взгляд, только (или главным образом) оно и сближает этот единственный известный мне, да и то в негативе, достоверно относящийся к последней наконечник дротика с ушком с лобойковско-голоуровскими традициями. Более древний наконечник копия из Бородинского клада сближает с ними не только это (ср., напр.: Дергачев 2011: 248, рис. 157: 72 и Клочко 2006: 140; 162, рис. 62: 3), но в целом близость к сейминским (Клочко 2006: 139—140 и сл.). Это нашло отражение, в частности, в такой номенклатуре, как наконечники копий «бородинско-сейминского типа» (Черняков 2002: 49). По моему мнению, как это ни удивительно, из всех известных мне найденных в ареале сабастиновской культуры надежно датирующихся наконечников копий и дротиков по форме, пропорциям и т.п. более всего напоминает некоторые лобойковско-голоуровские наконечники дротика из Никопольского клада, относящийся к дунайским типам и свидетельствующий о связях сабастиновской культуры с Карпатским регионом (ср., напр.: Клочко 2006: 179; 216, рис. 74: 19 и Дергачев 2011: 248, рис. 157: 72). Но, тем не менее, этот предмет проявляет определенное сходство с восточноевропейскими изделиями сеймин-

¹⁴ Подробнее см.: Черниенко 2013.

ского и более позднего хронологических горизонтов. То же относится, в частности, и к негативу подобного наконечника на литейной форме с Новозагорского поселения (Южная Болгария), выпадающей из основного комплекса раннебронзового века этого памятника (Черных 1978а: 163; 151, рис. 82: 3), но, пожалуй, в большей степени — к некоторым наконечникам и соответствующим негативам, найденным в ареалах культур Ноуа и Кослоджень (см., напр.: Дергачев 2011: 235; 234, рис. 149: 1—3; 248—249, рис. 157: 13¹⁵, 30, 31, 72).

Не связаны с восточными традициями и серпы варианта Чут типа Хелештень, представленные, в частности, негативами на литейной форме из Андровского клада (см., напр.: Дергачев, Бочкарев 2002: 250—256, 346), а также практически все бронзовые украшения сабастиновской культуры, представленные, в том числе, негативами на литейных формах Красномаяцкого очага металлообработки (Березанская и др. 1986: 108—110; Шарафутдинова И. Н. 1987; Лисенко 2006). По мнению В. А. Дергачева, форма серпов типа Хелештень, «как стало очевидно после открытия мастерской из Днепрово-Каменки... впервые была выполнена в Поднепровье» (Дергачев 2011: 250) «в мастерских культуры Сабатиновка» (Дергачев 2012: 157; ср.: Дергачев, Бочкарев 2002: 253 и сл.). Думаю, что возможно разве что соответствующее предположение в отношении серпов варианта Чут этого типа. Но и в данном случае определенное влияние культуры Ноуа отметить не следует.

Серпы варианта Чут, по данным В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева, представлены в ее ареале (на восточной периферии) лишь двумя готовыми изделиями, а сабастиновской культуры — кроме подобных последним, несколькими негативами на литейных формах. Гораздо больше серпов варианта Хелештень того же типа, матрицы для литья которых, датирующиеся сабастиновским временем, в ареале одноименной культуры мне неизвестны, да и соответствующие готовые изделия там встречаются заметно реже, чем в ареале культуры Ноуа (Дергачев, Бочкарев 2002: 239—254 и сл.). Что касается хронологической позиции

Днепрово-Каменского комплекса литейных форм, где имеется, в частности, негатив серпа варианта Чут (Гершкович 2005—2009; Uşurelu 2010b: 28—33 ff.; Дергачев 2011: 227—231 и сл.), то мне представляется наиболее взвешенным мнение Я. П. Гершковича. Хотя псалий из Ингульского клада, как и представленные негативами на двух из литейных форм Андровского, имеет прототипы в лице соответствующих костяных и роговых изделий, бытовавших, в частности, в Уральском регионе (в отличие, как будто бы, от отливавшихся в Новокиевской мастерской: Geršković 1999: 83—84), генетических связей с восточными традициями металлопроизводства псалии сабастиновской культуры не демонстрируют (Черняков 1983: 37—38 и сл.; 1985: 123). Для того, чтобы однозначно считать типологической основой для тесел, характерных, в частности, для красномаяцких и лобойковско-голоуровских традиций, тесла, свойственные раннесрубной культуре (Leskov 1981: 57; Voškarev, Leskov 1980: 66), а прямым и непосредственным источником для тесел сабастиновской культуры — такие же изделия Среднего Поднепровья (Дергачев 2011: 248 и сл.), серьезных оснований, на мой взгляд, нет. Сам А. М. Лесков отнес тесла к числу изделий простейших форм (Leskov 1981: 59). Благодаря простоте такие изделия имеют широчайшее распространение во времени и пространстве (см., напр.: Leskov 1981: 57). Хотя, в соответствии с результатами метрического анализа, тесла сабастиновского времени из ареала одноименной культуры и Среднего Поднепровья относятся не к костромскому-рыбаковскому, а к лобойковско-ульяновскому типу, параметры последнего имеет и как минимум одно тесло из Рыбаковского клада (Дергачев 2011: 215—216, рис. 135). А этот клад не имеет ни культурного, ни территориального отношения к лобойковской металлургии, а относится к Днепро-Прутской бабинской культуре — непосредственному предку сабастиновской, в ареале которой он и был найден. В. И. Клочко отмечает близость по форме тесла, входящего в состав клада позднего бронзового века, найденного между селами Козырка и Червоное Парутино Очаковского р-на Николаевской обл., теслам типа «Рыбаковка», при некоторых отличиях (Клочко, Козыменко 2011: 162).

В комплексах Голоуров и Деревянное (Среднее Поднепровье), литейные формы которых отнесены к Голоуровской группе (Voškarev, Leskov 1980), в отличие от представительных комплексных находок литейных форм с территорий, достоверно входя-

¹⁵ Впрочем, конечно, наконечник копья из клада Одзиле-Подарь гораздо больше похож на соответствующее изделие из погребения тшинецкого культурного круга (в современном понимании, в частности, С. Д. Лысенко) у с. Нетишин Хмельницкой обл. (см., напр.: Дергачев 2011: 235; 234, рис. 149: 1, 4; 248—249, рис. 157: 13, 87).

щих в ареал сабастиновской культуры, как известно, доминируют лобойковские традиции. В свое время А. М. Лесков локализовал памятники Лобойковского типа именно в Среднем Поднепровье — во втором (в целом несколько более архаичном) из выделявшихся исследователем основных центров Северопричерноморского очага металлообработки сабастиновского времени (Лесков 1975а: 41—44)¹⁶. Господствовавшими там, по мнению ряда археологов, следует считать «традиции Волго-Уральского очага металлообработки» (Лесков 1975а: 42; 1975б: 21). По крайней мере, на мой взгляд, в данном случае это мнение более близко к истине, чем почти такое же — по отношению к вышеупомянутому «первому центру Северопричерноморского очага металлообработки». Среди представительных комплексных находок матриц рассматриваемого периода из Среднего Поднепровья лишь Днепровско-Каменский комплекс литейных форм не содержит определяемых типов изделий, представленных в лобойковской металлургии, но при этом не представленных в красномаяцкой. В этом плане эта одна из самых южных в регионе комплексных находок предметов металлопроизводства (Гершкович 2005—2009) отличается почти от всех находок литейных форм определяемых групп сабастиновского времени в Среднем Поднепровье, особенно если исключить северную часть, выходящую за пределы Лобойковского очага металлообработки, тем более — Красномаяцкого.

Лишь с тяготеющей к Среднему Поднепровью р. Чут происходит комплекс из двух форм для отливки серпов (Гершкович 2005—2009: 579 и сл., рис. 2: 7; Дергачев, Бочкарев 2002: 251) рышештско-красномаяцких традиций (см., напр.: Бочкарев 1995б: 120—121). Этот, опять же, один из самых южных в этом регионе пунктов находок предметов металлопроизводства, к тому же находится, по видимому, на северной окраине ареала сабастиновской культуры (Дергачев 2011: 247, рис. 156: III, 76). Даже одно лишь наличие формы для отливки двуушковых кельтов с арковидной фаской в таком комплексе, каким представляется днепровско-каменский (Гершкович 2005—2009: 582, рис. 6: 3; 584, рис. 8: 8), позволяет согласиться с мнением об отношении соответствующего типа из-

делий сабастиновского времени, характерных для Поднепровья (см., напр.: Uşurelu 2010b: 28—33 ff.), к Красномаяцкому очагу (Gerškovič 1999: 63, 64; Taf. 49: 3, 8; Dergaciov 2013: 14) и в основном лишь по количеству ушек — к лобойковско-голоуровским традициям (Бочкарев 2010б: 168—169)¹⁷. Судя по фрагменту негатива на обломке литейной формы, подобные, возможно, двуушковые, кельты отливались в мастерской «Ингуло-Красномаяцкого» (ср., напр.: Бочкарев 2010б: 167) очага металлообработки (Шарафутдинова 1990: 82) на поселении Вышетарасовка (Klochko 1993: 37; 112, fig. 22: 6). Эти изделия отличаются от некоторых из производившихся в Красномаяцкой литейной мастерской (см., напр.: Черняков 1965: 102—105, 117; 103, рис. 8: 1, 5; 118, рис. 14: 1, 2), главным образом, количеством ушек. Рассмотренные только что типы кельтов не представлены в лобойковско-голоуровских комплексах (см., напр.: Uşurelu 2010b: 28—33 ff.).

Несколько сложнее обстоит дело с менее представительными находками литейных форм. Однако среди матриц из Среднего Поднепровья (исключая, опять же, северную часть) сабастиновского, по всей видимости, времени, кроме уже приводившихся Днепровско-Каменского комплекса и литейных форм с побережья р. Чут, насколько мне известно, еще лишь три матрицы содержат негативы предметов, не связанных с лобойковско-голоуровскими традициями. Одна из них — матрица для литья украшения в виде овальной бляхи из Иванковичей, подобной, например, отливавшимся в Красномаяцкой и Новокиевской мастерских. Но на другой стороне той же литейной формы имеется негатив наконечника дротики, представляющего именно названные традиции (Клочко 2006: 194; 229, рис. 87: 20), хотя В. С. Бочкарев и А. М. Лесков и отнесли последнюю только к Красномаяцкой группе (Bočkarëv, Leskov 1980: №118). Вторая находка — матрица для отливки колец из Козинцев, возможно, составлявших, как в Солонецком кладе, вместе с треугольной рамкой часть сложной ажурной подвески, подобной, в частности, отливавшимся в Красномаяцкой и Вышетарасовской мастерских (Шарафутдинова 1987: 75—76; рис. 4: 2, 4, 5, 6). Третья находка — это матрица для изготовления булавок с шаровидными головками с поселения Чикаловка (Шарафутдинова И. Н.

¹⁶ Впрочем, своеобразие среднеднепровского центра бронзолитейного производства конца бронзового века было замечено еще раньше (см., напр.: Березаньска 1964: 26).

¹⁷ Надо понимать, в приведенных здесь работах В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева имеются в виду двуушковые кельты, прежде всего, с арковидными фасками.

1987: 75—76; рис. 3: 1). Подобные булавки связаны с традициями карпатского культурного ареала, в понимании В. И. Клочко (2003), или же с зарождавшейся в данном случае, похоже, на основе последних кардашинской традицией.

«Комплексная литейная форма из Вязовки может относиться как ко II, так и к III группам», т. е., в понимании Е. Н. Черных, как к кардашинской, так и к «завадово-лобойковской» традициям (Черных 1976: 140 и др.). Сюда следует добавить красномаяцкую группу. Однако, если ножи с кольцевым упором, как уже указывалось, характерны как для лобойковского, так и для красномаяцкого очага металлообработки, то бритвы — в гораздо большей степени для первого из названных очагов (Отрощенко 2001б: 161, 162; Отрощенко, Рассмакин 1997). В красномаяцкой металлургии последняя из упомянутых категорий, насколько мне известно, представлена лишь негативом бритвы с подобным упором на одной из литейных форм комплекса Волошское I (Воцкарев, Leskov 1980: 12 ff.).

В Мазепинцах (или Заречье) найдены всего две литейные формы. Одна предназначена для изготовления раннего двуушкового кельта¹⁸, типичного для лобойковско-голоуровских традиций. Лишь позднее имела место эволюция производства подобных изделий в рамках красномаяцкого очага металлообработки, а также в белозерское время (Ушурелу 2010: 62—63; Uşurelu 2010b: 28—33 ff.). Другая форма предназначалась для отливки ножа с кольцевым упором, опять же, характерного как для лобойковско-голоуровской, так и для красномаяцкой металлургии. Е. Н. Черных (1976: 135 и сл.) условно отнес обе эти матрицы к «завадово-лобойковской» группе комплексов.

Однако более пестрая картина наблюдается на территориях, достоверно входивших в ареал сабастиновской культуры. Негативы на литейных формах из слоя этой культуры (Гершкович 1998: 64 и сл.; ср.: Клочко 2006: 194) поселения Златополь дают возможность связать с лобойковско-голоуровскими традициями наконечники копий, отливавшиеся в одной из этих матриц (Клочко 2006: 194; 230, рис. 88: 7). Им нет близких аналогий среди изделий, представляющих сугубо красномаяцкую линию развития этого вида оружия (Клочко 2006: 177). Негативу подвески, по форме напоминающему В. С. Бочкареву и А. М. Лескову негатив бритвы на одной

из литейных форм комплекса Голоуровской группы Деревянное (Воцкарев, Leskov 1980: 27, 28; Taf. 12: 105, 108), И. Н. Шарафутдинова (1987: 79; 71, рис. 1: 12, 13) находит аналогии среди матриц Красномаяцкой и Андровской литейных мастерских (ср.: Воцкарев, Leskov 1980: Taf. 17; Taf. 20, Karte 2; Taf. 21, Karte 3; Taf. 22, Karte 6; Шарафутдинова И. Н. 1990: 82). Остальные фрагменты вряд ли типологически определимы. На литейных формах (включая крышку) с поселения, как выяснялось выше, сабастиновской культуры Капуловка, которые И. Н. Шарафутдинова (1990: 82) однозначно связывает с «Ингуло-Красномаяцким» очагом, а В. С. Бочкарев, А. М. Лесков, Е. Ушурелу отнесли к Голоуровской группе (Воцкарев, Leskov 1980: 69—72 ff.; Uşurelu 2010b: 28—30, 32 ff.), представлены следующие определимые типы изделий: серп варианта Кабаково типа Дербедень (по классификации В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева), не представленного в комплексах Красномаяцкой группы¹⁹, и кельт уже упомянутого варианта «б» кабаковского типа, характерные для лобойковско-голоуровских комплексов (Дергачев, Бочкарев 2002: 94—99, 107, 315; Клочко 2006: 195, 231; Черных 1976: 82, 84 и сл.), а также полностью литое долото (Воцкарев, Leskov 1980: №102а).

КТР Т-22, к которому относятся подобные долота, Е. Н. Черных считает одним из сквозных, индифферентных к группам комплексов (1976: 140), но, думается, это не совсем так. Исходное звено прогрессирующего производства долот — полностью кованные — известно не на украинской и соседних территориях, а восточнее, где бытовали и более совершенные и поздние — изготовлявшиеся с помощью и литья, иковки и полностью литые (см., напр.: Кривцова-Гракова 1955: 60, 62), как и на Украине и западнее. Поэтому версия, согласно которой традиция изготовления долот, предусматривавшая сочетание литья иковки, была принесена в Поднепровье с востока (Leskov 1981: 57—58 ff.; Клочко 2006: 196), представляется вполне логичной²⁰. Правда, кованое долото входит в состав Рыбаковского клада периода средней бронзы, но оно совсем другого типа и происхо-

¹⁹ В. А. Дергачев (2011: 248), когда писал о лобойковско-голоуровских типах изделий или их модификациях (включая серпы), характерных «для всех очагов культур» блока Сабастиновка-Ноуа-Кослозень, почему-то не учел соответствующие серпы, свойственные культуре Сабастиновка.

²⁰ О восточном происхождении полностью литых долот позднебронзового века Северного Причерноморья и соседних территорий см.: Uşurelu 2010a: 7 ff.; Дергачев 2011: 218.

¹⁸ Вариант «б» кабаковского типа по В. И. Клочко (2006: 195; 231, рис. 89: 6).

ждения — северокавказского (Лесков 1967а: 167—168, рис. 14: 8).

В комплексах, относящихся к сабастиновской культуре и/или к Красномаяцкой группе, известны лишь полностью литые долота или соответствующие негативы (Uşurelu 2010а: 8 ff.; 2010b: 28—33 ff.; ср.: Клочко 2006: 183). В то же время единственная, вероятно, известная на территории Украины матрица для литья долот, втулки которых затем отковывали, входит в состав комплекса Голоуровской мастерской, а соответствующие готовые бронзовые изделия (втульчатые клевцы типа «Лобойково», по номенклатуре В. И. Клочко) — в частности, в состав Лобойковского клада (Leskov 1981; Клочко 2006: 183, 196)²¹. Литейные формы для изготовления полностью литых долот, которые я мог бы однозначно отнести к Голоуровской группе, мне неизвестны (ср., напр.: Uşurelu 2010b: 28—33 ff.). В типичных комплексах этой группы, прежде всего, Голоуров и Деревянное, они отсутствуют. Поэтому, несмотря на то, что полностью литые долота входят в состав таких кладов, как Трехизбенский и Благовещенский, содержащих вещи лобойковских типов, а также известны по нескольким внекомплексным находкам в Среднем Поднепровье (Leskov 1981: 12—15 ff.; Uşurelu 2010b: 29—31, 33 ff.; Черных 1976: 108—110 и сл.), их производство в рамках Лобойковского очага металлообработки (Березанская и др. 1994: 122—124; Клочко, Козыменко 2011: 162), как и сочетание красномаяцкой и лобойковской металлургических традиций во втульчатых клевцах (Березанская и др. 1994: 119), на мой взгляд, пока проблематично. Ведь внекомплексные находки полностью литых долот в Среднем Поднепровье могут представлять импорт, как и долото из Трехизбенского клада, или же быть связаны с тшинецким культурным кругом, в настоящее время не рассматриваемым в рамках как лобойковско-голоуровской, так и красномаяцкой металлургии (Клочко, Козыменко 2011: 160). К этому кругу относится литейная форма для изготовления, в частности, таких долот с поселения Зазимье (тоже Среднее Поднепровье) (Березанская и др. 1994: 117, 118; 116, рис. 33: 15).

Кинжал, представленный негативом на одной из литейных форм с поселения сабастиновской культуры Мариновка (Дергачев,

Бочкарев 2002: 12, рис. 1), олицетворяет один из этапов линии развития (Клочко 2006: 186; 225, рис. 83: 1) «так называемых традиционно кинжалов-мечей «красномаяцкого» типа» (Дергачев 2011: 222—230 и сл.). Аналогичных изделий нет в типичных лобойковско-голоуровских комплексах (ср.: Воцкарев, Leskov 1980: 69—72 ff.; Uşurelu 2010b: 28—32 ff.). На той же матрице вырезан негатив наконечника копья (Дергачев 2011: 225, рис. 143: 20; 226, рис. 144: 6), связываемый с сабастиновской (красномаяцкой) линией развития, отличной от сейминской, представленной, в частности, в Лобойковском металлургическом центре (Клочко 2006: 177, 178, 193—194; 217, рис. 75: 7²²). На другой матрице с того же поселения, сохранившейся частично, имеется негатив серпа Волго-Уральской группы, довольно широко представленной в лобойковско-голоуровских комплексах, но не в типичных красномаяцких (Дергачев, Бочкарев 2002).

Некоторые единичные литейные формы, найденные на территориях, достоверно входящих в ареал сабастиновской культуры, относятся к Голоуровской группе или содержат негативы предметов, типологически близких к лобойковско-голоуровским и не представленных на матрицах красномаяцкой группы (Воцкарев, Leskov 1980: №111, 122; Клочко 2006: 195; 231, рис. 89: 5). Такова, например, литейная форма с негативом, в частности, раннего двушккового кельта из слоя сабастиновской культуры на скале Кременчук (Дергачев, Бочкарев 2002: 107; 316, табл. 106: С1; Сикорский и др. 1997: 66, 67²³). Кинжалы заградовско-

²² Ср. этот рисунок и, напр.: Воцкарев, Leskov 1980: Taf. 12: 97а; Дергачев 2011: 225, рис. 143: 20; 226, рис. 144: 6.

²³ На той же литейной форме имеется и частично сохранившийся негатив серпа варианта Гарбузовка типа Перелоб Волго-Уральской группы (см., напр.: Дергачев, Бочкарев 2002: 106—107; 105, табл. 37: 495; 316, табл. 106: С 2 (495)), представленной в лобойковско-голоуровских комплексах, но не в типичных красномаяцких (см. выше). Однако ни в тех, ни в других нет серпов названного типа и соответствующих негативов. При этом большинство мест находок сравнительно малочисленных серпов варианта Гарбузовка (соответствующая литейная форма лишь одна — приведенная) тяготеет к ареалу сабастиновской культуры (а обломок одного происходит с поселения последней Яблоня II: см., напр.: Сикорский и др. 1997: 64, 68), с которой, «по всей вероятности, связаны» данные орудия, в отличие от варианта Перелоб одноименного типа (Дергачев, Бочкарев 2002: 100—107, 316, 344). Утверждение о том, что серпы варианта Гарбузовка возникли в Лобойковско-Дербеденовской металлообрабатывающей зоне (Дергачев, Бочкарев 2002: 300), на мой взгляд, доказать пока нечем. Очевидно, к типам металлических изделий сабастиновской культуры, которые «не могут

²¹ На отличие втулок долот «типа Лобойково» «из ковального свернутого листа... от цельнолитых втулок, характерных для позднебронзовых долот Северо-Западного Причерноморья», обратили внимание также С. Церна и Д. Топал (Церна, Топал 2013: 198).

го типа, по В.И. Клочко (2006: 186), представленные, в частности, негативом на литейной форме с одноименного поселения, представляют продолжение линии развития ножей с кольцевым упором (ср.: Дергачев 2011: 222, 225—230, 249). Последние и тесла, представленные, в том числе, негативом на той же матрице, характерны как для Красномаяцкого, так и для Лобойковского очага металлообработки (см. выше) (ср.: Vočkarev, Leskov 1980: Taf. 17: 131; Taf. 22, Karte 6). Но тесла, отливавшиеся в первой, отличаются от других наличием продольного валика (Vočkarev, Leskov 1980: 32; Taf. 14: 131b). На литейной форме из Дудчан и на ряде других единичных матриц (или их частей) с территорий, достоверно входящих в ареал сабатиновской культуры, и с большей или меньшей долей уверенности соответственно датируемых, лобойковско-голоуровские типы, которые не соответствуют также и красномаяцким традициям металлопроизводства, не представлены (разумеется, среди определяемых) (Vočkarev, Leskov 1980: №69, 70 и др.; Gerškovič 1999: 63, 64; Taf. 49; Клочко 2006: 176—177, 192—193²⁴; 216, рис. 74: 14, 15, 17, 21; 229, рис. 87: 16; Шарафутдинова И.Н. 1987: 76—78, 83; 71, рис. 1: 3)²⁵.

быть связаны с комплексами определенных групп» (Черных 1976: 147), следует относить и последние из упомянутых серпов.

²⁴ Отнесение формы для литья наконечников стрел из сабатиновского слоя Кировского поселения к лобойковской металлургии ничем не обосновывается.

²⁵ Об определенном отношении изделий с кольцевым или близким к таковому упором и двуушковых кельтов с арковидными или близкими к таковому фасками, представленных негативами (или сохранившимися фрагментами), имеющимися и на этих литейных формах (или частях последних) (см., напр.: Vočkarev, Leskov 1980: №99, 132; Gerškovič 1999: 63; Taf. 49: 1, 3, 5, 8), к лобойковско-голоуровским традициям см. выше. На литейной форме из Дудчан вырезаны, в частности, негативы таких оригинальных металлических изделий, как острога, гарпун, довольно необычный клевец (?) (Gerškovič 1999: 63; Taf. 49: 2, 4, 6, 7, 9; ср., напр.: Гершкович 2005—2009: 587). Надежным признаком местного производства бронзовых наконечников стрел в силу их специфической функции и малых размеров, на мой взгляд, могут быть именно находки матриц для их литья. Соответствующие типы наконечников стрел сабатиновской культуры не могут быть связаны с комплексами определенных групп (ср.: Клочко 2006: 192). Первые не имеют отношения к восточным традициям металлопроизводства (хотя трехлопастные и похожие на соответствующие негативу на одной из литейных форм с Кировского поселения костяные наконечники стрел найдены на Ливенцовском поселении на нижнем Дону), большинство из известных представляют местные традиции (см., напр.: Клочко 2006: 176, 177, 192).

Не удивительно, что клады готовых бронзовых изделий сабатиновского времени демонстрируют еще менее четкое территориальное распределение традиций, представляемых этими изделиями (Дергачев 2011: 247, рис. 156; ср.: Gerškovič 1999: 60—61). Первые «нельзя брать за основу при выделении очагов металлообработки. Бронзовые изделия во многих кладах Северного Причерноморья представлены из разных мест и не отражают развитие металлообработки в данном районе» (Сикорский и др. 1997: 68). Так, даже в Лобойковском кладе, например, имеются ножи КТР Н-12, по Е.Н. Черных, которые, исходя из отсутствия соответствующих негативов на литейных формах Голоуровской группы, распространения готовых изделий в памятниках различных культур и того, что в комплексах Лобойковской группы этот КТР представлен лишь двумя ножами из названного клада (Черных 1976: 115 и сл.), нельзя сколько-нибудь уверенно или однозначно связать с традициями, которые принято называть лобойковско-голоуровскими (ср.: Черных 1976: 191—193). Вообще, в этом кладе есть много вещей (Leskov 1981: Taf. 2: 14, 15, 19—27, 31—37; 3: 1—41, 43—47, 49—65), которые по тем или иным причинам трудно связать с определенным очагом металлообработки. Наверное, те из соответствующих типов, которые представлены в первом многочисленными изделиями, логичнее всего отнести к Лобойковскому очагу.

Клад Маячки, найденный в Среднем Поднепровье, включает кельты исключительно балкано-карпатского (а то и более западного) происхождения (Черных 1976: 73—74 и сл.; Дергачев 2011) и, возможно, серп варианта Гарбузовка типа Перелюб Волго-Уральской группы (Дергачев, Бочкарев 2002: 106; 23—24, карта 2: 492; 100, карта 9; 105, рис. 37: 492). Как уже указывалось, подобные серпы не могут быть связаны с комплексами определенных групп или же с конкретным очагом металлообработки. Клад, найденный у с. Сосновка Кировоградской обл., территориально тяготеющего к Среднему Поднепровью, составляют четыре кельта типа Рышешть. Впрочем, этот один из самых южных в регионе пунктов находок предметов металлопроизводства, по-видимому, расположен на северной окраине ареала сабатиновской культуры (Дергачев 2010). Один из двух двуушковых кельтов, составляющих Мельниковский клад, можно считать модификацией кельтов лобойковско-голоуровских типов (Дергачев 2011: 248, рис. 157: 90). В другом изделии соответствующие черты

(Дергачев 2011: 248, рис. 157: 94), как и вообще в двушковых кельтах с арковидными фасками, сочетаются с элементами красно-маяцких (или, точнее, рышештско-красно-маяцко-дичевских) и кардашинских металлургических традиций (Клочко 2006: 181). Впрочем, датировка клада вызывает разночтения (Leskov 1981: 17—18 ff.; Uşurelu 2010b: 30 ff.; Березанская и др. 1986: 138; Ушурелу 2010: 30 и сл.). Другие клады готовых бронзовых изделий сабаиновского времени из Среднего Поднепровья, исключая север, выходящий за пределы Лобойковского очага металлообработки, и комплексы тшинецкого культурного круга, как будто бы не содержат предметов, далеких от лобойковско-голоуровских традиций. Но первые могут включать изделия, характерные также и, разумеется, для красномаяцкой металлургии (см., напр.: Uşurelu 2010b: 29—30 ff.).

Отнесение Бородаевского и Старобыковского кладов к комплексам типа Лобойковско-Голоуров (Дергачев 2011: 247, рис. 156: 96, 98) я считаю в некоторой степени условным. По поводу первого из этих кладов то же пишет и Е. Н. Черных (1976: 140). Для знаковых комплексов названного типа, если исходить из классификации В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева, единственной характерной разновидностью серпов, судя и по литейным формам, является вариант Кабаково типа Дербедень Волго-Уральской серии/группы (см. выше; ср.: Ушурелу 2010: 59—60). Матрицы для отливки прототипов таких орудий — серпов типа Ибракаево той же серии/группы, по классификации В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева, насколько мне известно, не найдены в Поднепровье и вообще западнее Северского Подонцовья (Дергачев, Бочкарев 2002: 79—85 и сл.). Отмечено немало внекомплексных находок готовых серпов типа Ибракаево в Среднем Поднепровье, но в основном не Волго-Донского варианта, орудия которого составляют Бородаевский клад, а Среднеднепровского (Дергачев, Бочкарев 2002: 59—61 и сл.).

Можно предполагать местное производство серпов из этого клада, как и, может быть, двух серпов из Старобыковского, на основании химических групп меди (Черных 1976: 92—95, 285), а одного из упомянутой пары, отнесенного В. А. Дергачевым и В. С. Бочкаревым к Среднеднепровскому варианту типа Ибракаево, как и орудий Бородаевского клада, — также и по одноименному региону концентрации мест находок серпов этого варианта (см.: Дергачев, Бочкарев 2002: 59—61 и сл.). В какой-то мере серпы типов Ибракаево

и Дербедень сближает, помимо прочего, культурная среда, в которой они были распространены. Следует, в частности, учесть, что обломок серпа варианта Кабаково типа Дербедень найден в одном из срубных слоев Ильичевского поселения (по Т. А. Шаповалову — в сабаиновском II) (см., напр.: Шаповалов 1976: 164), а Кабаковский клад — в типично срубном сосуде (см., напр.: Черных 1976: 148), что соответствует основной культурной принадлежности серпов типа Ибракаево. Оба типа, так или иначе, связаны с Волго-Уральским очагом культурогенеза, с Лобойковско-Дербеденовской металлообрабатывающей зоной (Дергачев, Бочкарев 2002: 61—99 и сл.). Исходя из определенных сведений (Дергачев, Бочкарев 2002: 300), можно сказать, что на основе поздних серпов типа Ибракаево развились лобойковско-дербеденовские традиции изготовления данной категории орудий.

Е. Н. Черных отнес один серп из Бородаевского клада к КТР С-16, характерному для Лобойковского очага металлообработки (1976: 94 и сл.). С лобойковско-голоуровским очагом связывает серпы типа Ибракаево Е. Ушурелу (2010: 59—60). Всего лишь 3 серпа В. А. Дергачев и В. С. Бочкарев относят к варианту Старо-Быково типа Гречихино Волго-Уральской серии/группы, считая эти готовые орудия из Поднепровья одной из «мутационных» разновидностей серпов типа Ибракаево и связывая последний и тип Гречихино с населением срубной культуры (Дергачев, Бочкарев 2002). Учитывая соответствующие происхождение и культурную принадлежность первых, отсутствие оснований для отрицания того, что эти серпы произведены в Поднепровье, и сведений о конкретном культурном контексте соответствующего производства²⁶, не представляется возможным противопоставить серпы рассматриваемого варианта лобойковско-дербеденовским традициям. Во всяком случае, от рышештско-красно-маяцких традиций металлопроизводства серпы ти-

²⁶ Старобыковский клад найден в глубинных районах Днепровской лесостепи, в ареале тшинецкого культурного круга, по мнению А. М. Лескова, в значительном удалении от основных центров металлообработки позднесрубных племен, чем исследователь объяснил архаичный облик форм и типов вещей, входящих в состав этого клада (Leskov 1981). Один серп варианта Старо-Быково, или КТР С-12, попал (возможно, случайно) вместе с вещами в основном западных, в т. ч. ноуа-сабаиновских, традиций в состав Авраамовского клада, найденного в Нижнем Поднепровье, и сам изготовлен «из металла группы Пб, связанной с западом» (Черных 1976: 178 и др.; Дергачев, Бочкарев 2002: 116, 118).

пов Гречихино и Ибракаево гораздо более далеки. Если реконструкция неполностью сохранившегося ножа из Старобыховского клада (Дергачев, Бочкарев 2002: 314, табл. 104: А 1) верна, а входившее в состав последнего, но не сохранившееся долото действительно было произведено посредством и литья, иковки (Leskov 1981: 38), то подобные изделия присущи (в том числе) лобойковско-голоуровским традициям, в отличие от красномяцких (см. выше). Тесла же, подобные входящему в состав Старобыховского клада (Leskov 1981: 6 ff.), характерны, в частности, для лобойковско-голоуровской и красномяцкой металлургии (см. выше).

С Бородаевского и Авраамовского комплексов начато рассмотрение кладов готовых бронзовых изделий сабастиновского времени, найденных на территориях, достоверно входящих в ареал одноименной культуры. Вещи только лобойковско-голоуровских традиций, типы которых непосредственно не представлены в красномяцкой металлургии, входят в состав Борисовского, в т. ч., возможно, и крюк, условно отнесенный Е. Н. Черных к КТР Р-2 (1976), и Нижнехортицкого кладов (Uşurelu 2010b: 28—33 ff.). «Клад изделий лобойковской металлургии» найден между селами Козырка и Червоное Парутино Очаковского р-на Николаевской обл. (Клочко, Козыменко 2011: 162; 45, илл. 55; 46, илл. 56). Мне трудно согласиться лишь с тем, что и «весьма необычное тесло» связывается именно с названной металлургией, тем более учитывая то, что В. И. Клочко отмечает близость изделия по форме теслам типа Рыбаковка (Клочко, Козыменко 2011: 162; 45, илл. 55; 46, илл. 56; Дергачев 2011: 248 и сл., рис. 156: 71). Это должно, как минимум, не исключать местного — степного — непосредственного происхождения типа, представленного теслом из рассматриваемого клада.

Ульяновский клад составляют тесло, нож с ромбическим расширением, отделяющим клинок от черенка, аналогии которому представлены в Лобойковском кладе и негативом на одной из литейных форм Голоуровского комплекса, а также серп и обломок еще одного (Leskov 1981: 15—16 ff.) типа Ибракаево (целый — Волго-Донского варианта) (Дергачев, Бочкарев 2002: 72, 78), близкие лобойковско-голоуровским традициям, но, как и нож, не красномяцким. Тесла, как уже неоднократно указывалось, представлены и в лобойковской, и в красномяцкой металлургии. Елисеевичский клад состоит из крупного кинжала с кольцевид-

ным упором и большей части серпа (Leskov 1981: 13 ff.) варианта С1 типа Сосновая Маза уральской группы волго-уральской серии (Дергачев, Бочкарев 2002: 55), который, если исходить из соответствующей классификации, сближает с лобойковско-голоуровскими традициями разве что серия, не представленная в типичных красномяцких комплексах (см. выше; ср., напр.: Leskov 1981: 13—14, 40—41). Кольцевидный упор характерен и для лобойковско-голоуровской, и для красномяцкой металлургии, но по размерам, особенно длине, кинжал из Елисеевичей ближе к кинжалам красномяцкой линии развития, в понимании, например, В. И. Клочко (2006: 185—186), особенно типа Заградовка-Добрянка, в соответствии с группировкой В. А. Дергачева (2011: 225—230). Характерные для лобойковско-голоуровских комплексов подобные изделия отличаются меньшими размерами (Березанская и др. 1986: 106).

Серп варианта С2 типа Сосновая Маза, «возможно, происходит из клада, найденного у бывшего села Блюменфельд Никопольского р-на» Днепропетровской обл. (Дергачев, Бочкарев 2002: 56). Вещи Благовещенского клада, кроме полностью литого долота, связанного скорее с красномяцкими традициями, чем с лобойковско-голоуровскими, представляют, в частности, последние (Клочко 2006: 195; 231, рис. 89: 11, 12) или, шире, лобойковско-дербеденовские традиции (Ушурелу 2010). Но соответствующие типы, за указанным исключением, не представлены в типичных красномяцких комплексах (Uşurelu 2010b: 28—33 ff.²⁷). Некоторые изделия из Солонецкого клада слишком широко распространены, чтобы ограничивать их рамками конкретных традиций. За исключением ножей, предметы из этого клада, отнесенного Е. Н. Черных к ингуло-красномяцкой группе, судя по распространению подобных (Черных 1976: 73 и сл.), соответствуют, в частности, традициям рышештско-красномяцко-дичевской металлообрабатывающей зоны (в понимании Е. Ушурелу — Uşurelu 2006: 20 и сл.), но не лобойковско-голоуровским. По отношению к малочисленным находкам ножей КТР Н-2, один из которых входит в состав того же клада (Черных 1976: 111 и сл.), на мой взгляд, можно осторожно

²⁷ В этой работе не учтено наличие в Благовещенском кладе упомянутого долота, что неоправданно способствует однозначному восприятию этого комплекса как лобойковско-голоуровского (см., напр., Дергачев 2011: 247 и сл.).

предполагать примерно то же самое. Выше уже рассматривались ножи КТР Н-12 и Н-36, которые имеются и в Солонецком кладе (Черных 1976: 115 и сл.). Черешковые ножи КТР Н-8, по Е. Н. Черных (1976: 114 и сл.), или «катакомбного типа» (Тереножкин 1965: 68, 69), относятся к числу орудий простейших форм. Вероятно, ножи КТР Н-10, основное количество аналогий которым найдено в Волго-Урале, при том, что известны находки первых на срубных поселениях Донбасса (Черных 1976: 114—115 и сл.), относятся к восточным по происхождению традициям. Но при отсутствии находок в Северном Причерноморье и на соседних территориях форм для отливки таких орудий наличие четырех ножей КТР Н-8 и одного — КТР Н-10 в Лобойковском кладе не может быть доказательством принадлежности этих типов к характеризующим лобойковско-голоуровские традиции. В то же время, наличие соответственно трех и одного ножей этих КТР в Солонецком кладе и даже малочисленных экземпляров типа Н-10 в балкано-карпатских областях, в т. ч. одного — в кладе Шпэлнака, не доказывает того, что эти типы могут считаться характерными для рышештско-красномаяцких традиций металлопроизводства. К сожалению, невозможно доказать и связь находок ножей КТР Н-8, Н-10 и Н-12 (по 1 экз.) на поселении Вышетарасовка (см., напр.: Черных 1976: 114—115 и сл.) с комплексом функционировавшей там мастерской Красномаяцкого очага металлообработки (Шарафутдинова 1990: 82). Принадлежность к последнему орудий КТР Н-10 мне кажется все же более правдоподобной, чем к Лобойковскому, к которому разве что может иметь отношение единственный такой нож в составе соответствующего комплекса — Лобойковского клада. В Солонецкий комплекс входят и «кавказские кинжалы типа Рутхи» (Тереножкин 1965: 68, 69).

Вообще, в кладах сабастиновского времени, найденных в ареале одноименной культуры, представлены, в т. ч. могут сочетаться, предметы разных по происхождению традиций, как, тем не менее, относительно близких (см., напр.: Дергачев 2011: 247, рис. 156), так и не являющихся таковыми. Так, выше затрагивался Авраамовский клад, который, помимо прочего, содержит уникальный цельный браслет из толстой пластины (Шарафутдинова 1987: 81—82). Более или менее оригинальные вещи есть и в некоторых других кладах. Например, в состав Дремайловского клада входит уникальная для Причерноморья чаша,

другие же изделия (Leskov 1981: 16 ff.), на мой взгляд, вполне соответствуют сабастиновским (красномаяцким) металлургическим традициям, или таковым линиям развития бронзовых изделий. Это наконечники копий дремайловского типа, подобные представленным, в частности, негативами на литейных формах Новокиевской мастерской (Клочко 2006: 177, 178), полностью литое долото. Двуушковый кельт из Дремайловского клада, правда, соединяет в себе названные, лобойковские и кардашинские традиции (Клочко 2006: 181).

В Щетковском кладе вместе с серией нижнедунайских бронз — двойными секирами и серпами типа Сафаалан — имеется серп варианта Гарбузовка, восточного по происхождению, свойственного сабастиновской культуре (Дергачев, Бочкарев 2002: 106—107, 258—259), но не увязываемого с комплексами предметов металлопроизводства определенных групп (см. выше).

В других известных мне кладах готовых бронзовых изделий сабастиновского времени, найденных на территориях, достоверно входящих в ареал одноименной культуры, судя по определяемым типам вещей, как будто бы нет таких свойственных Лобойковскому очагу металлообработки предметов, которые нельзя считать соответствующими и традициям рышештско-красномаяцко-дичевской металлообрабатывающей зоны. С последними и связаны многие такие типы, представленные в большинстве таковых же кладов. Хотя, например, наконечник дротики из Никопольского клада, как уже отмечалось, на мой взгляд, обнаруживает некоторое сходство с определенными из сейминских и голоуровских изделий. В некоторых из указанных кладов есть неоднократно рассматривавшиеся в данном контексте ножи-кинжалы с кольцевым упором или части последних (Leskov 1981: 18 ff.; Ключинцев 1995: 17 и сл., рис. 19: 3; Черняков 1964: 129—130, 133, рис. 1). Многие изделия таких кладов представляют западные (юго-западные) по происхождению традиции (см., напр.: Черных 1976: 180—183 и др.). Среди первых — серпы типа Гермэнешть восточно-карпатской группы, происхождение которых ряд исследователей рассматривает как результат подражания формам серпов волго-уральской серии (конкретнее, вариант Гарбузовка типа Перелоб — как прототип варианта Гермэнешть одноименного типа) (Дергачев, Бочкарев 2002: 102 и сл.; Дергачев 1997: 30—33 и сл.; 2011: 250; Ушурелу 2010: 60). На мой взгляд, даже сходство сравнительно многочисленных серпов варианта Гермэнешть, особенно из ареала

культуры Ноуа, т.е. древнейших, с малочисленными серпами варианта Гарбузовка, особенно найденными восточнее этого ареала²⁸, и даже судя по полностью сохранившимся рукояточным частям, далеко не столь близко (материалов для сравнений более чем достаточно в монографии: Дергачев, Бочкарев 2002), чтобы согласиться с приведенной точкой зрения. Кроме общих для всех серпов морфологических черт, сравниваемые орудия сближает в основном сам факт наличия крюков. Различия же очевидны и для В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева (Дергачев, Бочкарев 2002: 188, 237). Кроме того, если началу культуры Ноуа действительно соответствуют и распространение в Балкано-Карпатском регионе кельтов лобойковской группы (см., напр.: Бочкарев 2010а: 123), одновременных серпам с кованым крюком, в т.ч. варианта Гарбузовка, и возникновение серпов варианта Гермэнешть (Дергачев 2011; Дергачев, Бочкарев 2002: 13 и сл.), то тогда, по крайней мере, часть серпов варианта Гарбузовка, которые, как и первые, считаются непосредственно предшествовавшими серпам варианта Гермэнешть, и древнейшие из последних окажутся существовавшими, причем преимущественно на разных территориях (Дергачев, Бочкарев 2002: 12—13 и сл.). Мнение М. Рошки о крюкастых серпах Карпатской зоны как о специфических, оригинальных изделиях, если только не соглашаться с мыслью об их трансильванском происхождении и влиянии на формирование крюкастых серпов юга Восточной Европы (см., напр.: Дергачев, Бочкарев 2002: 189, 236), мне представляется более близким к истине.

К раннесабатиновскому времени относится клад, состоящий из вещей кавказского происхождения, найденный в насыпи кургана №16/1982 у с. Крыловка в Крыму (Колотухин 2003: 45, 56; 131, рис. 64: 24, 25).

²⁸ Дабы не возникало сомнений в восточном по отношению к тому же ареалу происхождении соответствующих орудий, сравниваемых с серпами варианта Гермэнешть. Первые могут возникнуть, например, по отношению к серпам, входящим в состав кладов Делень и Одэиле-Подарь, выделяющимся среди остальных изделий, отнесенных к варианту Гарбузовка, особенностями, сближающими указанные предметы из названных кладов с серпами варианта Гермэнешть. Упомянутыми особенностями два серпа, составляющие клад Поенешть, относящиеся к типу Ибракаево (к которому, кстати, отнесены и некоторые более, чем серпы варианта Гарбузовка, сходные с серпами варианта Гермэнешть, особенно орудие из Ильдеряково (Дергачев, Бочкарев 2002: 77, табл. 22: 305)), выделяются среди большинства других серпов волго-уральской серии.

Нет ничего удивительного в интенсивности проникновений лобойковских традиций на территорию сабатиновской культуры (Красномаяцкого очага металлообработки) в результате соответствующих контактов (Гершкович 2001—2002: 605—606; ср., напр.: Сикорский и др. 1997: 68; Ушурелу 2010: 51, сн. б), заметной и по находкам одиночных бронзовых изделий на соответствующих поселениях (см., напр.: Сикорский и др. 1997: 68). В силу того же, между лобойковско-голоуровской и красномаяцкой металлургией близкого времени есть частичное сходство, вырабатывались и синкретические типы (см. выше), в некоторых комплексах сочетаются типы одноименных групп (см., напр.: Клочко 2006: 198), вплоть до упоминавшегося выше изготовления негативов изделий одной и другой соответствующих традиций неодинакового происхождения на одной и той же литейной форме, вопреки утверждению Е. Ушурелу (Ушурелу 2010: 62, сн. 12). А более частое сочетание в комплексах типов изделий, присутствующих Красномаяцкому, Рышештскому и Дичевскому очагам металлообработки, чем лобойковско-голоуровских и, например, красномаяцких типов, может объясняться вполне закономерной большей интенсивностью контактов в пределах одной и той же металлообрабатывающей зоны, чем между двумя соседними: рышештско-красномаяцко-дичевской, по выражению самого Е. Ушурелу (Uşurelu 2006: 20, 29—31), и лобойковско-дербеденовской. Ведь любая металлообрабатывающая зона и объединяла наиболее сходные очаги (Бочкарев 1995б: 120—123). К счастью, по меньшей мере, для абсолютного большинства исследователей очевидна хронологическая близость Малокопаневской литейной мастерской с лобойковско-голоуровскими комплексами (на мой взгляд, вопрос в том, со всеми ли) и более ранняя хронологическая позиция последней по отношению к несомненно красномаяцким. Если разделять точку зрения о большей типологической близости этой мастерской к красномаяцким комплексам²⁹, чем к лобойковско-голоуровским (см. выше), то становление Красномаяцкого очага металлообработки синхронно функционированию Лобойковского (пусть, может быть, не самым ранним комплексам последнего). Тем более, что к раннесабатиновскому времени также относятся, как и яркие лобойковско-голоуровские комплексы, I горизонт негативов

²⁹ Кажется, никто не должен возражать против того, что различия между этими объектами сопоставления имеют стадильно-хронологический характер.

Новокиевской литейной мастерской Красно-маяцкого очага металлообработки и поселения Мариновка (Лесков 1975б: 16—17; Gerškovič 1999: 72, 88; ср.: Дергачев 2011: 228 и сл.³⁰), на одной из двух найденных матриц с которого вырезаны негативы изделий красно-маяцких типов, Златополь, на котором найдена, в частности, литейная форма с негативом подвески, аналогичной отливавшимся, в том числе, в Красномаяцкой мастерской, и Капуловка, на котором найден, в частности, обломок матрицы с фрагментом негатива (в том числе) долота (Voškarev, Leskov 1980). Процесс изготовления последнего предусматривал только литье, что соответствует красномаяцким традициям (см. выше).

Сложнее судить о функционировании Лобойковского очага металлообработки после раннесабатиновского периода. Например, если принять мнение о «постзлатопольской» традиции изготовления наконечников копий и дротиков белозерского времени или соответствующих синкретических типах как о результате эволюции производства наконечников златопольского типа лобойковской металлургической традиции (Клочко 2006: 194, 213) или вообще о преемственности между лобойковской и завадовской металлургией (Ромашко 2013: 217), то, в соответствии с этим, данный очаг должен был существовать и после раннесабатиновского периода (Gerškovič 1999: 74; Клочко 2006: 215)³¹. В. С. Бочкарев и А. М. Лесков отнесли уже упоминавшуюся литейную форму из Иванковичей с негативом, в частности, наконечника дротика, по В. И. Клочко, типа Златополь — лобойковской группы (Клочко 2006: 194; 229, рис. 87: 20), к позднесабатиновскому времени (Voškarev, Leskov 1980: 29—30, 62).

Я не исключаю и определенного воздействия, в том числе, Лобойковского очага металлообработки на само формирование Крас-

номаяцкого, о чем я, правда, сколько-нибудь серьезно могу судить лишь по ножам с кольцевым упором. Вряд ли можно считать убедительным возражение В. И. Клочко (2006: 185—186) против традиционной концепции происхождения таких изделий от срубных ножей с плоским упором. Оно строится на том лишь основании, что на одной из литейных форм Малокопаневской мастерской, отнесенной исследователем, вопреки мнению большинства других, к культуре многоваликовой керамики, негатив ножа с кольцевым упором, соответствующий срубным ножам, был изготовлен раньше негатива кинжала Бородинского типа.

Во-первых, начало производства указанных срубных ножей, как и кинжал из Бородинского клада, относится к досабатиновскому времени (см., напр.: Клочко 2006: 146—147 и сл.). Во-вторых, Е. Н. Черных, справедливо, на мой взгляд, возражая против зачастую чрезмерного сближения с этим кинжалом того, что известен по литейной форме из Малых Копаней, выделил последний, гораздо более близкий к некоторым кинжалам, отливавшимся в красномаяцких литейных формах, в отдельный КТР — Н-51 (Черных 1976: 123—124). Впрочем, это как будто бы не противоречит наличию генетической связи между всеми этими кинжалами (Черняков 2002: 45 и сл.; Клочко 2006: 147 и сл.). На мой взгляд, кинжал указанного КТР в большей степени, чем к бородинскому, близок к представленному негативом на литейной форме из мастерской Мариновка, который В. И. Клочко рассматривает как дальнейшее развитие соответствующей линии в Северном Причерноморье, уже в рамках сабатиновской культуры (Клочко 2006: 146—147, 186; 167, рис. 67: 1, 2; 225, рис. 83: 1)³², в т. ч., по всей вероятности, и по времени. Тогда, разумеется, не может выходить за те же культурно-хронологические рамки

³⁰ Во всяком случае, на мой, в частности, взгляд, отливавшийся в одной из матриц с этого памятника кинжал (Дергачев 2011: 248, рис. 157: 102) по общей конфигурации более близок к изготовлявшимся в Малокопаневской литейной мастерской, чем к более поздним (в основном) кинжалам-мечам с простым дуговым перекрестием — в частности, к отливавшимся в Волошском (Дергачев 2011: 224, рис. 142: 10—12; 225, рис. 143; ср.: Клочко 2006: 186 и Дергачев 2011: 227—228; 226, рис. 144: 5 А, С; 230, рис. 145: 5 А, С).

³¹ И противоречий здесь тому, что в иной среде могла происходить другая эволюция лобойковско-голововских или сходных традиций, результаты которой синхронны комплексам групп Красный Маяк и Добрянка (Uşurelu 2010b: 50, 51), я не вижу.

³² Во всяком случае, кинжалы, представленные негативами на литейных формах из Малых Копаней и Мариновки, в отличие от бородинского, имеют дуговидные перекрестия (что для ряда исследователей является типобразующим признаком касательно подобного оружия (см., напр.: Шарафутдинова 1982: 125; Черняков 2002: 42—45)), хотя и довольно слабо выраженные, особенно малокопаневский. Ярко выраженное дуговидное перекрестие имеет, в частности, кинжал, представленный негативами на створках литейной формы из Днепровско-Каменского комплекса и по форме клинка более близкий к бородинскому и малокопаневскому (Гершкович 2005—2009: 581 и сл., рис. 5: 2; 584, рис. 8: 11), чем к мариновскому.

и негатив кинжала с кольцевым упором на той же матрице из Малокопаневской мастерской, несмотря на отмеченную выше разницу во времени изготовления с другим рассматриваемым негативом на первой. Что же касается мнения о том, что срубные ножи с плоским ромбическим перекрестием и кинжалы с кольцевым упором якобы относятся к независимым и синхронным очагам металлообработки и поэтому не являются генетически связанными, то в Лобойковском очаге представлены упомянутые кинжалы, ножи с небольшим расширением, сформированным путемковки черенка, с точки зрения некоторых исследователей, переходные от первых к кинжалам с кольцевым упором, и, как и в срубном³³ (Литвиненко 1999б: 16—17), ножи с четким перекрестием (см., напр.: Черных 1976). Уже это (но не только) считать данные очаги независимыми (см., напр.: Литвиненко 1999б: 16) не позволяет (см., напр.: Черных 1976: 191—193 и др.). В. А. Дергачев даже воспринимает практически как одно явление «кинжалы с уплощенным или кольцевидным упором» (Дергачев 2011: 248). На территории Дичевского очага металлообработки также бытовали эти изделия³⁴ и оригинальные кинжалы-мечи (условно — типа Попова) с уплощенным, подромбовидным упором, который рассматривается как результат восприятия и модификации срубных традиций (см., напр.: Дергачев 2011: 222 и сл.). По мнению В. А. Дергачева, с кинжалом из Сливенского округа близко сходны по оформлению уплощенного упора и конфигурации клинка некоторые изделия, в частности, из Лобойковскогоклада (Дергачев 2011: 231, в т. ч. и ссылки на иллюстрации), иногда воспринимаемые как переходные от кинжалов-ножей с ромбическим перекрестием к подобным с кольцевым упором (см. выше). На мой взгляд, хотя сливенский нож-кинжал несколько отличен от лобойковских, его перекрестие со свисающими, «клововидными» концами (Черных 1978а: 234—236) может восприниматься как переходное от четких ромбовидных перекрестий не только к дуговидным у кинжалов-мечей (о которых — ниже), но и, вероятно, к коль-

цевым упорам. Во всяком случае, оно сопоставимо с последними по высоте, меньшей, чем у более четких ромбических перекрестий (Дергачев 2011: 223, рис. 141: 3—5, 8—13), а с имеющимися у мечей, отливавшихся в Красномаяцкой мастерской, — и по конфигурации (в фасе) (Дергачев 2011: 223, рис. 141: 9; 224, рис. 142: 10, 11).

Так можно ли считать Дичевский очаг металлообработки (тем более — Красномаяцкий) совершенно независимым от Лобойковского и даже срубного? Считаю логичным предположить, что трансформация ромбовидного или близкого к таковому перекрестия в кольцевой упор впервые произошла в рамках Лобойковского очага. Ведь, во-первых, для последнего более характерны, чем для Дичевского, изделия с ромбовидным перекрестием, как и с кольцевым упором, свойственным (в более или менее четких вариантах) и бритвам (Дергачев 2011: 237, рис. 151: 1—3, 6—11, 13), весьма показательным именно для лобойковской металлургии (см. выше), и известно больше типологически промежуточных вещей (ср., напр.: Дергачев 2011: 222 и сл. и Черных 1976: 118—122 и сл.).

Во-вторых, восточнее территории Лобойковского очага металлообработки бронзовые изделия с кольцевым упором и особенно соответствующие литейные формы встречаются заметно реже (см., напр.: Подобед и др. 2009: 3—6; 11, рис. 1). В-третьих, мне известен лишь один достоверно происходящий из слоя (комплекса) сабатиновской культуры нож с ромбовидным перекрестием — с поселения Мерены II (Sava 2002b: 71, 83, 91; 72, fig. 3: 8). Е. Н. Черных, правда, упоминает о ноже КТР Н-32 «с позднебронзового пос. Бадарьянка Белгород-Днестровского р-на» (Черных 1976: 119, 277) Одесской обл. Вероятно, не без влияния Лобойковского очага металлообработки носители культуры Кослодженъ стали производить изделия с ромбовидным или близким к таковому перекрестием (Дергачев 2011: 229, 231, 248—249) и оно также и в рамках Дичевского очага трансформировалось в кольцевой упор. Тогда вряд ли без влияния лобойковской металлургии стали производить ножи-кинжалы (не говоря уже о бритвах) с таким упором в рамках Красномаяцкого очага. Полагаю, что временной разрыв между древнейшими красномаяцкими (ныне, видимо, представленными негативом на матрице Малокопаневской мастерской) и лобойковскими ножами с кольцевым упором вряд ли может быть большим (см. Черниенко 2013, а также ниже). На мой взгляд, в контексте

³³ Этот очаг частично предшествовал Лобойковскому (см., напр.: Черных 1978б: 55, рис. 2; 56, рис. 3; Klochko 1993: 58—59, 72—73; ср.: Ключко, Козыменко 2011: 45, 162).

³⁴ Там, правда, такие кинжалы известны в заметном меньшем количестве, чем в зоне деятельности Лобойковского очага металлообработки.

соответствующей частичной преемственности между лобойковской и красномаяцкой металлургией и следует воспринимать эту мастерскую, которую Е. Н. Черных не случайно давно отнес, пусть даже условно, к ингуло-красномаяцкой группе комплексов, или одноименному очагу металлообработки (Черных 1972: 28; 1976: 140, 178, 182).

При этом далеко не полное совпадение территорий соответствующих очагов, при том, что Красномаяцкий, в отличие от Лобойковского, почти оптимально соответствует ареалу сабастиновской культуры, в пользу объяснения довольно заметных различий между соответствующими традициями лишь причинами стадильно-хронологического порядка не свидетельствует: «различия в типологическом составе (наборе) инвентаря каждой из групп могут в определенных случаях объясняться не только хронологией, но и географическим местоположением, особенно существенным для III группы комплексов», т. е., по Е. Н. Черных, «завадово-лобойковской» (Черных 1976: 144). Доказать исключительную «срубность» Лобойковского очага металлообработки уже невозможно (Гершкович 2003: 34) — он многокомпонентен в культурном отношении (Гершкович 2000: 156; 2001—2002: 605). Проблема северо-западных границ срубной культурно-исторической общности и соотношения с ними литейных мастерских Голоуров, Деревянное, Мазепинцы (Заречье) и некоторых других пунктов находок может считаться открытой (Отрощенко, Рассамакін 1997: 25) до сих пор. Но с типологической точки зрения связь лобойковско-голоуровской металлургии с этой общностью (Ушурелу 2010: 51 и сл., рис. 5: 1; 34, карта 4: 1; Uşurelu 2010b: 44; Отрощенко, Рассамакін 1997) (прежде всего — с бережноско-маевской срубной культурой: Отрощенко 2001b: 160—162, 171), причем в большей степени, чем с сабастиновской культурой (Черных 1976), представляется вполне очевидной³⁵. Но и отрывать полностью сабастиновскую культуру от лобойковской металлургии не следует

(Черных 1972: 30, 31, 38; 1976: 84 и сл.). Это не зависит от того, относить ли сабастиновские поселения (или слои), на которых найдены изделия лобойковско-голоуровских или близких к таковым типов, к бережноско-маевской срубной культуре (Отрощенко 2004: 167), не включая соответствующие территории в ареал сабастиновской культуры (Клочко 2006: 155 и сл.), или же однозначно связывать с «Ингуло-Красномаяцким» очагом мастерские Капуловка и Златополь (Шарафутдинова И. Н. 1990: 82). Металлопроизводство сабастиновской культуры раннего этапа изучено слабо и в основном по находкам в восточной части ее ареала. Но некоторые из них говорят о функционировании и там в то время Лобойковского очага металлообработки. Это особенно касается определенных негативов на литейных формах из слоев названных культуры и этапа поселений Златополь (ср.: Черных 1976: 156) и Капуловка (см. выше). Приводившийся выше негатив кельта на матрице из соответствующего слоя со скалы Кременчук позволяет, прежде всего, то же говорить и о центральной части данного ареала³⁶.

Я попытался показать некоторое воздействие лобойковско-голоуровских традиций на становление Красномаяцкого очага металлообработки. В этом контексте уместно также рассмотреть довольно сложную связь с восточными традициями большинства кинжалов-мечей, традиционно относимых к «красномаяцкому» типу (Дергачев 2011: 222 и сл.). Кинжал из известного Борисовского погребения воина проявляет наибольшую среди названных изделий близость (по общей форме и особенно перехвату) к кинжалам более архаичных типов Н-30/32, по классификации Е. Н. Черных (Черняков 2002: 43—44). Кинжалы КТР Н-51, по Е. Н. Черных, отличавшиеся в Малокопаневской мастерской (Черных 1976: 123—124 и сл.) и генетически связанные с типом кинжала, входящего в состав Бородинского клада³⁷, к другим тради-

³⁵ Лобойковский и Красномаяцкий очаги металлообработки сближает еще и изготовление литейных форм в основном из камня (об исключениях см., напр.: Сикорский и др. 1997: 69). Было бы удивительно, если бы лобойковские мастера не использовали хлорито-талко-амфиболитовые породы, скорее всего, криворожского происхождения, выходы которых имеются и в Поднепровье (Шарафутдинова 1982: 136). Но чем дальше на восток от Днепра, тем реже встречаются срубные каменные литейные формы и чаще — глиняные.

³⁶ Поэтому подсчет доли «срубных изделий из кладов на территории сабастиновской культуры» (Березанская и др. 1986: 102) на самом деле затруднен в связи с проблематичной культурной атрибуцией тех характерных лобойковско-голоуровских типов, которые представлены и на поселениях сабастиновской культуры негативами на литейных формах или готовыми бронзовыми предметами.

³⁷ Соответствующую линию развития некоторые исследователи начинают с определенных восточносредиземноморских кинжалов и мечей (см. о ней, напр.: Клочко 2006: 147, 185, 186; Черняков 2002; ср., напр.: Шишлина 2013: 160, 166, 167).

циям, как мне кажется, отношения не имеют. Но, пожалуй, все остальные кинжалы-мечи с дуговидными перекрестиями («красномаяцкого» типа), на мой взгляд³⁸, олицетворяют продолжение как неоднократно упоминавшейся выше линии развития типа бородинского кинжала, так и двух других линий. Одна идет от мечей горизонта Хайдушамшон-Апа через кинжалы-мечи, отливавшиеся в мастерской Побит Камык (Черных 1978а: 257, 259; ср.: Клочко 2006: 184). Еще одна линия связана с трансформацией ромбовидных и близких к таковым перекрестий, присущих, в частности, срубным (и лобойковско-голоуровским) ножам, кинжалу-ножу «типичной раннесрубной формы из СВ Болгарии» и кинжалам-мечам типа Попово (Дергачев 2011: 222 и сл.), в дуговидные перекрестия кинжалов-мечей «красномаяцкого» типа³⁹. Промежуточная стадия этой трансформации, как уже упоминалось, представлена перекрестием со свисающими, «клювовидными» концами кинжала из Сливенского округа, к тому же близкого по форме клинка к упомянутому борисовскому кинжалу (Черняков 2002: 44). Интересно, что переход от восточного по происхождению ромбовидного перекрестия к дуговидному не произошел в рамках Лобойковского очага металлообработки, в комплексах которого последнее неизвестно. Да и вообще, систему вооружения этого очага отличает от присущих сабатиновской культуре традиций, в частности, сам факт отсутствия мечей (Клочко 1987: 75). Это тем более относится к большинству более восточных очагов бронзового века Европы (Черных 1978б). В рамках некоторых из них разве что бытовали кинжалы-мечи с дуговидным пе-

рекрестием типа Сосновая Маза (Дергачев 2011: 227). Попытки вывести «красномаяцкий» тип кинжалов-мечей из ножей-кинжалов с кольцевым или близким к таковому упором (Черняков 2002: 43—44, 48; Клочко 2006: 184; Кривцова-Гракова 1955: 141), по-моему, выглядят не столь убедительными⁴⁰.

Налицо результаты влияния на металлургию раннего этапа сабатиновской культуры, в т. ч. на красномаяцкую, и других восточных по происхождению традиций — это, прежде всего, производство долот, серпов варианта Гарбузовка. Е. Н. Черных одним из первых обратил внимание на то, что в период поздней бронзы «в Северном Причерноморье возникает металлообработка, зависящая от Балкано-Карпат», определявшаяся развитием металлургии в них, на совпадение огромного большинства руководящих форм «ингуло-красномаяцкого» очага металлообработки и Карпатского горно-металлургического центра (1972; 1976). Но считать основной роль западного импульса в возникновении этого очага (Черных 1972: 36, 38; 1976: 181—184 и сл.; Бочкарев 2010б: 167—168), на мой взгляд, все же нельзя. Таковая не распространялась на все составляющие металлопроизводства сабатиновской культуры, учитывая, в частности, вывод Е. Н. Черных: «Памятники сабатиновского облика, кроме ингуло-красномаяцкого металла, не в меньшей степени связаны и с находками заводово-лобойковской группы» (Черных 1972: 30; ср.: Бочкарев 1995б: 117). Правда, как представляется, это относится, главным образом, к раннесабатиновскому времени, которым Е. Н. Черных вообще не датировал в известной монографии (1976) «заводово-лобойковский» очаг металлообработки. Впрочем, в дальнейшем уже в рамках Красномаяцкого очага происходила эволюция производства двушковых кельтов лобойковско-голоуровских традиций. Изготавливались и синкретические изделия, а также стали отливать бритвы, судя по комплексу Волошское I, относящемуся к поздне-сабатиновскому времени (Bočkarov, Leskov 1980: 11 ff.), кельты с лобным ушком восточных (но не связанных с лобойковско-голоуровскими) традиций (Uşurelu 2011). Продолжали производить ножи-кинжалы с кольцевым упором, кинжалы-мечи с дуговидным перекрестием,

³⁸ Реконструкция перекрестия кинжала, представленного фрагментами негатива на распиленной литейной форме, входящей в комплекс Новокиевской мастерской (Клочко 2006: 184; 223, рис. 81: 13), как дуговидного, очень близкого имеющимся у некоторых мечей «красномаяцкого» типа (Дергачев 2011: 225, рис. 143: 17), не соответствует негативу. Скорее продолжали линию развития кинжалов (боевых ножей) с кольцевым упором типа, который ряд исследователей также именует красномаяцким (см., напр.: Клочко 2006: 185—186), чем относятся к упомянутому кинжалам-мечам, кинжалы типа Заградовка-Добрянка, в соответствии с группировкой В. А. Дергачева (2011: 222, 225—230, 249).

³⁹ Среди древнейших из последних окажутся, опять же, отливавшиеся в мастерской Побит Камык (Клочко 2006: 184; Дергачев 2011: 228—229 и сл.), а также, что в данном контексте особенно интересно, кинжал, представленный негативом на литейной форме с поселения раннего этапа сабатиновской культуры Мариновка (см. выше).

⁴⁰ На кинжалы-мечи, имеющие не только дуговидное перекрестие, но и кольцевой упор на черенке (Клочко 2006: 186—187; 225, рис. 83: 5—7), соответствующий скептицизм не распространяется (Leskov 1981: 64).

полностью литые долота (Vočkarov, Leskov 1980: 11—12 ff.). Все это, конечно, к пересмотру границ и хронологических рамок Красномаяцкого и Лобойковского очагов металлообработки (Ушурелу 2010: 51, сн. 6) не обязывает и не должно склонять к выводу о безусловной генетической соподчиненности сабастиновской культуры срубной, а, скорее всего, является свидетельством постоянных и продолжительных контактов разнотурных групп населения (Gerškovič 1999: 74). Но то же самое не противоречит суждениям о наличии определенного генетического родства между сабастиновскими и срубными древностями.

Следует учитывать, что металлургия сабастиновской культуры, в т.ч. красномаяцкая, могла унаследовать некоторые традиции, которые, по меньшей мере, были знакомы предшествовавшему местному бабинскому населению. Это, по всей вероятности, производство, прежде всего, изделий элементарных форм: простейших ножей (Погрехова 1960: 88; 83, рис. 7: 4), тесел, шильев и пр., а также, возможно, снабжение ушками наконечников дротиков, изготовление сходных с входящим в состав Бородинского клада кинжалов (см. выше) и, может быть, булавок с ромбическим щитком (Березанская и др. 1986: 108; Шишлина 2013: 158—159). Литье последних в рамках Красномаяцкого очага металлообработки засвидетельствовано находкой Днепровско-Каменского комплекса, в состав которого входит соответствующая литейная форма (Гершкович 2005—2009). По всей видимости, собственные инновации в сабастиновской, в т.ч. красномаяцкой, металлургии изначально представлены формами большинства наконечников копий и дротиков (Клочко 2006: 177, 178; 162, рис. 62: 5; 217, рис. 75: 3, 7). Вероятно, «пещерка» с одной стороны кельта, представленного негативами на створках одной из литейных форм Малокопаневской мастерской, отражает влияние на раннесабастиновскую металлургию со стороны культуры Ноа (Шарафутдинова 1982: 110 и сл., рис. 41: 1, 6; 148, рис. 59: 12) или Кослоджень. Вероятнее всего, к раннесабастиновскому времени относятся Щетковский и Козорезовский клады, состоящие в основном из северобалканских бронз (Leskov 1981: 87, nota 241).

В дальнейшем обилие западных и юго-западных влияний (Uşurelu 2010b: 48, 51—54, 56; Бочкарев 1995b: 120—121) и особенно импортов (Дергачев 2011: 247 и сл.; Новикова 1976: 28 и сл.) попросту затмило остальные традиции, которым следовали литейщи-

ки сабастиновской культуры. Иногда карпато-балканский импульс воспринимают как обратный, инспирированный влиянием восточного металлопроизводства на Карпато-Дунайский регион (Бочкарев 2010b: 167—168), возводя соответствующие западные типы изделий к восточным по происхождению прототипам, в большинстве случаев в той или иной мере близким к лобойковско-голоуровским (Uşurelu 2010b: 48—51, 54).

Нетрудно заметить, что для специалистов по металлопроизводству сильное давление с востока на Карпато-Дунайский очаг культурогенеза в основном стоит за группами сравнительно немногочисленных, главным образом, отлитых изделий Делень, Одэиле-Подарь и Попгруево, по Е. Ушурелу (Uşurelu 2010b: 36—43 ff.). Среди них наиболее многочисленной категорией являются двуушковые кельты лобойковско-голоуровского облика, которых по последним данным насчитывается порядка полутора десятков (Дергачев 2011: 84). Если В. А. Дергачев отказался от установления слишком жесткой связи между металлическими изделиями и процессами культурогенеза (Дергачев 2010: 129 и сл.), то В. С. Бочкарев склонен оценивать процесс «продвижения» кельтов в западном направлении не как пример классической диффузии, а как явление, напрямую связанное с крупными культурно-историческими изменениями, в т.ч. с образованием культурного блока «сабастиновка-ноа-кослоджень» (Бочкарев 2010a: 123)⁴¹. Но, кроме указанной ограниченной численности, важно то, что сами двуушковые кельты в Карпато-Днестровском регионе и Подунавье не получают дальнейшего развития и после раннесабастиновского времени почти не использовались (Ушурелу 2010), хотя многие более поздние типы кельтов этих территорий связывают с ними по происхождению (см., напр.: Uşurelu 2010b: 48—51).

При этом в Северном Причерноморье наблюдается эволюция двуушковых кельтов не только в рамках сабастиновской культуры, но и в белозерское время, когда такие орудия были связаны более всего с одноименной культурой (см., напр.: Ушурелу 2010). Что касается

⁴¹ Здесь уместно еще раз обратить внимание на то, что В. С. Бочкарев и В. А. Дергачев в работах, разница во времени публикации которых не слишком велика, связывают начало культуры Ноа с появлением (по крайней мере, в соответствующем ареале) то двуушковых кельтов, то серпов варианта Гермэнешть, т.е. с неодновременными, по мнению тех же исследователей, ситуациями (подробнее см. выше).

Дичевского очага металлообработки, то внедренные на этапе его формирования, в частности, ножи-кинжалы и кинжалы-мечи «красномаяцкого» типа⁴² в дальнейшем вышли из производства и употребления (Дергачев 2011: 251—252, 269, 277), чего не скажешь о Рышештском и особенно Красномаяцком очагах (Uşurelu 2010b: 28—43 ff.). Даже *a priori* в силу географического фактора представляется вполне логичным, что восточные традиции имели большее значение для металлургии сабатиновской культуры, чем для металлопроизводства культур Ноуа и Кослоджень. Это разве что не относится к наконечникам копий и дротиков, представленным в комплексах разных этапов культур только что упомянутой пары, более похожим по форме на лобойковско-голоуровские и сейминские, чем большинство из достоверно относящихся к сабатиновской культуре (Petrescu-Dîmbovița 1977: 178, pl. 16: 3; 19: 9, 10 etc.). После раннесабатиновского времени носители культур Сабатиновка, Ноуа и Кослоджень использовали бритвы и желобчатые долота, причем В. А. Дергачев склонен считать, что некоторые бритвы, найденные в ареалах культур Ноуа и Кослоджень, древнее литейной мастерской Волошское I (Дергачев 2011; Uşurelu 2010: 28—43 ff.).

Для того чтобы считать вышеупомянутые группы сравнительно немногочисленных изделий Делень, Одэиле-Подарь и Попгруево, в которых представлены типы, подвергшиеся эволюции в процессе дальнейшего производства, результатом восприятия населением культур Ноуа и Кослоджень традиций именно сабатиновской культуры, да еще и на генетическом уровне (Uşurelu 2006; 2010b: 46—53, 56—59), последние (в данном случае — в основном лобойковско-голоуровские), на мой взгляд, должны быть хотя бы относительно равномерно представлены по всему ареалу культуры, претендующей на роль донора. А этого, по нынешним данным, за сабатиновской культурой не наблюдается. Более того, именно на западных территориях, достоверно входящих в ареал последней и ближайших к ареалам культур Ноуа и Кослоджень, найдено чрезвычайно мало изделий лобойковско-голоуровских или близких к таковым типов, не могущих считаться присущими также и красномаяцкой металлургии (Черных 1976; Дергачев 1997: 82, 84; Sava 2002b: 71,

83, 91; 72, fig. 3: 8)⁴³. К тому же с лобойковско-голоуровской металлургией в большей степени связана бережновско-маевская срубная культура, чем сабатиновская.

На мой взгляд, экономические связи между носителями культур Сабатиновка, Ноуа и Кослоджень были настолько тесными, что зачастую очень трудно, если вообще возможно, определить, какое именно население и у кого впервые переняло ту или иную из традиций металлопроизводства, отражающих специфику именно рышештско-красномаяцко-дичевской металлообрабатывающей зоны. Традиции эти в целом едины, но с заметными особенностями, присущими каждой из этих культур (Дергачев 2011: 226—230 и сл.; Бочкарев 1995б: 120—121). С мнением о восприятии Рышештским очагом металлообработки от Красномаяцкого некоторых типов наконечников копий (Бочкарев 1995б: 121), пожалуй, можно согласиться, т. к. соответствующие таковым дремайловского типа (Клочко 2006: 178), в т. ч. ранним (Gerškovič 1999: 62, 69, 72; Taf. 39: 4, 5), или в той или иной мере сходные в комплексах первого из этих очагов, а также в ареале культуры Кослоджень как будто бы появляются позднее (Uşurelu 2010b: 35—38 ff.). Само собой, металлопроизводство подчеркивает своеобразие как сабатиновской, так и других археологических культур.

Одной из особенностей современной историографии рассматриваемых проблем является отсутствие сколько-нибудь активного ведения дискуссий. Исследователи, обосновывая свои позиции, зачастую практически не реагируют на альтернативные точки зрения своих современников. Поэтому со стороны разные мнения выглядят научно равноценными, хотя, на мой взгляд, таковыми не являются, т. к. соотношение сильных и слабых сторон в различных концепциях неодинаково. Это определяет необходимость проанализировать различные точки зрения, выявить в них приемлемые положения. В то же время против некоторых позиций ряда исследователей, нередко активно отстаиваемых, на мой взгляд, необходимо возразить. В восполнении

⁴² Как указывалось выше, происхождение этих изделий так или иначе связано с восточными традициями.

⁴³ В этом плане дистанция между остриями стрелок I и хвостами стрелок II заметно большая, чем соответствующие между стрелками других пар (начиная со II), на одной из карт (Дергачев 1997: 102) представляется мне не такой уж случайной. Можно, правда, и приблизить хвосты стрелок II к остриям стрелок I (но не наоборот), т. е. к Поднепровью, имея в виду не столько культурно-генетические процессы, сколько возможность относительно дальних связей населения культур Ноуа и Кослоджень.

такого пробела в историографии вопроса, как дефицит убедительных соответствующих возражений, я вижу одну из немаловажных целей настоящей работы.

Переходя к проблемам соотношения сабастиновской культуры с предшествующими (полностью или частично) культурными образованиями и, значит, к вопросам культурогенеза, отмечу, что авторы следуют разным приоритетам при выборе источников для разработки этой темы. Осознавая всю сложность общеизвестной проблемы погребальных памятников названной культуры, особенно на востоке ареала последней (Тоцев 2007: 173, 191; Колотухин 2003: 54—55; Sava 2003: 37; Sava, Agulnikov 2003: 113 и сл.)⁴⁴, полагаю, как и ряд других исследователей, что именно погребения являются наиболее информативным источником для вопросов культурогенеза. Эта категория памятников отражает действия этногенетических факторов сложения археологической культуры, причем лишь с определенного этапа этнических контактов (Яровой и др. 2002: 319). В понимании В. И. Каврука, эти факторы должны рассматриваться с учетом этногенетической значимости тех или иных специфических признаков культур по погребальному обряду и связей между последними (Каврук 1988: 2, 8, 10—11; см. также, напр.: Пьянков 2010: 83). Не игнорирую, но считаю менее выразительными в указанном контексте признаки других категорий, которые могут быть интерпретированы как свидетельствующие не обязательно имен-

но об общих или различных происхождении и/или этнографических особенностях, но также, возможно, как о сходной, так и о различной «исторической ориентации» (Гершкович 1998: 81) носителей тех или иных культур, о контактах⁴⁵ и других формах «общения и взаимодействия человеческих коллективов» (Изотова 2000: 112). Если эти древности и отражают действия факторов сложения археологической культуры, то в основном, на мой взгляд, внеэтногенетических. Это касается, прежде всего, материальной культуры, элементы которой зачастую заимствуются и широко распространяются в различных (в т.ч. генетически) культурных образованиях⁴⁶, в отличие от погребальной идеологии, воплощенной в обряде (Черносвитов 1989: 23). Это также может относиться к «зольникам»⁴⁷, алтарям, глиняным хлебцам, фигуркам животных, не говоря уже о данных по сельскому хозяйству (ср.: Gershkovich 2003: 309—312, 314)⁴⁸. Так, из работ Я. П. Гершковича (1997: 125 и сл.; 2000: 155—156; 2001—2002: 605; Gerškovič 1999: 58, 59, 90—92) остается не вполне ясным, почему синкретизм, прослеживаемый на срубных и сабастиновских материалах, можно объяснить, главным образом, горизонтальной ориентацией двух различных типологических рядов (т.е. контактами, заимствованиями и т.п.), а сходство материальной культуры именно в блоке Сабастиновка-Ноуа-Кослодженъ больше располагает к поиску общего компонента сложения культур, чем к объяснению теми же горизонтальными связями (ср., напр.: Сава, Кайзер 2011: 235—239). Тем более что первый не приводит гибридной не только срубно-сабастиновской керамики, которая бы демонстрировала эволюцию

⁴⁴ Как заметил Р. А. Литвиненко (2009а: 75), видимо, в основном из-за этого многие исследователи предпочитают для разработки даже проблемы генезиса сабастиновской культуры другие источники. В контексте проблемы погребений этой культуры следует указать и на то, что ситуация с установленным их стратиграфическим соотношением с бабинскими захоронениями обстоит гораздо хуже, чем это пытается представить Е. Н. Сава (Сава 1992: 48—53) (даже если выразиться осторожнее: упомянутое соотношение между погребениями выделенных исследователем первой и второй групп, в частности, что касается ориентировок костяков и керамического инвентаря). Единственный относительно достоверно известный мне случай установленного такого соотношения — курган 1 у с. Румянцево, где классическое бабинское погребение 12 находилось под раннесабастиновским погребением 11 (Агульников, Бубулич 1998: 138—141). Как будто бы в кургане 6 у с. Казакля основное захоронение бабинское (Сава 1992: 190) (безынвентарное, с северной ориентировкой скелета), а среди впускных есть погребение с горшком, более характерным для сабастиновского времени. Но с публикацией материалов, если таковая имеется, я не знаком. Соответствующую информацию мне любезно предоставил С. М. Агульников, за что я ему благодарен.

⁴⁵ Впрочем, контакты бывают разными и в определенных ситуациях могут быть внеэтногенетическими факторами сложения археологических культур, а собственно этнические — и этногенетическими (Каврук 1988: 2).

⁴⁶ Особого отношения требует в целом близкое сходство памятников ряда культур (Каврук 1988: 5), даже если последнее более заметно по материальной культуре.

⁴⁷ Интерпретация наиболее тщательно и квалифицированно исследованных «зольников» — на поселении культуры Ноуа Одая-Мичурин (Сава, Кайзер 2011: 426—434 и др.) — вообще не располагает к тому, чтобы сколько-нибудь непосредственно увязывать их с проблемами культурогенеза и межкультурных связей.

⁴⁸ Примеры системного подхода к использованию данных по погребальному обряду и материальной культуре для культурогенетических построений см.: Козенкова 1990: 76, 82—85, 88; Колотухин 1988: 13, 15—17; 1990: 107—110; 1996: 68—71.

срубных керамических традиций и их переход в сабабиновские, но и, скажем, монтеоровско-сабабиновской или ноуа-сабабиновской. Разве что взгляды Я.П. Гершковича на относительную хронологию срубных и сабабиновских древностей (см. ниже) позволяют ему делать культурогенетические построения на основании контактов КМК с культурами Тей, Монтеору, но не со срубной общностью. Впрочем, нужно признать, что даже при самых оптимистичных подсчетах известных в Северо-Западном Причерноморье погребений сабабиновской культуры (Ванчугов 2013: 300), их число не соответствует количеству проживающего на этой территории сабабиновского населения и, следовательно, не отображает полностью практиковавшийся погребальный обряд.

Историография проблемы соотношения компонентов сложения сабабиновской культуры настолько насыщена, что уже можно написать и обзор историографических обзоров, среди которых есть и соответствующие специальные работы (Черняков 1976; Гершкович 2000; 2001—2002; Матвиенко 2008; Moldoveanu 2011)⁴⁹.

Сразу, однако, отмечу, что я в общем присоединяюсь к убедительно, на мой взгляд, обоснованной точке зрения Р.А. Литвиненко. Основные истоки сабабиновской культуры следует видеть в Днепро-Днестровском и, очевидно, Днестровско-Прутском локальных вариантах Днепро-Прутской бабинской культуры, что не отрицает участия в процессе генезиса первой других компонентов, как восточных (срубного)⁵⁰, а также связанного с каменной⁵¹

культурой Крыма), так и западных (Монтеору, Витенберг) (Литвиненко 2009а: 75—76, 90; 2009б: 21 и сл.). Указанное участие обусловило локальную специфику упомянутого процесса (Литвиненко 2009б: 25). Фактически эта позиция восходит к относительно традиционным точкам зрения И.Н. Шарафутдиновой (Березанская и др. 1986: 114—115; аналогичное мнение см., напр.: Матвиенко 2009: 186), в свое время не исключавшей участия в сложении культур сабабиновской и Ноуа также и белопотоцкой группы комаровской культуры (Шарафутдинова 1968: 33—34; похожее мнение см., напр.: Сава 1994), Я.П. Гершковича (1989б: 114—115; Gerškovič 1999: 87). В какой-то мере близкую позицию занимал и Н.Я. Мерперт (1985: 8).

Синкретизм сабабиновской культуры не должен подлежать сомнению (Дергачев, Бочкарев 2002: 11, 13—14, 302; Сава 1994; Протоколы заседаний... 1995; Шарафутдинова 1997; Толочко та ін. 2000: 41; Братченко 2006: 230, сн. 10; Матвиенко 2008; Moldoveanu 2011; ср., напр.: Гершкович 1998: 63, 66). Но, к сожалению, в литературе встречаются отрицания того или иного компонента ее сложения (или даже не одного): бабинского (Лесков 1967б: 18; 1970: 55—57; Колотухин 2003: 59, 60), срубного (Березанская 1982: 207; 1990: 103 и сл.; 1997; Черняков 1984: 40; Гершкович 1998: 62, 89; Кузьмина 2008: 197; Ванчугов 2013: 294), западных (Лесков 1970: 57; Дергачев 1986: 186). Вопреки справедливому предостережению Я.П. Гершковича (1989б: 113), иногда преувеличивается или даже абсолютизируется роль в генезисе сабабиновской культуры бабинского (Березанская 1990: 103; Березанская, Шарафутдинова 1985: 499; Ванчугов, Иванова 2013: 339) либо срубного (см., напр.: Лесков 1970: 57; Шарафутдинова 1992б: 39; 1991; Сава 1994: 143; Дергачев 1997; Массон 1998: 263, 267; Чубур 2000: гл. 3. 2; Колотухин 2003: 53; Uşurelu 2006: 12) компонента. Е.Н. Сава стремится свести к минимуму роль «западных элементов» в формировании культуры Сабатиновка (Сава 2003: 46; Сава, Кайзер 2011: 235—239). Все это требует критического анализа.

подчеркну, что давно замечено, что керамика с сабабиновскими чертами, появление которой на поселениях Восточного Крыма «обусловлено эволюцией керамических типов позднекатакомбного облика», в материалах нижнедонских поселений типа Левенцовской крепости (или же «ливенцовской» группы (Литвиненко 2000а: 69)) не прослеживается (Кислый, Гершкович 1989), например, сосуды с одним валиком у самого венчика (Братченко 2006: 208).

⁴⁹ Краткие систематизации точек зрения см., напр.: Колотухин 2003: 7, 9—10; Сава 2003: 148.

⁵⁰ Этот компонент попытался конкретизировать Г.Н. Тощев, предположив на основе исследования материалов Крыма возможность генетической связи сабабиновских племен, в частности, с носителями бережновско-маевской срубной культуры (Тощев 2007: 211).

⁵¹ Только левенцовский компонент (Литвиненко 2009а: 76; 2009б: 25), на мой взгляд, следует исключить. Статус культуры, называемой каменной (Кислый 2005; Кислый 2006) или каменно-планерской (Тощев 2005: 143; 2007: 171, 211), был не так давно присвоен (ср.: Березанская 1998: 61) каменному типу памятников (о последнем см., напр.: Кислый 1997: 134, 137; Гершкович 1997: 143; ср.: Гершкович 1997: 142), в свое время выделенному из культурной группы, называвшейся каменно-левенцовской (Братченко 1985а). Это устаревшее, по моему, в частности, мнению, название имеет место и в некоторых современных работах (Колотухин 2003: 27, 50; Братченко 2006: 167 и сл.; Литвиненко 2009а: 75, 76; 2009б: 25; ср., напр.: Литвиненко 2000а: 69; 2009а: 90; 2009б: 16). Забегая вперед,

Глава 1.

Сабастиновская культура и некоторые культурные образования посткатакомбного блока

В последнее время достаточно прямо отрицал вклад бабинского населения в формирование сабастиновской культуры лишь В. А. Колотухин, пытавшийся подтвердить применительно к Крыму (Колотухин 2003: 59—60; ср.: Дергачев 1997: 19) давнее заключение А. М. Лескова о том, что сабастиновские памятники «хронологически не смыкаются с многоваликовыми, а значит, и не могут быть производными от них» (Лесков 1967б: 18; 1970: 55—57). Впрочем, В. А. Колотухин усматривал в многоваликовых и катакомбных комплексах прототипы ряда форм погребальной керамики позднего бронзового века полуострова, с которой, по мнению исследователя, генетически связана поселенческая посуда (сабастиновская и белозерская) (Колотухин 2003: 23 и сл.). С точки зрения В. А. Колотухина (2003: 60 и др.), сабастиновская культура сложилась «в результате взаимодействия местного, преимущественно позднекатакомбного, и пришлого, срубного этнических компонентов», причем роль последнего в этнокультурных процессах начала позднебронзового века была ведущей.

Вероятно, для Крыма и регионов севернее него приведенное хронологическое соотношение между бабинскими и сабастиновскими древностями можно допустить, хотя этот вопрос, на мой взгляд, окончательно не решен. Так, Г. Н. Тоцев пишет о том, что выделенные в пределах Крыма линии развития, связанные с каменско-планерской и бабинской культурами, были прерваны проникновением из степного Причерноморья носителей бережноско-маевской срубной культуры, возможно, хронологически стыковавшейся с населением, представленным погребениями евпаторийской группы (Тоцев 2007: 186 и сл.). В то же время, речь идет о генетической связи сабастиновской культуры, считающейся автохтонной для Крыма и сосуществовавшей со срубными памятниками, с предшествовавшими различными группами культурно-исторической общности многоваликовой керамики и, возможно, бережноско-маевской срубной культурой (Тоцев 2007: 194, 211, 213). Последние два из упомянутых культурных образований на кратковременном отрезке сосуществования (на раннем из представленных в Крыму этапов БМСК) тесно контактировали между собой в степной зоне (Тоцев 2007: 186,

211)⁵². Г. Н. Тоцев пишет и о поглощении племенами БМСК населения КИОМК степной части полуострова (Тоцев 2007: 213) и об их же слиянии между собой (Тоцев 2007: 194, 215). Немногочисленные факты стратиграфии всегда демонстрируют более позднюю позицию срубных погребений по отношению к захоронениям периода КИОМК (Тоцев 2007: 163 и сл.). Но связь с комплексом единственного обнаруженного в кургане 8 бабинского погребения 1 (Тоцев 2007: 167; 168, рис. 88: 14; Колтухов и др. 1994: 99; ср.: Тоцев 2007: 186), судя хотя бы по меридиональной ориентировке каменного ящика и фрагментов остроруберного сосуда срубного облика с прочерченным геометрическим орнаментом⁵³, и типичного бабинского горшка с двумя валиками (Колтухов и др. 1994: 99, 98, рис. 50: 1—4; Тоцев 2007: 186) может, на мой взгляд, предположительно указывать на частичное сосуществование бабинского и срубного населения или, может быть, на происшедшее и в Крыму формирование бережноско-маевской срубной культуры (ср.: Колотухин 2003: 26, 53; Тоцев 2007: 186, 194, 211), вероятно, на основе днепро-прутской бабинской культуры. Впрочем, также не следует забывать о чертах изначального сходства бабинских и раннесрубных древностей (см., напр.: Шарафутдинова 1995в: 124), к которым относятся и прочерченный орнамент из треугольников вершинами к устью сосуда (Братченко 1977: 16), в усложненном виде представленный и на приведенном остроруберном горшке, казалось бы, срубного облика. Тем более что пропорции этого горшка все-таки точно неизвестны.

Однако общеизвестно, что на западе бабинского ареала, где не выделяется предсабастиновский горизонт срубных древностей, бабинские памятники хронологически стыкуются с сабастиновскими. Если признавать (см., напр.: Чмихов, Черняков 1988: 104, 107), по крайней мере, для части степного Поднепровья, выделенную И. Н. Шарафутдиновой,

⁵² На это сосуществование, по мнению Г. Н. Тоцева, указывают сочетания «различных инокультурных признаков (конструктивные особенности, инвентарь)».

⁵³ Хотя высота не реконструируется, но, по моему предположению, горшок, скорее всего, был невысоких пропорций, характерных для срубных сосудов с четко выраженными острыми ребрами.

хотя и неудачно названную вовнигской⁵⁴, группу погребений, отнесенных исследовательницей к позднемноговаликовым (предсабатиновским), но не включать туда памятники маевского типа, относящиеся все-таки к срубной культурно-исторической общности, то и первые хронологически стыкуются с сабатиновской культурой (Шарафутдинова 1982; 1975: 11—13, 21; Савва 1992: 147 и сл.; 1988: 17). А погребения №1 и 3 кургана на горе Клементьева в Крыму, справедливо⁵⁵ отнесенные Г.Н. Тоцевым к культурно-исторической общности многоваликовой керамики (Тоцев 2007: 169; 168, рис. 88: 7—9), сам В.А. Колотухин отнес к предсабатиновскому этапу, хотя и не сделал однозначного выбора в пользу отнесения этих захоронений к КМК или к срубным, обратив внимание на отличие керамики из тех же могил «от происходящей с расположенного рядом поселения культуры многоваликовой керамики Планерское I» (Колотухин 1990: 105—106; 1996: 52—53; 1988: 12)⁵⁶.

Я допускаю возможные особенности сложения сабатиновских древностей Крыма⁵⁷. Тем не менее, полагаю, что оно происходило не изолированно, а при взаимодействии с населением других частей ареала формировавшейся сабатиновской культуры, в т.ч. с носителями Днепро-Прутской бабинской культуры, как бы ни опосредованно привносились в крымскую среду западные по отношению к Поднепровью культурные элементы (ср.: Колотухин 2003: 60 и Kushtan 2013). Приведенная мысль об упоминутом сложении, во всяком случае, может относиться к востоку полуострова. Находящееся там Кировское поселение является единственным в Крыму, на котором достоверно выявлен раннесабатиновский горизонт. Не возражая против наличия там этого горизонта, по поводу аналогичной датировки поселения Бурун-

Эли на основании наличия обломков горшков с раздутым туловом и валиком непосредственно под венчиком (Колотухин 2003: 55—56) отмечу следующее. Существенное количество горшков с таким профилем традиционно считается, в т.ч. для Кировского поселения (см.: Лесков 1970: 18—21, 23; 1975а: 27—29), поздним явлением в пределах эпохи поздней бронзы, а учитывая указанное расположение валика, — в пределах сабатиновского времени (ср.: Kushtan 2013: 86). Правда, для каменско-планерских поселений (по В.А. Колотухину, «для горизонта КМК») подобные горшки тоже характерны, что и послужило основанием для мнения о близкой хронологии первых и поселения Бурун-Эли (Колотухин 2003: 55—56). Малочисленность банок на крымских поселениях сабатиновской культуры (либо в соответствующих слоях или керамических коллекциях), за исключением Кировского (Колотухин 2003: 55), на мой взгляд, не способствует достоверному выделению раннего горизонта этой культуры на тех же поселениях, кроме только что названного⁵⁸.

Другой аргумент отрицания вклада бабинского населения в формирование сабатиновской культуры — существенное несовпадение ареалов обоих образований (Лесков 1967б: 18) — позднее был, на мой взгляд, снят тем, что далеко не все из выделявшихся бабинских территориальных либо культурных групп⁵⁹ признавались участвовавшими в сложении первой (Березанская и др. 1986: 154; Гершкович 1989б: 113—114; Литвиненко 2009а: 75—77, 90; 2009б: 25; Ромашко 2013: 25).

В поисках возможных погребальных памятников, тем или иным образом связывавшихся в монографии В.А. Колотухина с катакомбным (позднекатакомбным) населением, которые хоть как-то ассоциируются с упомянутым выше представлением автора книги о местном компоненте сложения сабатиновского горизонта, сталкиваемся с весьма

⁵⁴ Я разделяю один из вариантов пересмотренной культурно-хронологической атрибуции поселения Вовниги (Гершкович и др. 1987: 155; Березанская, Шарафутдинова 1985: 490, 492; ср.: Шарафутдинова 1982: 18 и сл.; 1975: 7 и сл.; Шарафутдинова 1964: 168).

⁵⁵ По поводу одного из сосудов из погребения №3 и аналогичной керамики см. ниже.

⁵⁶ Впрочем, см. выше по поводу каменско-планерской культуры, названной, в частности, по этому поселению.

⁵⁷ Не исключено, что в дальнейшем, при расширении источниковой базы, соответствующие вопросы будут решаться для разных территорий Крыма по-своему. Особенности могли быть, в частности, вызваны постепенным, по мнению Г.Н. Тоцева (2007: 211 и сл.), освоением срубниками Крыма, начиная со степных районов.

⁵⁸ Правда, соответствующая традиционная периодизация керамических комплексов эпохи поздней бронзы (см., напр.: Лесков 1975а: 27—29; Черняков 1985: 82—83) все еще не подтверждена подробными публикациями (которых попросту нет) стратифицированных сабатиновских поселений, раскопанных большими площадями (кратко некоторые данные см.: Ключинцев 1993а: 12, 13; 1993б: 36, 142; 1995: 15), не считая анализа материалов поселения Кирово по штыкам (Лесков 1970: 16—28, 48, 58—59; Деопик 1970).

⁵⁹ Впрочем, точку зрения о гомогенности культуры многоваликовой керамики см., напр.: Шарафутдинова Э.С. 1987: 40—41; Савва 1992; Субботин 2013: 291; Ванчугов, Иванова 2013: 338. По поводу такой точки зрения см., напр.: Литвиненко 2008; 2009а: 52 и сл.; 2009б: 139, 140, 143—145.

спорными (Тощев 2004: 250, сн. 1) «далеко идущими выводами» (Тощев 2007: 199, сн. 97) В. А. Колотухина (2003: 19 и сл.). Высоко оценивая весомый вклад последнего в исследования и обобщения археологических памятников Крыма, вынужден отметить, что, вопреки этим выводам, рассмотренные погребения в катакомбах и подбоях, как и вытянутые захоронения, содержали инвентарь, не являющийся специфически срубным⁶⁰, а также вряд ли занимали более позднюю стратиграфическую позицию по отношению к комплексам, которые можно было бы достоверно отнести к срубным. Так, на мой взгляд, сосуд из впускного погребения №3 кургана №11/1985 у с. Григорьевка (Колотухин 2003: 19—20; 71, рис. 4; 73, рис. 6: 1, 2; 74, рис. 7: 5, 6) больше похож на бабинский, чем на срубный, чему как будто бы не противоречит и все остальное, связанное с этим захоронением (Колотухин 2003: 73, рис. 6: 3; 74, рис. 7: 7, 7а, 8). Основное погребение кургана №22/1985му того же села, в отличие от пяти впускных (в основном слабо скорченных), четко изображенных на общем плане, не подлежит культурной атрибуции, какими бы ни были, по мнению В. А. Колотухина, впускные захоронения (Колотухин 2003: 87, рис. 20: 2). Сосуд из основного (?) слабо скорченного погребения №1 кургана №10/1985 у того же села⁶¹ с вытянутыми впускными (?) захоронениями (Колотухин 2003: 70, рис. 3; 72, рис. 1: 4) типичен для сабаиновского (осо-

бенно раннесабатиновского) времени, но изредка похожие встречаются в бабинских погребениях (см., напр.: Савва 1992: 72, рис. 25: 10; 97, рис. 36: 5; 106, рис. 42: 12; 108, рис. 43: 10; Субботин 2013: 287, рис. 67: 1, 7). С другой стороны, на мой взгляд, требует уточнения культурная атрибуция вытянутых захоронений (ср.: Колотухин 2003: 51; Отрощенко 2001б: 104, 107—108).

В данном случае, по крайней мере, большинство спорных погребений «смешанного» и катакомбно-многоваликового типов, по В. А. Колотухину (2003: 59), можно считать бабинскими, убедительно доказать хотя бы частичную синхронность которых со срубными в Крыму не удастся. Не раз отмечавшийся исследователем синкретизм первых относится, таким образом, к культурогенезу более раннего времени, чем рассматриваемое мною в настоящей работе. С другой стороны, если срубный керамический комплекс изначально включал в себя катакомбно-многоваликовые элементы (Колотухин 2003: 53)⁶², то они могли проявиться в любой части соответствующего ареала, безотносительно к контактам.

Таким образом, В. А. Колотухиным приведено недостаточно оснований для чрезмерного удренения в Крыму срубных памятников⁶³, искусственного занижения численности поздних бабинских погребений в Крыму в результате иной культурной атрибуции ряда последних и, значит, роли соответствующего компонента в сложении там же сабаиновской культуры. То же можно сказать по поводу хронологического отдаления, в понимании В. А. Колотухина, не единой монолитной культуры многоваликовой керамики, а хронологического горизонта крымских погребений с различными или «размытыми» культурными признаками, представляющих местный субстрат (Колотухин 2003: 59)⁶⁴, от сабаиновских поселений.

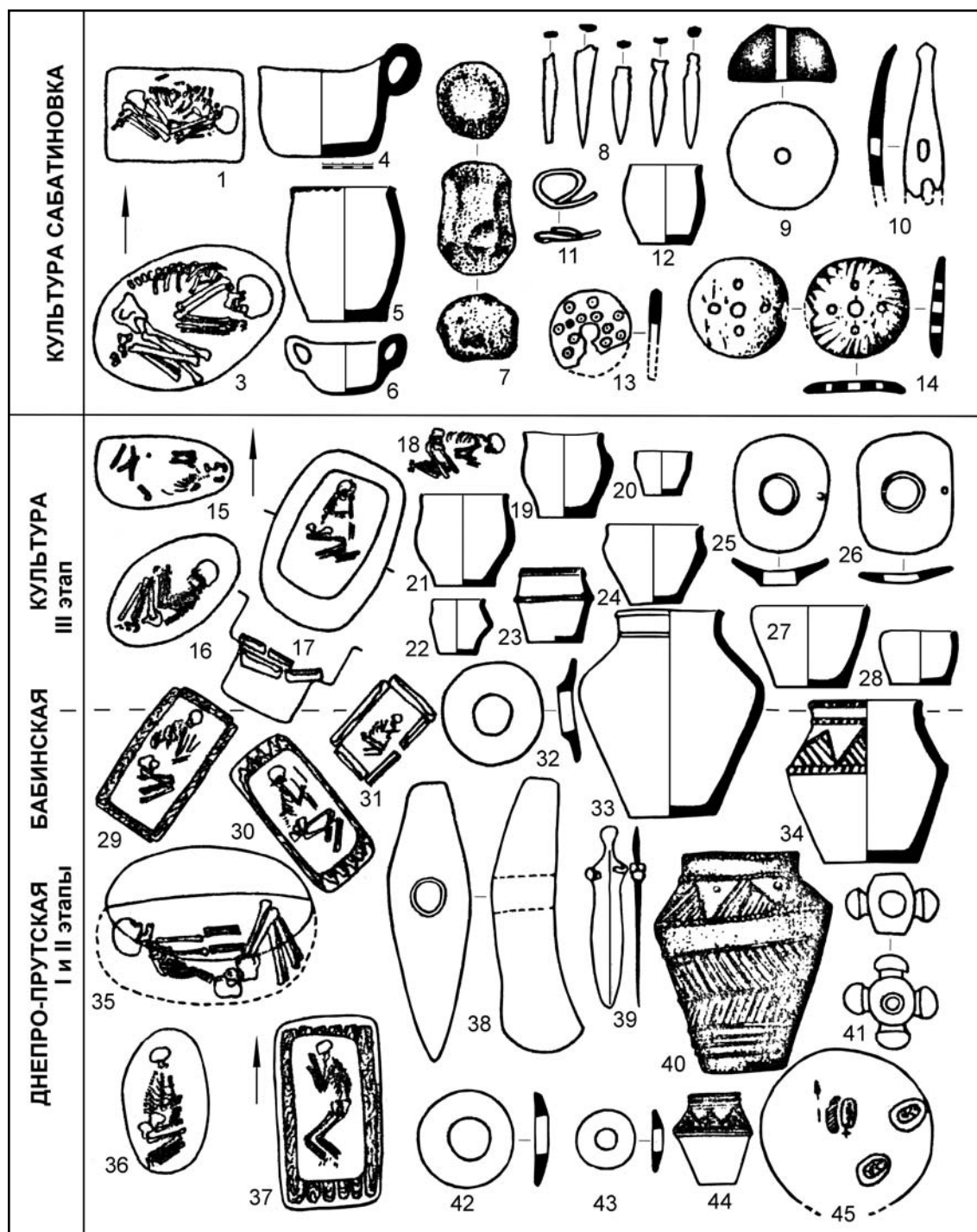
⁶⁰ Как, например, универсальные (Савва 1992: 115) банки, ничего не дающие для датировки комплексов, что для одного случая отметил и В. А. Колотухин (2003: 20), или сосуды (Колотухин 2003: 84, рис. 17: 4; 85, рис. 18: 4), для которых как бы промежуточным по форме и пропорциям, на мой взгляд, является асимметричный горшок из бабинского погребения Никольское 7/35 (см.: Савва 1992: 82, рис. 30: 2). Один из приведенных крымских горшков тоже асимметричный — что, кстати, характерно для бабинских сосудов типа VI по классификации Е. Н. Савы (Савва 1992: 34; 35, рис. 8: VI; 111, рис. 45: 1, 6). Сосуд из погребения 4 кургана «Азов» (Самар 1998: 78, рис. 2: 6) отличается от горшка из погребения 17 кургана №23/1973 у с. Токарево не только наличием орнамента, но и пропорциями и очертанием ребра (Колотухин 2003: 20, рис. 17: 4). Этим токаревский сосуд, на мой взгляд, ближе к упомянутому горшку из Никольского. Весьма своеобразный горшок из погребения Суворовское 16/20 (Колотухин 2003: 52, рис. 29: 3) по форме куда более, чем на сосуд из погребения Бородаевка II 1/11 (Памятники срубной культуры... 1993: 139, табл. 9: 30), похож на сосуд с могильника культуры Ноуа Островец (Балагури 1985: 484—485, рис. 130: 7) (из чего, конечно, не следует делать далеко идущие выводы) и даже на некоторые из проиллюстрированных В. А. Колотухиним (2003: 94, рис. 27: 6, 7, 10). На одно явное недоразумение указал Г. Н. Тощев (2007: 199, сн. 97).

⁶¹ Впрочем, погребения именно этого кургана В. А. Колотухин в монографии (2003) не атрибутирует.

⁶² Сложность проблемы возможности непосредственной или же только опосредованной преемственности традиций между катакомбной и срубной культурно-историческими общностями (см., напр.: Дремов 2011) в какой-то мере отражают своеобразные понятия «поздне(пост)катакомбного» населения и одноименной культурной подосновы раннесрубных памятников (Юдин, Матюхин 2006: 68, 72; Пряхин 2011: 66).

⁶³ Возможно, не без того, чтобы придать большую убедительность версии о ведущей роли в формировании там сабаиновской культуры срубного компонента, как уже будто бы успевшего укорениться на полуострове за соответствующий промежуток времени.

⁶⁴ Т. е., в соответствии с другими представлениями, основного количества бабинских захоронений Крыма.

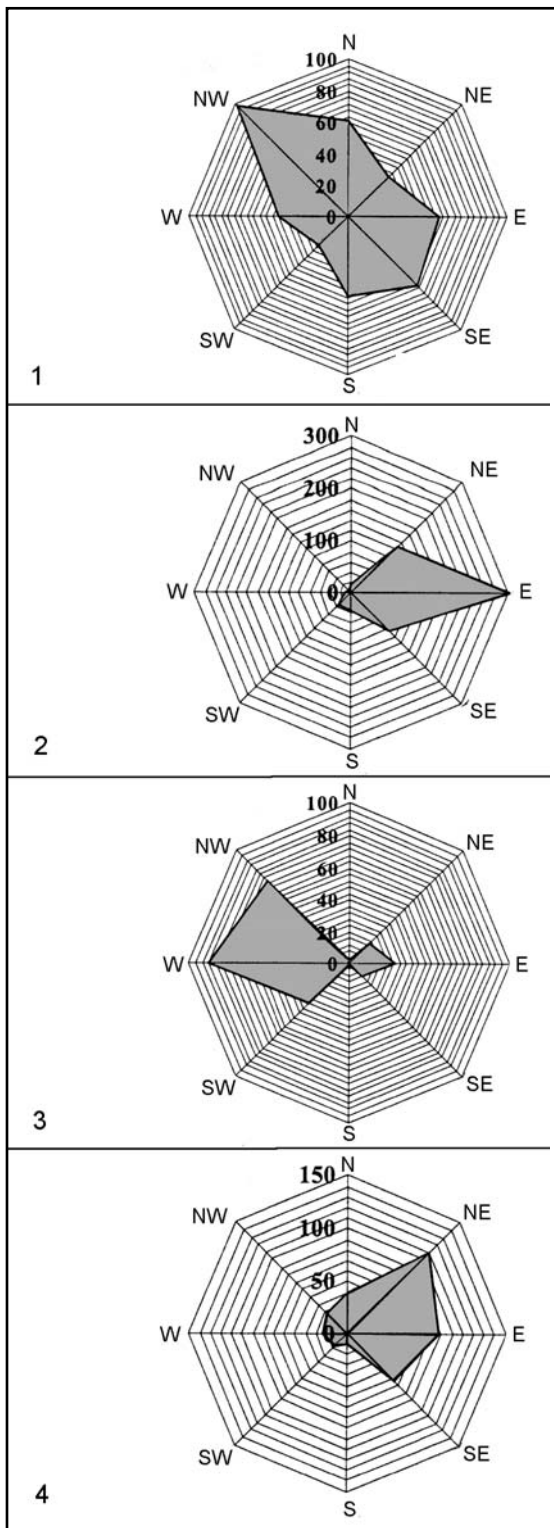

Рис. 2. Основные черты погребального обряда, категории и типы инвентаря, характерные для культуры Сабатиновка (1, 3—14) и Днестровско-Прутского варианта ДПБК (15—45) (по Савва 1992: 51, рис. 14, с учетом концепции культурного круга Бабино Р.А. Литвиненко; изъята позиция 2, т.к. южная ориентировка погребенных для сабатиновской культуры не характерна).

Fig. 2. The main features of the funeral ritual, the categories and the types of the inventory which are characteristic for the Sabatinovka culture (1, 3—14) and the Dniester-Prut variant of the DPBC (15—45) (after Савва 1992: 51, рис. 14, considering R.A. Litvinenko's concept of the Babino Cultural Circle; position 2 is removed because the southern orientation of skeletons is not characteristic for the Sabatinovka culture burials).

В свое время неудачный подбор иллюстративного материала для концептуальной статьи И. Н. Шарафутдиновой (1968), произвольные реконструкции керамики, художественно-

технические погрешности сыграли на руку для критики А. М. Лесковым, в частности, мнения о преемственной связи раннесабатиновского керамического комплекса с многоваликовой

Рис. 3. Обобщенные сведения об ориентировке погребенных: 1 — культуры Ноуа; 2 — культуры Сабатиновка; 3 — культуры Монтеору; 4 — культурного круга Бабино (по Sava, Agulnikov 2003, с учетом концепции культурного круга Бабино Р.А. Литвиненко).

Fig. 3. The generalized information on the orientation of skeletons in burials of: 1 — the Noua culture; 2 — the Sabatinovka culture; 3 — the Monteoru culture; 4 — the Babino Cultural Circle (after Sava, Agulnikov 2003, considering R.A. Litvinenko's concept of the Babino Cultural Circle).

керамикой (Лесков 1970: 55—57). Опуская подробности моего несогласия с некоторыми частными моментами этой критики, практически ничего не дающие для решения проблемы, отмечу, что, вопреки утверждениям А.М. Лескова (1970: 57), многим вариантам всех выделенных им типов банок и горшков Кировского поселения можно найти более или менее близкие аналогии среди керамики из бабинских погребений, поселений, со скалы Кременчук (в т.ч. из бабинского слоя). Упущением А.М. Лескова следует считать то, что он не прокомментировал отмеченную И. Н. Шарафутдиновой (1968: 34) преемственность в сабатиновской и бабинской традициях погребального обряда, считая, как отмечалось выше, что соответствующие памятники хронологически не смыкаются. Правда, в то время малочисленность опубликованных материалов соответствующих погребений Северо-Западного Причерноморья привела к тому, что исследовательница указала лишь немногие и второстепенные черты сходства между погребальными памятниками сравниваемых культур. К тому же эти черты присущи также срубным памятникам.

Со временем именно единство погребального обряда культур сабатиновской и многоваликовой керамики (рис. 2—4) стало едва ли не самым убедительным доказательством их (как справедливо подчеркивает в последнее время Р.А. Литвиненко, — первой и Днепро-Прутской бабинской) генетической связи (Березанская и др. 1986: 115; Дергачев 1986: 185—186; Литвиненко 1991: 132; 2009а: 75—76; ср.: Колотухин 2003: 10). Кстати, этот неоспоримый факт вряд ли можно было бы сколько-нибудь убедительно доказать, используя такие материалы, как столовая керамика, украшения (Лисенко 2006), предметы металлопроизводства другого рода⁶⁵, если только отнесение некоторыми исследователями к культуре (хронологическому горизонту) многоваликовой керамики Малокопаневской литейной мастерской (Черняков 1996: 60; Клочко 2006: 140—141 и сл.; Иванова и др. 2012: 169—170) не разделять, а Бородинский клад считать отражением начала новых (Клочко 2006: 141), не собственно бабинских (Братченко 2006: 296) металлургических традиций. Неизвестны и бабинские зольники. Так

⁶⁵ Впрочем, в свое время, вероятно, именно это (см.: Дергачев 1997: 12—14, 19—20) побудило В.А. Дергачева к очередному пересмотру своей позиции по определению основного компонента сложения сабатиновской культуры (см., напр.: Дергачев 1986: 185—186; 1997: 17—19, 44—45, 51, 62).

настолько ли принципиальны для проблемы генетического родства сабатиновских и срубных древностей факт различия соответствующих столовых сосудов (Gerškovič 1999: 75, 77, 81—82; Гершкович 1997: 143), украшений (Березанская и др. 1986: 109—110; Шарафутдинова И. Н. 1987: 84; Лисенко 2006), зольников (Гершкович 2004б: 110; 2009: 331, 332), разногласия в сопоставлениях сабатиновской и срубной металлургии (Gerškovič 1999: 72, 74, 75)? Следует учитывать и закономерность, определяющую степень и сферы сходства между генетически связанными археологическими культурами, сменяющими одна другую (Каврук 1988: 2, 7—8) или, может быть, не только стыкующимися, но и пересекающимися хронологически.

Исследователи, признающие вклад бабинских древностей в формирование сабатиновской культуры, по-разному оценивают его степень, причем некоторые меняли свою точку зрения (Савва 1988; 1992; 2003; Сава 1994; Sava 1998; 2002а; 2003; Дергачев 1973; 1986; 1987; 1997; Дергачев, Бочкарев 2002; Dergasiov 2010; Шарафутдинова 1991; 1997).

Против преемственности между каменной, или каменно-планерской, культурой и сабатиновскими древностями я категорически не возражаю. Точнее, против определенного вклада каменных традиций, судя по сведениям В. Д. Рыбаловой (1974: 38 и сл.), в сложение керамического комплекса сабатиновской культуры (рис. 5)⁶⁶, быть может, опосредованного, т. к. еще нельзя считать окончательно установленным хронологическое соотношение каменно-планерской культуры с бабинскими древностями (Гершкович 1997: 141, 143), а значит, и с сабатиновскими (Кислый 1990: 21—22; Колотухин 2003: 50; 1996: 66—67). Во всяком случае, досрубное хронологическое положение каменных памятников (Чмихов, Черняков 1988: 106; Гершкович 1997: 139; Кислый, Гершкович 1989: 112; Gerškovič 1999: 78), в соответствии с моей, в частности, позицией, означает наличие хронологического разрыва между ними и ранним этапом сабатиновской культуры, тем более с учетом мнения о прерывании с приходом в Крым срубников определенных процессов, связанных, по выражению Г. Н. Тощева, с каменно-планерской линией развития (Тощев 2007: 211, 213, 215; Колотухин 2003: 60)⁶⁷. Стоит обратить вни-

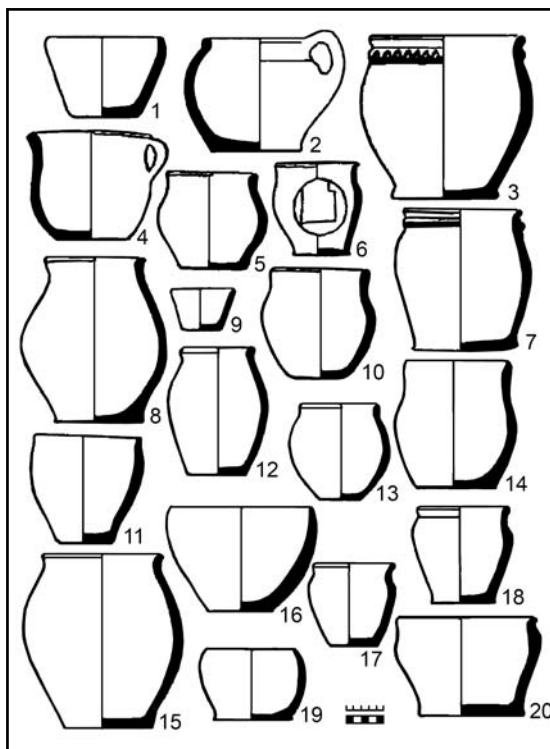

Рис. 4. Керамика из погребений сабатиновской культуры (по Черняков 1985).

Fig. 4. The pottery from the Sabatinovka culture burials (after Черняков 1985).

мание и на замеченное В. В. Отроценко (2001б: 107—108) сходство каменных погребальных комплексов именно с ранними погребениями КМК. Поселение Каменка до сих пор иногда связывают «с позднекатакомбным (или финальнокатакомбным) временем» (Рогудеев 2012: 266, 271). Еще более принципиальным представляется отсутствие сколько-нибудь заметной близости в погребальном обряде каменно-планерской и сабатиновской культур. Кроме того, «формирование сабатиновской культуры не могло быть ограничено территорией только Крымского п-ова» (Гершкович 1997: 143).

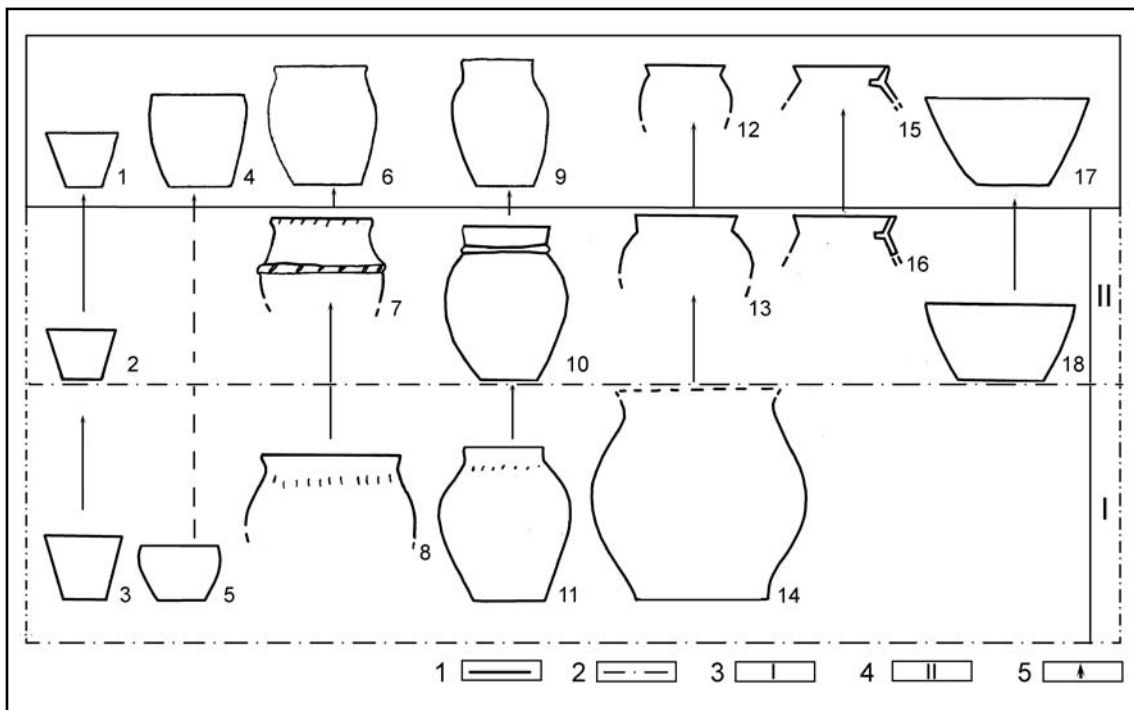
Исключительно спонтанную трансформацию одной археологической культуры в другую представить сложно (Березанская и др. 1986: 43)⁶⁸. Не была такой и трансформация

нерское и Челки керамики раннесабатиновского облика, что «в хронологической шкале крымские памятники должны занимать промежуточное положение между памятниками типа Бабино III и раннесабатиновскими».

⁶⁸ Как сложный процесс представляет себе происхождение археологических культур В. С. Бочкарев (см.: Кузьмина, Шарафутдинова 1995: 223—224).

⁶⁶ В. А. Колотухин не считал этот вклад значимым (1996: 66—68; 2003: 50, 59, 60).

⁶⁷ Впрочем, В. А. Колотухин (1996: 67) считал на основании наличия на поселениях Каменка, Пла-

Рис. 5. Основные формы сабастиновской керамики и их каменско-планерские прототипы.

Условные обозначения: 1 — сабастиновские формы; 2 — каменско-планерские формы; 3 — первый период каменско-планерской культуры; 4 — второй период каменско-планерской культуры; 5 — предполагаемая линия эволюции каменско-планерской посуды (по Гершкович 1997, с учетом современной (по Г.Н. Тощеву) терминологии).

Fig. 5. Main pottery types of Sabatinovka culture and its Kamenka-Planerskoe prototypes. The legend: 1 — the Sabatinovka forms; 2 — the Kamenka-Planerskoe forms; 3 — the first period of the Kamenka-Planerskoe culture; 4 — the second period of the Kamenka-Planerskoe culture; 5 — the estimated line of the evolution of the Kamenka-Planerskoe dishes (after Гершкович 1997, considering the modern (after G.N. Toshev) terminology).

Днепро-Прутской бабинской культуры в сабастиновскую (ср., напр.: Березанская, Шарафутдинова 1985: 499; Березанская 1990: 103; Ванчугов, Иванова 2013: 339), которая осу-

ществлялась при тесном и сложном взаимодействии ДПБК с культурами Монтеору, бережновско-маевской срубной и, может быть, некоторыми другими.

Глава 2.

Сабастиновская культура и западные «классические» культуры бронзового века

Версия о наличии общих западных компонентов сложения культур Ноа и Сабастиновка возникла как одно из объяснений сходства этих культур (см., напр.: Florescu 1964: 185 ff.; 1967; Шарафутдинова 1968: 34). Так, А.К. Флореску объединил близкородственные, по его мнению, группы (культуры) Ноа и Сабастиновка в более или менее единообразный культурный комплекс (феномен) (ср.: Березанская, Шарафутдинова 1985: 490; Uşurelu 2006: 9) с близкими (иногда почти до тождества) экономической структурой, типами поселений, керамикой, орудиями труда и т.д. Первый рассматривал образование этого комплекса как результат синтеза культур Монтеору, Витенберг, Белопоток-Костиш

и западной группы катакомбной культуры⁶⁹. Исследователь отметил, помимо прочего, признаки сильного влияния культуры Ноа на группу Сабастиновка (конкретнее — соответствующего западного течения или западного компонента сложения группы Сабастиновка⁷⁰), в частности, наличие в обе-

⁶⁹ По-видимому, под этой группой следует иметь в виду днепро-прутскую бабинскую культуру, в современном понимании Р.А. Литвиненко и др. (ср.: Черняков 1985: 17).

⁷⁰ Конечно, в соответствии с представлением о том, что культура Ноа сложилась на несколько десятков лет позже, чем группа Сабастиновка (Florescu 1964: 189, 200, 207, 214), участие этого западного компонента

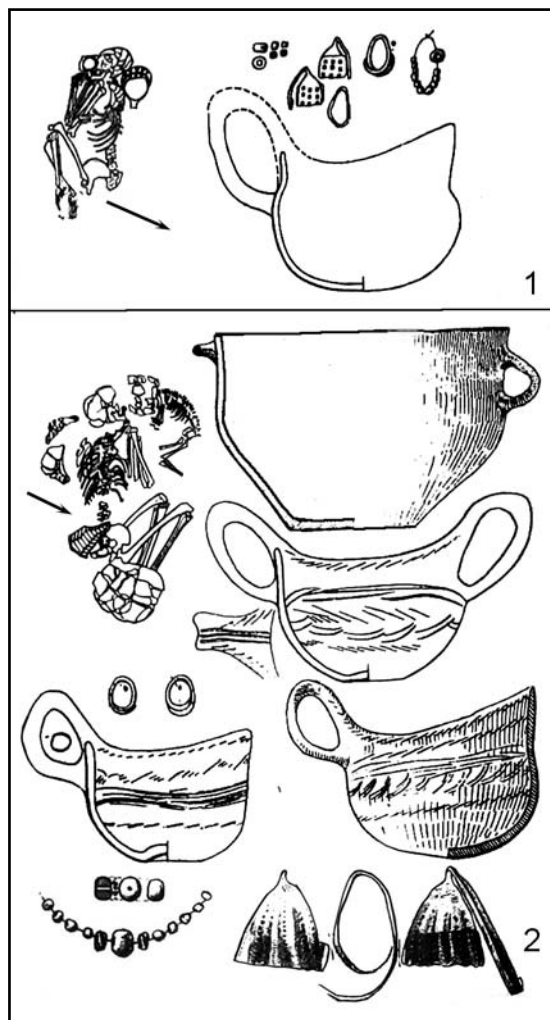
их сходной столовой керамики. Он предположил, что одним из общих западных компонентов формирования комплекса Ноуа-Сабатиновка была культура Тей (Florescu 1964; 1967).

По мнению И. Н. Шарафутдиновой, значительное сходство культур Сабатиновка и Ноуа нельзя объяснить только их взаимовлияниями, а позволяет предположить наличие, помимо прочего, общей западной подосновы⁷¹ (Шарафутдинова 1968: 34; Березанская и др. 1986: 114—115). Против наличия такой подосновы прямо возразили лишь А. М. Лесков и В. А. Дергачев. Первый — «потому, что, в отличие от культуры Ноуа, сабатиновские памятники... возникают на основе дальнейшего развития раннесрубных племен... ассимилирующих местное население предшествовавшей поры, известное по памятникам культуры многоваликовой керамики... Кроме того... исследования археологов и антропологов приводят специалистов к выводу о заметном влиянии срубной культуры Северного Причерноморья на сложение культуры Ноуа» (Лесков 1970: 57). Тесные связи сабатиновских племен с носителями культуры Ноуа, наряду с отрывом населения Северного Причерноморья от коренной территории срубников, обусловили, по мнению А. М. Лескова, специфику сабатиновского локального варианта срубной культуры (Лесков 1970: 57—58). Как, в частности, следует из вышеизложенного, явные местные корни и в то же время синкретизм сабатиновской культуры не позволяют в настоящее время принять столь упрощенное обоснование. По мнению В. А. Дергачева, «именно в восточном — раннесрубном компоненте обнаруживается... единая культурная подоснова, роднящая сабатиновскую культуру как с собственно срубной, так и с западными культурами Ноуа и Косложени и нашедшая отражение в едином для перечисленных культур горизонте керамики с валиковой орнаментацией» (Дергачев 1986: 186)⁷². Наличие на посе-

могло иметь место не у истоков формирования сабатиновской культуры, а несколько позже.

⁷¹ В одном из предложенных вариантов — это культура Монтеору.

⁷² На мой взгляд, прежде всего от днепро-прутской бабинской культуры, испытывавшей довольно длительное прямое или опосредованное воздействие со стороны срубного населения, культурами сабатиновской и Ноуа в разной степени была унаследована упомянутая раннесрубная (в широком хронологическом смысле — Лесков 1971: 406—413) культурная подоснова. Мое мнение по поводу сложения комплекса кухонной

Рис. 6. Культура Монтеору. Сэрата Монтеору, могильник 4. 1 — погребение 122; 2 — погребение 35a-b (по Motzoi-Chicideanu 2011).

Fig. 6. The Monteoru culture. Sărata Monteoru, burial ground 4. 1 — burial 122; 2 — burial 35a-b (after Motzoi-Chicideanu 2011).

лениях сабатиновской культуры столовой керамики «ноуавского типа» и единство типов бронзовых изделий для культур Сабатиновка, Ноуа, а отчасти и Косложени, «следует рассматривать как результат интенсивных связей и взаимовлияний, включая этнические» (Дергачев 1986: 186).

Сравнение погребальных памятников культур Монтеору и сабатиновской (см., напр.: Федоров, Полевой 1973: 74—75; Савва 1992; Sava 1998; 2003; Sava, Agulnikov 2003; Черняков 1996; Крушельницка 2006: 102) (рис. 2—4; 6) в целом как будто бы не подтверждает мнение о наличии общей запад-

керамики, характерной для II периода бережновско-маевской срубной культуры и для культур сабатиновской, Ноуа и Косложень, см. ниже.

ной подосновы в виде культуры Монтеору для культур Сабатиновка и Ноуа, хотя скорченные на левом боку костяки с руками, согнутыми в локтях, и кистями, поднесенными к лицу, известны и в погребениях последней (Гершкович и др. 1987: 151). То же характерно, в частности, для сабаатиновских захоронений, как, впрочем, и для бабинских (Черняков 1985: 130—131, 136). С другой стороны, вполне, на мой взгляд, естественно, что в том смысле, что «взаимодействие между носителями КМК и культурой Монтеору было одним из существенных факторов культурной интеграции Северного Причерноморья и Карпатского бассейна» (Каврук 1988: 17; Винокур, Телегин 2008: 128; Гудкова и др. 1991: 11—13), общий компонент культур Ноуа, Кослоджень и сабаатиновской, объясняющий наличие уже на самых ранних памятниках последней столовой посуды карпато-дунайского происхождения, представляется вполне ожидаемым (Гершкович 1997: 143; Gerškovič 1999: 81—82, 87⁷³; ср.: Sava 2003: 10⁷⁴; Сава, Кайзер 2011: 235—239). В более широком смысле можно говорить об определенном влиянии Карпато-Дунайского (или Балкано-Карпатского) очага культурогенеза на бабинскую культуру (днепро-прутскую) (Иванова и др. 2012: 178).

Е. Н. Сава, отводящий культуре Монтеору пассивную роль в якобы сомнительных односторонних контактах между ней и КМК и выразивший сомнения в существовании бабинских грунтовых могильников вообще и под непосредственным влиянием культуры Монтеору — в частности, как ни пытался, не может полностью отрицать наличие керамики ранних фаз культуры Монтеору в Днестровско-Прутском междуречье и некоторых черт последней в КМК (Савва 1992; 1988: 11—12, 21—23; ср.: Савва 1990: 33; Субботин 2000: 385; 2013: 291). В частности, в этой, по-видимому, связи он не может полностью отрицать и роль культур Монтеору, Комаров/Костиша и Витенберг в формировании культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка (см., напр.: Сава 1994: 29;

Sava 2002a: 11; 1994: 154; Сава, Кайзер 2011: 235—239).

Некоторые исследователи считают, что «чистые» типы инокультурных сосудов в комплексах отражают «культурные контакты, в то время как генетические процессы предполагают синкретические — смешанные типы» (Дергачев 1986: 143; Савва 1992: 168). На мой взгляд, первая часть этого утверждения должна относиться, прежде всего, к находкам на поселениях, например, керамики культуры Монтеору в Усатово (Черняков 1975: 18; 1979; Березанская и др. 1986: 114). С другой стороны, синкретизм материальных форм может отражать межкультурные связи различного рода (Козенкова 1982). Инокультурный инвентарь в погребениях — это уже не просто результат заимствования, т. к. имеет отношение к обрядовой области (Левицкий 2002: 194). Поэтому, с моей точки зрения, даже такое иногда фиксируемое частичное внесение изменений в типичные погребальные нормы, характеризующиеся наибольшим среди традиций консерватизмом, как помещение в бабинские и сабаатиновские погребения несвойственной таким комплексам посуды, в той или иной мере характерной для культуры Монтеору⁷⁵, пусть в основном в зоне соответствующих непосредственных контактов, необъяснимо просто последними, а обусловлено именно генетическими процессами (см., напр.: Ванчугов 1990: 128; Левицкий 2002: 194)⁷⁶. Такая керамика в бабинских погребениях свидетельствует о влиянии культуры Монтеору не на формирование (Савва 1992: 11 и сл.), но на развитие ДПБК (ср., напр.: Черняков 1975: 16) в связи с проникновением в среду последней носителей культуры Монтеору (по аналогичному поводу см., напр.: Левицкий 2002: 194), говорит, «вероятно, о взаимном смешении населения этих культур» (Черняков 1996: 61—62).

Яркий пример синкретичного сосуда дало погребение Нерушай 9/61, отнесенное в большинстве работ, в которых оно фигурирует, к культуре или времени многоваликовой керамики (Шмаглий, Черняков 1970: 27, 109—110; 20, рис. 14: 2; 28, рис. 21: 3; Черняков 1985: 130—132; Черняков, Тоцев 1985: 24—27; Дергачев 1986: 136, 137; Савва

⁷³ Вопреки утверждениям Е. Н. Сава и Е. Ушурелу (Савва 2003: 148; Sava 2003: 10; Ушурелу 2010: 61, сн.10), Я. П. Гершкович не считает исключительно западным происхождение сабаатиновской культуры, хотя и включает ее с культурами Ноуа и Кослоджень в состав одной культурно-исторической области и ищет общий западный компонент (Гершкович 1998: 61, 66; 1989б: 114—115).

⁷⁴ В свою очередь, ср., напр.: Гершкович 1997: 137.

⁷⁵ Даже если эта посуда импортная (Sava 1998: 298; Sava, Agulnikov 2003: 123, 125, 127).

⁷⁶ Ведь о захоронениях «аристократии» с присутствием ей «культурным космополитизмом» в данном случае речь не идет (см., напр.: Бочкарев 1982: 20, 21).

1992: 169)⁷⁷. Форма этого сосуда характерна для бабинской керамики (ср.: Братченко 1977б: 14, сн. 1) типа VI, по классификации Е. Н. Сава (1992: 34; 35, рис. 8: 6). Помимо прочего, «культурная атрибуция опирается на... знание исходных, т.е. более ранних форм сосудов» (Шарафутдинова 1995в: 131). Такие формы для сосудов, по конфигурации более или менее сходных с рассматриваемым, известны по керамике из бабинских погребений (Шарафутдинова 1995в: 127—129; 134, рис. 2: 1, 18—20, 22; 137, рис. 4: 3, 6, 8—11). Специфически срубной для сосуда из Нерушая, на мой взгляд, является только орнаментация. Хотя резной (прочерченный) орнамент бабинской посуде далеко не чужд (Тощев 1986б: 95—97; Субботин 2013: 286 и сл.), но кресты все же из срубного мира (анalogии см., напр.: Литвиненко 1999б: 20, рис. 13; Седова 2000: 237, рис. 11: 13, 15; Мочалов 2008: 151, рис. 57: 8). Лощение, по мнению авторов одной статьи, сближает этот сосуд с культурой Монтеору (Черняков, Тощев 1985: 25; см. также: Черняков 1975: 21; ср.: Савва 1992: 155)⁷⁸.

Вероятно, позднее роль культуры Монтеору в культурных процессах в Северо-Западном Причерноморье увеличилась. Этим, по-

видимому, и были обусловлены обычай иногда помещать в погребения сабатиновской культуры столовую посуду западного происхождения (рис. 2: 6)⁷⁹ (см., напр.: Савва 1992: 53—58 и др.; Sava 1998: 283—286, 298; 2002а: 154, 156; Sava, Agulnikov 2003: 123—127) и факт помещения в захоронение сабатиновской культуры кольца с накладываемыми концами, изготовленного из круглой в сечении проволоки (рис. 2: 11), аналогичного характерным для заключительных фаз культуры Монтеору (Савва 1992: 58). Гораздо больший удельный вес подобной посуды на памятниках сабатиновской культуры (особенно на поселениях, где первая устойчиво является частью керамического комплекса — ср.: Sava 2003; Сава, Кайзер 2011: 238), чем днепро-прутской бабинской, — одно из главных различий между этими культурами (ср.: Романюк, Черняков 2008: 167).

По мнению Я. П. Гершковича, источником для появления одного из вариантов сабатиновских чаш могла быть культура Тей (фаза II) (Gerškovič 1999: 82).

Версия, в соответствии с которой «единица культура, непосредственно или через культуру Костиша... была для Ноуа-Сабатиновки источником такой формы керамики, как черпаки» (Романчук 2011: 198), представляется мне убедительной. При этом более предпочтительным — вариант опосредованной передачи соответствующей традиции — через тшинецкий культурный круг. Как следует из вышеизложенного, принципиально не столько заимствование формы посуды, сколько следование сабатиновцев (не часто и только в Днестровско-Прутском междуречье) традиции помещения черпаков в погребения (см., напр.: Ванчугов 2000: 43—45, 48—50) (рис. 2: 4; 4: 2, 4). Последняя характерна для комаровской культуры (или линии развития ТКК — см., напр.: Лисенко 2001), которую иногда вместе с культурой Костиша включают в одно образование (Березанская 1985: 429 и сл.). Засвидетельствован и факт подобного воздействия со стороны комаровской культуры раннего этапа на погребальные нормы днепро-бугского варианта днепро-прутской бабинской культуры (Разумов и др. 2012).

⁷⁷ В. В. Отрощенко относит этот комплекс к раннесабатиновскому времени, т.к. на Левобережье погребения с керамикой, якобы подобной, в частности, сосуду из Нерушая, перекрывают позднейшие захоронения КМК (Отрощенко 2001б: 164—165; см. также: Sava, Agulnikov 2003: 127). Поскольку В. В. Отрощенко (2001б: 110—111) допускает более позднюю верхнюю дату последней на Правобережной Украине и в Молдове, по сравнению с другими регионами, то, учитывая и проблему «шага стратиграфии», я не вижу здесь противоречия тому, что погребение Нерушая 9/61 можно отнести к позднейшим памятникам Днепро-Прутской бабинской культуры. Именно к срубному типу и к Левобережью (Отрощенко 2001б: 164—165) может иметь отношение разве что орнамент (кресты). К Левобережью и вообще к срубному типу (Отрощенко 2001б; Шмаглий, Черняков 1970: 109), на мой взгляд, вряд ли имеет какое-то отношение и лощеный сосуд из Марицыно (Черняков 1985: 133, рис. 68: 14) (скорее — к культуре Монтеору).

⁷⁸ Во всяком случае, для срубной погребальной керамики (тем более — для бабинской) лощение гораздо менее характерно (см., напр.: Литвиненко 2000б: 85; Семенова 2001: 279; ср.: Колотухин 2003: 23), если при этом не считать, например, довольно часто встречающегося псевдолощения внешней поверхности посуды из поздних срубных погребений Северо-Восточного Приазовья (см.: Литвиненко 1999б: 17). По мнению В. Н. Горбова, «исходно для керамической традиции срубной культуры лощение не характерно» (Горбов 1995б: 89).

⁷⁹ Хотя распространение такой керамики в сабатиновском погребальном инвентаре (в отличие от такового культуры Ноуа — Sava 1998: 279 ff.; 2002а; Крушельницка 2006: 115), было ограниченным, причем имело место в основном в Днестровско-Прутском междуречье (ср.: Sava 2003: 27, 46; Агульников 2002: 176—177).

Глава 3. Сабатиновская культура и срубная культурно-историческая общность

С вопросами соотношения, в особенности генетической связи, между сабатиновскими и срубными древностями, все еще недостаточно полно выясненными (Gerškovič 1999: 6—7), связано больше всего разногласий (Кузьмина 2008: 197): от возникновения сабатиновской культуры на срубной основе (Шарафутдинова 1992б: 39; 1991; Массон 1998: 263; Чубур 2000: гл. 3. 2; Колотухин 2003: 53—56, 59, 60) до полного отсутствия каких-либо генетических связей. Версию об этом отсутствии довел до крайности Я. П. Гершкович, видящий в сабатиновской культуре, «равно как и во всем комплексе Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень, своеобразный антипод СКИО» (Гершкович 2004а: 47; Gershkovich 2003: 307, 309). Но подобного не предполагалось при выделении самостоятельной сабатиновской культуры, а нередко — и позднее (Шарафутдинова 1968; Шмаглий, Черняков 1970; Черняков 1975; Березанская и др. 1986: 114—115; Гершкович 1982; 1989б; Шарафутдинова 1992а; 1997). В свое время Н. Я. Мерперт предостерегал от отрыва взаимосвязанных территориальных группировок позднебронзового века юга Восточной Европы и примыкающих с востока территорий «(вплоть до выделенных в отдельные культуры) от срубной культурно-исторической области», обратив внимание на погребальный ритуал как на особенно показательное выражение достаточно сложной и многосторонней системы связей, объединяющей все варианты (Мерперт 1985: 9; о подобных мнениях см. также, напр.: Черняков 1985: 129, 143; Gerškovič 1998: 317). Однако противопоставление сабатиновских древностей срубным, сыгравшее положительную роль на тернистом пути признания самостоятельной сабатиновской культуры, стало в работах некоторых исследователей, как справедливо отметил В. В. Отрощенко (2001б: 177), преувеличенным.

Так, по мнению С. С. Березанской, этническая принадлежность сабатиновской и белозерской культур «должна рассматриваться изолированно от срубной» (Березанская 1982: 207)⁸⁰. Когда самостоятельность сабатиновской культуры была уже многими признана,

исследовательница назвала носителей этой культуры чужеродными для срубных племен группами населения (Березанская 1987: 40; 1990: 103, 114; похожее мнение см.: Гершкович 1998: 62). По мнению С. С. Березанской, сабатиновская культура, обособленная от срубной и, «несомненно, родственная с культурами Ноуа и Кослоджени, принадлежит, очевидно, к иному», чем срубная общность, этническому кругу древних племен (Березанская 1990: 108). Эти две культуры, «совершенно различные» по характеру ареалов и расселения⁸¹, поселков, домостроительства, по керамике, характеру и уровню металлургии и других ремесел, изделиям из камня, сельскому хозяйству, этнической принадлежности, по общему уровню культуры и развития, в некоторой степени — по идеологии, а также по роли в исторических процессах, происходивших на Украине в древности (Березанская 1997), в ходе различного рода контактов при очевидной более активной позиции сабатиновской культуры приобретали некоторые сходные черты в материальной и духовной культуре (Березанская 1987; 1990: 80—81 и сл.). Близость погребальных памятников сравниваемых культур исследовательница связывает со стадийным характером распространявшегося в середине II тыс. до н. э. на очень широкой территории Европы и Азии погребального обряда подкурганых захоронений со скорченными костяками в грунтовых ямах (Березанская 1997: 5; см. также: Литвиненко 1991: 132; 2009а: 75).

И. Т. Черняков, некогда не отрицавший даже «более значительного участия или влияния племен срубной культуры на формирование сабатиновской культуры» по сравнению с местным субстратом или западными соседями (Шмаглий, Черняков 1970: 113), позднее счел возможным «считать доказанным... существование самостоятельной сабатиновской культуры, не связанной по своему происхождению со срубной культурой Поволжья» (Черняков 1984: 40)⁸². Исследователю «каза-

⁸¹ О подобном пишет и Я. П. Гершкович (Gershkovich 2003: 309).

⁸² См. также: Ванчугов, Черняков 1984: 6—7; Ванчугов 1987: 115; 1990: 9; 2013: 294; Klochko 1993: 51; Черняков 1997: 32, 33; 2010: 119; Гершкович 1998: 89; 2003: 33; Gershkovich 2003: 309; Матвієнко 2008: 94; Ромашко 2013: 25.

⁸⁰ Но в той же работе исследовательница рассматривает белозерские древности, вслед за А. И. Тереножкиным и А. М. Лесковым, в рамках одноименного этапа срубной культуры (Березанская 1982: 94).

лось, что срубная и сабатиновская культуры, хотя и имеют общего очень далекого предка, но возникли совершенно на разной основе, что не исключает определенной связи между ними, особенно в районах восточнее Днепра» (Черняков 1985: 16; в определенной мере сходное мнение см., напр.: Gerškovič 1999: 77).

Некоторые исследователи, отмечая отсутствие генетических связей между сабатиновской и срубной культурами, ссылались даже и на те работы, в которых об этом отсутствии не пишется. Противопоставление сабатиновских древностей срубным выглядит не столь резким в работах В.Н. Горбова (1993; 1994а; 1995а; 1995б; 1997а; 2000; 1996б).

В дополнение и уточнение к насыщенной историографии проблемы отмечу следующее. Исследователи не раз приводили утверждение В.Д. Рыбаловой (1974: 39) о том, что «керамика обоих этапов Каменского поселения... отражает единую линию развития многоваликовой керамики, не обнаруживая даже на позднем этапе значительных следов влияния срубной культуры» (Кислый, Гершкович 1989: 112; Гершкович 1997: 141; Gerškovič 1999: 78). Однако почему-то не обращается внимание на то, что «положение изменилось... в последующий (третий) период жизни поселения» Каменка (Рыбалова 1974: 39). «Несомненно... что второй этап поселения отражает процесс отмирания многоваликовой керамики и начало формирования культуры позднебронзового века. Этот процесс в Восточном Крыму протекает в условиях постепенного сближения местной культуры со срубной» (Рыбалова 1974: 49). Такое территориальное ограничение является сугубо контекстуальным: статья специально посвящена публикации материалов поселения Каменка, расположенного в упомянутом регионе. Аналогичная ситуация в тот же период имела место и на других территориях Северного Причерноморья (см., напр.: Рыбалова 1978). Культура позднебронзового века Восточного Крыма не была названа сабатиновской, как обычно атрибутируются ныне поселения соответствующего времени в этом регионе (ср., напр.: Ромашко 1995: 129—132; Клочко 2006: 155, 175, 192; Колев 2008: 224 и сл.; Березанская 1990: 84, 114; Горбов 1997а: 154, 156; 1995а: 66), вероятно, потому, что В.Д. Рыбалова локализовала сабатиновскую культуру на Ингуле, Южном Буге и Днестре (Рыбалова 1961: 81).

Разные страницы несколько противоречивой монографии И.Н. Шарафутдиновой (1982: 9, 157) исследователи восприняли неодинаково. И.Т. Черняков заметил несколько проти-

воречий, которые, как он считал, сама исследовательница объяснила еще в кандидатской диссертации⁸³ культурным своеобразием степного Поднепровья (Черняков 1985: 14—15). Но он же увидел на последней странице книги И.Н. Шарафутдиновой доказательство того, что сабатиновская культура не связана «по своему происхождению со срубной культурой Поволжья» (Черняков 1984: 40). Е.Е. Кузьмина даже назвала эту идею ныне общепризнанной, хотя даже в работах И.Н. Шарафутдиновой, на которые сослались и она, и И.Т. Черняков (Кузьмина 2008: 197; Черняков 1984: 40), об отсутствии соответствующей генетической связи не написано. Я.П. Гершкович увидел в начале той же монографии (см. также: Шарафутдинова 1975: 24) шаг назад (Гершкович 2001—2002: 601; ср.: Лесков 1975а: 6—7) или, что мне представляется более предпочтительным, компромиссное объяснение характера сабатиновских памятников (Gerškovič 1999: 5). И.Н. Шарафутдинова стремилась систематизировать погребальные памятники в ареале, занятом синхронными им поселениями сабатиновской культуры, в т.ч. погребения степного Поднепровья «с инвентарем, близким или идентичным со срубными погребениями Северского Донца и Приазовья, что дает исследователям основание относить эти памятники к срубной культуре»⁸⁴ (Березанская, Шарафутдинова 1985: 491), в рамках одной с упомянутыми поселениями культуры или группы (исключением, пожалуй, являются «погребения срубной культуры... раннесабатиновского времени» (Шарафутдинова 1982: 58)). В то же время исследовательница, по всей видимости, хотела соотнести первые с позднесрубными памятниками более восточных регионов. Возможно, поэтому И.Н. Шарафутдинова⁸⁵ проявила колебания, придя к возможности выделения сабатиновских памятников в особую, достаточно своеобразную группу в пределах позднесрубной культурной общности (Шарафутдинова 1975: 24; 1982: 9)⁸⁶ или же сабати-

⁸³ Ее публикацией фактически и явилась приведенная монография.

⁸⁴ Но это не свидетельствует о той же культурной принадлежности поселений собственно степного Поднепровья того же времени.

⁸⁵ В.В. Отрощенко (2009б: 104) справедливо назвал ее матерью сабатиновской культуры.

⁸⁶ На мой взгляд, это (или т.п. — см., напр.: Агульников 2010: 191) не лишено смысла, учитывая близость (ср., напр.: Гершкович 2003: 33) сабатиновского и позднесрубного погребальных обрядов, а также в немалой степени (см., напр.: Горбов 1995б: 88—90; Протоколы заседаний... 1995: 86) — материальной культуры (по-

новских памятников Степного Поднепровья — в особую, достаточно своеобразную культуру (Шарафутдинова 1982: 157).

Позднее та же исследовательница попыталась разделить погребальные памятники предсабатиновского (кроме бабинских) и сабатиновского времени степного Поднепровья на две группы (Березанская и др. 1986: 87, 94). Первая — впускные погребения и плоские могильники (в частности, захоронения с каменными закладами) с инвентарем в виде сосудов преимущественно баночных форм, изредка орнаментированных валиком под венчиком, а также встречающихся характерных для срубной культуры остроруберных горшков, расположенные у рек, вблизи поселений и сохраняющие, по мнению И. Н. Шарафутдиновой, древние местные традиции. Вторая группа — курганы с основными и впускными погребениями с банками, остроруберными сосудами с геометрическим орнаментом и ножками с ромбическим расширением у черенка, расположенные в междуречьях, в маловодных и малонаселенных степях Левобережья и отчасти Правобережья (до Ингульца) и возведенные, как полагает исследовательница, срубными скотоводческими племенами в пред- и раннесабатиновское время. «Взаимодействие этих групп населения с разным укладом определило восточный вариант сабатиновской культуры. Уже в период расцвета сабатиновской культуры черты срубной стираются, а западные распространяются до Северского Донца и Приазовья» (Березанская и др. 1986: 94).

Остановлюсь на основных особенностях современной историографии проблемы. Многие исследователи предпочли сравнивать сабатиновские древности со срубными (да и с культурой Ноуа) в основном по материальной куль-

туре, зачастую по поселенческим комплексам. Так, В. Н. Горбовым основательно проведено сравнение сабатиновских и срубных комплексов по важнейшим категориям последней, «исключая металлообработку, требующую специального рассмотрения» (Горбов 1995б: 88). При этом культурных индикаторов оказалось сравнительно немного (Горбов 1995б: 88—90). «Сравнение на уровне “наличие-отсутствие” не работает. Необходим поиск концептуальных “мелочей”» (Горбов 1995б: 90). Вообще же, что касается материальной культуры, то, на мой взгляд, наибольший интерес для рассматриваемого аспекта представляет сравнение сабатиновского и срубного каменного домостроительства. Если сабатиновское имеет собственную историю и предысторию, то срубное — это лишь приспособление использования имеющегося строительного материала (камня) к срубно-андроновской земляночной традиции домостроительства в некоторых частях ареала срубной культурно-исторической общности на определенных этапах (Горбов 1989: 122; 1995а: 54, 57; 1997а; 1997б; Горбов, Усачук 2001: 216; Бровендер 2001а: 346—347). Сама земляночная традиция была обусловлена дефицитом камня на исконно срубных территориях. Но она была одним из факторов, изначально сформировавших менталитет срубников, отличный от менталитета сабатиновцев (можно даже говорить о различной этнопсихологии). Даже на территориях с достатком камня срубники придали ему (вместо дерева) сугубо изолирующую функцию (Горбов 1995а: 57; 1997а; 1997б: 7; 2000: 55; Горбов, Усачук 2001: 216; Бровендер 2001а: 346). Конечно, это не значит, что срубные линии развития никогда и ни в чем не пересеклись и не сблизились с культурами круга Бабино⁸⁷ и сабатиновской. Впрочем, что касается сабатиновского каменного домостроительства, то, если детальные обобщающие обзоры существуют в достаточном количестве, как это заметил В. Н. Горбов (1997а: 145; 1997б: 6), то, на мой взгляд, для характеристики каменных конструкций по дихотомическому принципу не хватает частных наблюдений, таких, как на срубных поселениях (Горбов 1997а: 150, 158; 147, рис. 1: 2; 157, рис. 6; Горбов, Мимоход 1999: 35; 68,

добную позицию см., напр.: Ковалева 1981а: 24; Мерперт 1985: 9; Березанская и др. 1986: 151, 152; ср., напр.: Алексеев и др. 1993: 68; Гершкович 1997: 125; Gerškovič 1999: 87, 90—92). Тем более что культурно-историческая общность и т.п. образования — реальность еще более субъективная, чем археологическая культура. Первая может включать и разные по происхождению культуры (Гершкович 2003: 32). Вспомним в этом же контексте концепцию общности культур валиковой керамики (Черных 1983). Допустив возможность локализации эпицентра распространения обряда скорченного на боку положения умерших в пределах восточных по отношению к Северному Причерноморью территорий (Gerškovič 1998: 323; 1999: 46), Я. П. Гершкович тем самым не опроверг такое основание для включения сабатиновской культуры в состав СКИО (я бы сделал и другой акцент — для подтверждения наличия определенной генетической связи между соответствующими древностями), как сходство сабатиновского и срубного погребального обряда (Gerškovič 1998: 317).

⁸⁷ Так, Ю. М. Бровендер даже предположительно рассматривает применение камня в домостроительстве срубниками на правобережье Северского Донца, при сохранении традиции деревянного строительства на левобережье, как синтез многоваликовой (каменной) и срубной (деревянной) строительных традиций (Бровендер 2001а: 346—347).

рис. 20: 2). Некоторые моменты на последних убедительно свидетельствуют о том, что каменные конструкции не были несущими, а лишь облицовывали стенки котлованов и наземные (дерновые?) стены (Горбов 1997а: 150, 152; 147, рис. 1: 2; 153, рис. 4: 2; 157, рис. 6; Горбов, Мимоход 1999: 35; 68, рис. 20: 2). Последнее обстоятельство, конечно, не следует абсолютизировать (см.: Горбов 1997а: 145, 146, 154; 1989: 121; 1997б: 7; Бровендер 2001а: 346). Жесткая причинно-следственная связь между несущим характером каменных конструкций, с одной стороны, и тенденцией к подпрямоугольной в плане форме помещений и хорошо выполненными углами, с другой (Горбов 1997а: 145, 154), — это, вероятно, преувеличение. Такие углы и конфигурация, полагаю, возможны и при сугубо облицовочной (изолирующей) функции камня (Бровендер 2001а: 343, 345—346). Мощные кладки тоже присущи не только сабастиновским (по мнению В. Н. Горбова, несущим) каменным конструкциям, но и облицовкам котлованов, например, на поселениях бегазыдандыбаевской культуры (Горбов 1997а: 145 и сл.; 1997б: 6; 2000: 55). Разве что при наличии контрфорсов, непосредственно примыкающих к каменным кладкам (углам) части сабастиновских построек, вообразить наличие дерновых стен несколько сложнее. А вот маломощные орфостатные основания однослойных кладок внешних стен сабастиновского строительного комплекса (или блока) поселения Пересадовка I (см.: Погребова 1960: 76—83, 86—90) считать цоколями самостоятельных несущих конструкций (Крыжицкий 1982: 123) нельзя (анализ подобных ситуаций см., напр.: Горбов 1997а: 150, 156). Возможно, это не единственный для поселений сабастиновской культуры пример сугубо облицовочной функции камней (Фоменко и др. 1997: 139; Фоменко та ін. 2007: 405—407).

Другой особенностью историографии проблемы является то, что не всегда из работ можно понять, сравниваются ли с сабастиновской культурой, в том числе, покровские древности, которые при какой бы то ни было культурной атрибуции всегда стояли особняком по отношению к остальным срубным. Понятно, что если сравнивает исследователь, не считающий покровские памятники срубными, то он считает соответствующую оговорку излишней. Я. П. Гершкович пытался сравнивать в контексте культурогенеза сабастиновскую кухонную посуду с керамикой, в частности, Мосоловского поселения (Гершкович 1997: 139; Gerškovič 1998: 320; 1999: 75, 77), которое считается эталонным

для покровской (или покровско-мосоловской (Отрощенко 2003: 47—50), а то и мосоловской срубной культуры (Отрощенко 1997: 72; 2002: 16, 25). Впрочем, это соответствует мнению Я. П. Гершковича об участии КМК (в Среднем Подонцове — в качестве местной основы) в сложении ПСК (Гершкович 2005: 178—179; 1998: 63; Братченко, Гершкович 2003: 274; ср., напр.: Бочкарев 1995а; Синюк, Козмирчук 1995; Отрощенко 2009а; Литвиненко 2010). Якобы именно это и формирование сабастиновской культуры на основе некоторых вариантов КМК не могло не обеспечить определенного сходства срубных и сабастиновских древностей (Гершкович 1998: 63, 66). Меньшие отличия по канонам погребального обряда между сабастиновской и бережновско-маевской срубными культурами, чем даже между последней и ПСК (Отрощенко 2001б: 176, 177), должно побуждать к дифференцированным сравнениям и других категорий сабастиновских древностей с культурами срубной общности. При этом некоторые авторы из культур последней для сравнений и выводов справедливо предпочитают БМСК (Бровендер 2001а: 345; Тоцев 2007: 211). ПСК же, безусловно, мало схожа, особенно памятники ее I периода, с сабастиновской культурой, а также (в целом) с культурами круга Бабино (Gerškovič 1999: 75, 77; 1998: 320, 324; Гершкович 1997: 139; Бочкарев 1995а: 26; ср.: Братченко 1977: 16; Березанская и др. 1986: 43), особенно с ДПБК. Хотя все же отмечается определенная близость первой и с сабастиновской культурой (Гершкович 1997: 139; 1998: 66, 84; Gerškovič 1998: 320; 1999: 75, 77), и с бабинскими древностями (Gerškovič 1998: 324; Братченко 1977: 16; Синюк, Козмирчук 1995: 62, 64—66; Васильев и др. 1995: 36—37; Кузнецов, Семенова 2000: 134).

Не всегда понятно из работ и то, сравнивается сабастиновская культура со срубными древностями в целом или только с синхронными ей. Собственно говоря, необходимо сравнивать как с последними, так и с предшествующими, но дифференцированно и с разными целями. Так, например, В. Н. Горбов в основном сравнивает древности синхронных этапов западного и восточного кругов культур валиковой керамики, в частности, сабастиновскую культуру — с синхронными последней срубными горизонтами, но иногда прослеживает истоки различий между соответствующими древностями в досабастиновских срубных объектах и артефактах (Горбов 1995а; 1995б; 1989; 1993; 1994а; 1997а; 1997б; 2000; 1996б; Чубатенко, Горбов 1994; Горбов, Усачук 2001). Конечно, в работах исследователей, считаю-

щих сабастиновские и срубные древности полностью синхронными, подобные разграничения ожидать бессмысленно.

Решение вопроса об участии срубного компонента в генезисе сабастиновской культуры во многом зависит от правильного установления хронологического соотношения соответствующих древностей. Позиция Я.П. Гершковича (Gerškovič 1999: 75, 77, 85) — ярчайшее тому свидетельство. Если сабастиновская культура полностью синхронна срубной культурно-исторической общности, то не удивительно сведение их генетического родства, объяснения сходства не более, чем к участию КМК в сложении срубной (Синюк, Козмирчук 1995; Гершкович 1998; 2005; Братченко, Гершкович 2003; ср., напр.: Бочкарев 1995а; Отрощенко 2009а; Литвиненко 2010) (покровской срубной) и сабастиновской культур (Гершкович 1998: 66; Литвиненко 1991: 132). Соответственно, полная синхронизация сабастиновской и бережновско-маевской срубной культур (Гершкович 1996: 23; Отрощенко 2001б: 162—166 и сл.; Ключко 2006: 8, 174; Куштан 2007: 14—17, 21; Ванчугов 2013: 315), имеющих сходство в погребальном обряде, даже большее, чем последняя и ПСК, входившие в одну (срубную) культурно-историческую общность, неизбежно сводит генетическое родство культур первой из упомянутых в этой фразе пар не более, чем ко вкладу КМК в сложение сабастиновской и бережновско-маевской срубной культур (Отрощенко 2001б: 176, 177; ср.: Отрощенко 1991: 49). Точнее — к участию в этом процессе родственных культур круга Бабино: в формировании бережновско-маевской срубной культуры — днепро-донской (в основном) бабинской, а сабастиновской — степных вариантов днепро-прутской бабинской культуры (об этом участии см.: Литвиненко 2009а: 73—77, 90; 2009б: 19, 25; 2010: 47—49; 2011: 170).

О.А. Кривцова-Гракова относала белозерские и сабастиновские древности ко второму периоду срубной культуры, как и хвалынский период последней в Нижнем Поволжье, считавшемся исследовательницей прародинной срубников, а появление срубной культуры в Крыму — к концу второго периода (Кривцова-Гракова 1955).

Д.Я. Телегин, доказав хронологический приоритет сабастиновского этапа по сравнению с белозерским, лишь поменял местами абсолютные даты соответствующих групп памятников (Телегин 1961: 14). Хронологическое соотношение сабастиновских и белозерских древностей, вместе взятых, как с первым,

так и со вторым периодом срубной культуры Нижнего Поволжья, не изменилось. Это, в частности, было закреплено в итоговой для соответствующего времени периодизации А.И. Тереножкина (1965; 1976: 17 и сл.).

В создававшихся на все более расширяющейся базе данных (см., напр.: Отрощенко 2002: 7), в т.ч. стратиграфических (а не просто в результате слепого следования, как господствовавшей аксиоме, гипотезе авторитетной исследовательницы О.А. Кривцовой-Граковой⁸⁸), региональных и межрегиональных периодизациях и в работах другого характера, исходя из принципа наибольшего сходства, с сабастиновским (или же с сабастиновским и белозерским) временем соотносились (а нередко соотносятся и поныне) только поздние срубные горизонты, тогда как ранние — с предшествующим временем бабинских древностей (Бородинского клада). Так, Е.Н. Сава (Сава 2003: 149) справедливо считает: «Согласно типологическому анализу всех категорий археологического материала, комплекс культур ноуа-сабастиновка синхронизируется... с... поздними фазами срубной культуры...». Правда, с признанием самостоятельной сабастиновской культуры, особенно в варианте отсутствия генетической связи со срубной общностью, основания для хронологической соподчиненности сабастиновских древностей срубным, в соответствии с логикой О.А. Кривцовой-Граковой⁸⁹, казалось бы, отпали (Гершкович 1998: 81, 84; 2003: 33). И последствия не заставили себя долго ждать. Находки булавок кипрского типа и костяных псалий времени венгерского VIII именно на поселениях старшей сабастиновской группы позволили Н.Н. Черденченко ставить вопрос об удревнении ранней сабастиновки до раннесрубного времени (Березанская и др. 1986: 50, 77).

Правда, еще раньше Е.Н. Черных частично синхронизировал производство раннесрубного времени с «ингуло-красномайским» очагом сабастиновского времени и вместе с тем почти полностью — с сейминским хронологическим горизонтом Волго-Уралья, в который попадают и металлургические формы раннесрубных памятников этого региона

⁸⁸ Впрочем, может быть, некоторых археологов в этом уличают (Gerškovič 1999: 4, 5, 60, 61; Гершкович 2001—2002: 598—604; Отрощенко 2001б: 113, 136—138; 2002: 1, 7, 20, 27) в какой-то мере справедливо.

⁸⁹ Согласно этой логике, древнейшие памятники срубной культуры на прародине последней должны быть старше, чем в районах, куда срубники мигрировали (см., напр.: Отрощенко 2001б: 113).

(Черных 1976: 151—158 и сл.; рис. 58; 1978а: 75—76; 55, рис. 2; 56, рис. 3; 73, рис. 10; 74, рис. 11). Основания же для ограничения временем не ранее появления в Поднепровье металла западных химических групп — карпато-трансильванской и правобережной, «т.е., по всей вероятности, XIII в. до н.э.», представляющих «производство раннесрубного типа» ножей КТР Н-30/32 и серпов КТР С-14 (Черных 1976: 94, 157—158 и сл.⁹⁰), на хронологию тех орудий этих же КТР, что изготовлены из металла восточных групп, на мой взгляд, распространяться не должны (ср., напр.: Gerškovič 1999: 60). Тем более находка ножа типа Н-30/34 в Сэрата-Монтеору (этап II-b), в соответствии с былыми представлениями, говорила о проникновении срубных элементов куда западнее «еще во время, предшествующее культуре ноа, с которой обычно связываются клады ингуло-красномяцкого типа» (Черных 1976: 176 и др.). В таком случае, трудно предположить, что Е.Н. Черных мог бы допускать синхронность всех аналогичных ножей из Северного Причерноморья времени действия «ингуло-красномяцкого» очага металлообработки. Синхронизация «производства раннего “волго-уральского толчка” с ранним периодом деятельности» названного очага на том основании, что в «комплексе Авраамовского клада, принадлежавшего литейщикам ингуло-красномяцкого типа, есть мелкий серп, условно отнесенный к типу С-12, изготовленный из металла группы Пб, связанной с западом», как и на типологическом основании (Черных 1976: 176, 178), на мой взгляд, далеко не бесспорна⁹¹. Тем более что и Е.Н. Черных не ограничил датировку даже абсолютно всех прототипов подобных изделий — серпов КТР С-14 — сейминским хронологическим горизонтом (Черных 1976: 92, 94, 158, 176). В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев не случайно затрудняются твердо датировать серпы варианта Старо-Быково, по классификации этих авторов, в т.ч. из Авраамовского клада (Дергачев, Бочкарев 2002: 86, 116, 118; 12, рис. 1; 325—327, рис. 57). Такие серпы неизвестны на востоке и считаются производными по отношению к более, как правило, крупным и тяжелым, часть которых предположительно существовала в раннесабатиновское время, — подражанием или одной из ми-

ниатюрных «мутационных» разновидностей (Черных 1976: 92 и сл.; Дергачев, Бочкарев 2002; Leskov 1981: 6, 40). Тем более, что, в соответствии с эффектом актуализации начала, общая эволюция, в частности, серпов заключалась в постепенном переходе от крупноразмерных — более тяжелых — изделий к предметам малых размеров — более легким (см. об этом относительно серпов, напр.: Дергачев 2011: 183—185 и сл.). В свое время Е.Н. Черных склонялся к необходимости понижения датировок, в частности, и «ингуло-красномяцкого», и (по принципу цепной реакции) срубного, и более древних очагов (Черных 1978а: 257—259, 261, 273)⁹².

Публикуя Новокиевскую литейную мастерскую, исследователи на основании находок на одноименном поселении не самого раннего, как судили авторы по керамике, этапа сабастиновской культуры литейных форм XV—XIV вв. до н.э. предложили удревнить дату раннесабатиновского периода с возможной синхронизацией последнего с раннесрубной культурой (Гершкович и др. 1987: 150—157). И хотя позднее Я.П. Гершкович выявил в коллекции и керамику раннего этапа сабастиновской культуры (возможно, конца последнего), соответствующую по времени I горизонту негативов (Гершкович 1997: 137; 140, рис. 8; 1998: 84⁹³; 2002: 84, 87; Gerškovič 1999: 59), толчок уже был дан. Указанное выявление практически ничего не изменило во взглядах данного исследователя (Гершкович 1996: 22—23; 1998; 2001—2002; 2003; 2004а; Gerškovič 1999: 60 ff.; Gershkovich 2003; 2011). Сходную позицию по поводу хронологического соотношения сабастиновских и срубных древностей заняли С.С. Березанская (1987: 39;

⁹² Кстати, подобный подход (см. также, напр.: Чмихов, Черняков 1988: 108—110, 118; ср.: там же: 119) не нарушает, на мой взгляд, хронологическую колонку бронзового века на юге Восточной Европы, вопреки опасениям Э.С. Шарафутдиновой (1992а: 218; 1997: 38), оправданным лишь в случае удревнения отдельно взятой сабастиновской культуры. По поводу попыток связать с культурой многоваликовой керамики (или с соответствующим периодом) Малокопаневскую литейную мастерскую и зарождение сабастиновских (красномяцких) металлургических традиций (Клочко 2006: 140—141 и сл.; Черняков 1996: 60; Иванова и др. 2012: 169—170; ср., напр.: Черняков 1980: 59; 1985: 104, 146; 97, рис. 45: 9—11), против одной из которых я уже возражал выше, см. подробно ниже.

⁹³ К тому же упомянутый горизонт был признан более поздним, чем матрицы из Малых Копаней, и отнесен «к середине или даже концу раннесабатиновского периода» — условно к середине или концу XV в. до н.э.

⁹⁰ Причем такие орудия отнесены не только к одноименному горизонту, но и, предположительно, к более позднему времени.

⁹¹ Опустим здесь проблему географии исходного района подразумеваемого «толчка».

1990: 84, 99—103, 107, 110⁹⁴; 1997: 4), И. Н. Шарафутдинова (1989: 256), а также (постепенно) Н. Н. Чередниченко (1997: 29; ср.: Березанская и др. 1986: 50, 77) и И. Т. Черняков (1997: 31—32; ср.: Чмихов, Черняков 1988: 118, 119).

Против удревнения сабаатиновской культуры и синхронизации ее с раннесрубной, отрицания связи первой со срубной культурой позднего этапа и мнения о том, что сабаатиновская культура чужда срубной, выступила Э. С. Шарафутдинова (1992а: 218; 1997: 38). Заслуживают внимания, на мой взгляд, такие аргументы, как отсутствие в сабаатиновской культуре дисковидных псалиев с шипами, характерных для раннесрубного горизонта (там же; см. также, напр.: Бровендер 2008: 199—200; ср.: Колев 2008: 225), и наличие ножей с кольцевым упором в комплексах именно позднесрубной и сабаатиновской культур (Шарафутдинова 1992а: 218; 1997: 38; ср.: Березанская и др. 1986: 64).

Как бы ни датировались такие ножи, в основном нижнюю хронологическую границу не опускают ниже раннесабаатиновского времени (Подобед и др. 2009: 5—8; Гершкович и др. 1987: 151; Берестнев 2001: 112, 113), за одним известным мне явным⁹⁵ исключением (Шарафутдинова 1982: 122). Другое дело — разницей в абсолютных датах раннесабаатиновского периода, а также отнесение Н. Н. Чередниченко к старшей ступени архаического периода срубной культуры, И. Н. Шарафутдиновой, В. А. Дергачевым — в частности, к предсабаатиновскому времени, а В. И. Клочко, И. Т. Черняковым — к культуре (хронологическому горизонту) многоваляковой керамики тех или иных кладов с подобными кинжалами или соответствующими

литейными формами, как и вообще упомянутая атрибуция В. А. Дергачевым большей части комплексов типа Лобойковка-Голоуров (Черняков 1996: 60; Шарафутдинова 1982: 113 и др.; Березанская и др. 1986: 64; Клочко 2006: 140—141 и сл.; Дергачев 2011: 215 и сл.; Дергачев, Бочкарев 2002: 16—17, рис. 2;). Вряд ли можно считать оправданной, во всяком случае, соответствующую датировку большинства из подвергшихся спектральному анализу бронзовых изделий Лобойковской группы. Не без оснований считается, что металл, связанный с производящими центрами Балкано-Карпатской горно-металлургической области, черты которого в наборе примесей к меди смешанной химической группы левобережной, главным образом и использовавшейся литейщиками Лобойковского очага металлообработки, отразились, прежде всего (ср., напр.: Клочко, Козыменко 2011: 159, 161; Хардинг 2013: 173—174), не мог поступать в Поднепровье и на соседние территории столь рано — до образования, по Е. Н. Черных (1976), «ингуло-красномаяцкого» очага металлообработки⁹⁶. Иными словами, — до появления в Северопонтийском регионе предметов металлопроизводства, свидетельствующих о связях, в частности, работавших там литейщиков с западными и придавших (в том числе) своеобразие материальному комплексу именно сабаатиновской культуры (Черных 1976)⁹⁷. Вероятно, не следует опускать ниже раннесабаатиновского времени и даты абсолютно большинства соответствующих литейных форм (см., напр.: Клочко 2006) голоуровской группы. По мнению Е. Н. Черных, именно набор «весьма выразительных форм бронзовых орудий и литейных форм, соответствующих в основном продукции ингуло-красномаяцкого и лобойковского очагов в Северном Причерноморье», определяет время сложения общности культур валиковой керамики (Черных 1983: 95⁹⁸). По поводу попыток свя-

⁹⁴ Исследовательница до конца не выдерживает занятую позицию по поводу полной синхронизации сабаатиновских и срубных древностей, будучи вынуждена признать, что срубная культура частично сосуществует с КМК (Березанская 1990: 98, 104, 110—114; 1998), о синхронности которой с раннесабаатиновскими памятниками нет данных (см., напр.: Савва 1992: 175) не только в Днестровско-Прутском междуречье. Под непосредственным контактом сабаатиновской культуры с КМК (Гершкович 1998: 84) разве что может подразумеваться хронологический стык между ними. «Взаимовлияние КМК, раннесабаатиновской, раннесрубной, культур Монтеору и Ноуа» (Агульников, Бубулич 1998: 141) (всех вместе) исключено, т. к. не все они синхронны. «По всей вероятности», одновременность совершения погребений Дойна 1/3 и 1/4, одно из которых сопровождалось бабинским сосудом, другое — вероятно, сабаатиновским (Агульников, Бубулич 1998: 138, 140, 141), практически ничем не обосновывается.

⁹⁵ Да и то если верить сохранившимся, в отличие от самого предмета, сведениям В. А. Городцова.

⁹⁶ Только литейщики последнего, по мнению Е. Н. Черных, могли поставлять в Северное Причерноморье такой металл. В еще большей степени это относится к металлу западных групп — карпато-трансильванской и правобережной, возможно, применявшемуся изредка мастерами именно названного очага (не только некогда искусственно объединенного с последним Е. Н. Черных Завадовского).

⁹⁷ Такой вариант (сугубо археологическая точка зрения) более соответствует современному пониманию, если отвлечься от вопроса о происхождении самих мастеров Красномаяцкого очага металлообработки.

⁹⁸ Этот набор является одним из хроноиндикаторов ранней фазы названной общности, которой, за ис-

зять с культурой многоваликовой керамики (или с соответствующим периодом) Малокопаневскую литейную мастерскую и зарождение сабатиновских (красномаяцких) металлургических традиций, помимо затронутого выше, отмечу следующее. Наличие на втулке наконечника дротика, представленного негативом на одной из матриц этой мастерской, ушка, аналогичного имеющимся на копьях сейминского типа, сколько-нибудь надежным архаическим признаком считаться (Клочко 2006: 140—141; 162, рис. 62: 5) не может. Так, литейная форма с негативом, в частности, наконечника дротика с ушком была найдена при раскопках поселения белозерской культуры Дикий Сад (Горбенко 2008: 88; 87, рис. 1: 25, 30). В свое время ряду исследователей казалось проблематичным датировать кельты раньше, чем XIII в. до н.э. (Черных 1978а: 257; ср., напр.: Лесков 1967а: 164—167 и сл.). На этом фоне отнесение к досабатиновскому времени неоднократно упоминавшегося малокопаневского негатива кельта (Клочко 2006: 145⁹⁹, 146; 166, рис. 66: 13) представляется слишком смелым вариантом решения некогда существовавшей, но уже давно продвинутой к разрешению проблемы якобы длительного хронологического разрыва между производством втульчатых (проушных) топоров, характерных для названного горизонта¹⁰⁰, и кельтов, характерных для позднего бронзового века (по поводу нее и соответствующих орудий см., напр.: Черных 1978а). Серьезных препятствий для датировки как начала производства кельтов ранее, чем XIII в. до н.э., так и продолжения использования втульчатых топоров позже, чем XVI в. до н.э., на самом деле не было еще до введения в оборот комплексов, в которых (в виде готовых бронзовых изделий или негативов) втульчатые топоры или рапиры типа эгейских и т.п. сочетались с кельтами (включая «втульчатый кельт-долото») (Черных 1978а), порой и более поздними, чем отливавшиеся в Малых Копанях. Подобное сочетание вполне естественно для типов, бытовавших

ключением восточной зоны, четко соответствует смена новыми культурами (в частности, сабатиновской) предшествующих.

⁹⁹ Аналогии этому негативу имеются в составе мастерской Побит Камык вместе с формами для литья центральноевропейских проушных топоров с удлиненным обухом, встречающихся якобы только вкладах горизонта Хайдушамшон, а однотипные кельты — в составеклада Дичево вместе с лезвием рапиры переднеазиатского типа, типологически близкой к раннеэгейским рапирам.

¹⁰⁰ В частности, КТР Т-16, по Е. Н. Черных.

долго, и для кладов длительного накопления, из которых определенные могут и должны быть отнесены одновременно к разным периодам или подпериодам (в отличие от времени закрытия кладов), в т.ч. некоторые Дичевского очага металлообработки¹⁰¹ (Дергачев 2011: 172—176, 219, 250—254). Формы бронзовых орудий типа Хайдушамшон-Апа и связанных с последними развивались и позднее одноименного горизонта, поэтому и изготовление втульчатых топоров (представителей этих форм) могло продолжаться (Черных 1978а: 259). И оно действительно продолжалось, в т.ч. в период расцвета сабатиновской культуры, хотя нельзя сказать, что подобные топоры со временем не изменялись (Черняков 1985: 104, 122; 116, рис. 159: 1). Наиболее надежно культурно-хронологически атрибутированными считаются комплексы литейных форм, достоверно привязанные к хорошо исследованным культурным слоям, например, литейная мастерская с матрицами с негативами, в частности, кинжалов с кольцевыми упорами на поселении сабатиновской культуры Новокиевка (Gerškovič 1999: 61—62; Гершкович 2001—2002: 603—604), а также готовые орудия из погребений — закрытых комплексов (Подобед и др. 2009: 6—7). Какие бы западные изделия ни были одновременны рассматриваемым (Gerškovič 1999: 6), а также, к примеру, как бы ни датировался кинжал с кольцевидным упором из «так называемого комплекса из Березки в Молдавии» (Черняков 1985: 104, 111, 113; см. также Дергачев 1975: 66—68, 75—77), в контексте анализируемой проблемы важно наличие последних в срубных комплексах только позднего периода и в сабатиновских.

В том же контексте, на мой взгляд, сохраняет актуальность замечание: «Нам пока не представлена логическая система доказательств с привлечением новых материалов, которая отрицала бы хронологические построения и периодизацию, предложенные А.И. Тереножкиным, В.С. Бочкаревым, А.М. Лесковым и др.» (Шарафутдинова 1991: 194; ср., напр.: Гершкович 1993: 10; Gerškovič 1999: 77, 85). Не считает возможным согласиться с попытками пересмотра нижней даты сабатиновской культуры и В.В. Цимиданов,

---

¹⁰¹ Последние, в частности, Попгруево (с безушковым кельтом, близким к одноушковым, отливавшимся в Малых Копанях), как, впрочем, и клад Рышешть, к «многоваликовому» времени (Клочко 2006: 146, 181), конечно, не относятся (во всяком случае, момент депонирования).

синхронизируя с последней лишь позднесрубный этап (Цимиданов 2004: 94).

Большое значение, с моей точки зрения, имеет выделение В. В. Отрощенко в рамках срубной культурно-исторической общности покровской (покровско-мосоловской) и бережновско-маевской срубных культур (Отрощенко 1994а; 1994б; 2000; 2001б; 2002 и др.; Толочко та ін. 2000; Отрощенко та ін. 2008 и т.д.), хотя всеобщего признания это не получило (Шарафутдинова 2003: 126; Лопатин 2010: 225—228 и сл.). По мнению автора соответствующей концепции, раньше складывается покровская срубная культура, приоритет первого периода которой по отношению к сабастиновской культуре В. В. Отрощенко доказал (2001б), на мой взгляд, вполне убедительно. Несомненно, только лишь стратиграфические примеры, свидетельствующие о сосуществовании носителей ПСК и бабинского населения (Отрощенко 2001б: 96, 123, 125, 152; 2002: 17; о соответствующих непосредственных контактах см. также, напр.: Горбов 2001: 147, 151¹⁰²; Горбов, Усачук 2001)¹⁰³, убедительнее любых доводов против аргументов Я. П. Гершковича «в пользу» синхронности раннего этапа сабастиновской культуры и раннесрубного хронологического горизонта, которому соответствует покровская керамика (Гершкович 1996: 23). Имеются в виду, в том числе, сопоставления фрагментов сосудов со шнуровым и прочерченным орнаментом¹⁰⁴ и сходных без него покровского облика (ср., напр.: Отрощенко 2001б: 164; Савва 1992: 37, рис. 9: 3) со срубного поселения Безыменное I и из горизонта раннего этапа сабастиновской культуры поселения

Златополь (Гершкович 1998: 61—63¹⁰⁵ и сл., рис. 1). Бережновско-маевскую срубную культуру В. В. Отрощенко полностью синхронизирует с сабастиновской (2001б: 162—166 и сл.; Ванчугов 2013: 315). Более ранним временем датированы только памятники слабо насыщенного так называемого протобережновского горизонта (Отрощенко 2001б: 125—127; 2002: 14, 15, 17, 27), косвенно (судя по контексту) отнесенные к бережновско-маевской срубной культуре (Отрощенко 2001б: 66, 125—126, 133; 2002: 14; ср., напр.: Лопатин 2010: 229, 231). По мнению В. В. Отрощенко, практически полный выход из употребления костяных пряжек культур многоваликовой керамики и покровской срубной произошел на межкультурном уровне ко времени формирования сабастиновской и бережновско-маевской срубной культур, а потому служит ярким хронологическим показателем (Отрощенко 2001б: 164). Данный исследователь, в противовес некоторым другим мнениям, делит и бережновско-маевскую срубную, и сабастиновскую культуры на два периода (Отрощенко 2001б¹⁰⁶). Исследователь считает важной для синхронизации раннего периода бережновско-маевской и сабастиновской культур находку типологически позднего, по его мнению, ножа срубного типа на поселении Мерень II, который, как он утверждает, Е. Н. Сава не совсем точно относит к предсабастиновскому этапу (Отрощенко 2001б: 160—162, 171¹⁰⁷). На основании приводимых параллелей некоторым артефактам и обряду погребения у с. Степовое, относящимся к сабастиновской культуре, в памятниках, по мнению В. В. Отрощенко, второго периода БМСК и синхронных последнему культур развитый период сабастиновской куль-

¹⁰² «К настоящему времени непосредственный контакт пришлого покровского и многоваликового населения, кажется, не вызывает сомнений». Но все же, вероятно, не у всех.

¹⁰³ В свое время Я. П. Гершкович выделил слой «срубно-многоваликового времени» на поселении Диброва (Гершкович 1990: 38; ср.: Гершкович 1995: 37; 1998: 63). Если на этом конкретном памятнике многоваликовая и срубная керамика может быть и асинхронной или первая — не относиться к культурному кругу Бабино, то вообще соответствующий хронологический горизонт древностей выделяется, в т. ч. в современных работах (Куштан 2002: 182; 2007: 15, 20—22). Возражение по поводу выделения подобной синкретической хронологической группы по погребальным памятникам см.: Отрощенко 2001б: 148—149; ср.: Литвиненко 2000б: 82—83.

¹⁰⁴ На самом деле он не является спецификой именно раннесрубного горизонта (Шаповалов 1976: 160—164, 166—168) и встречается на керамике сабастиновской культуры не только раннего этапа (Черняков 1985: 55, 64—69, 71, 75; Гершкович 1998: 65, рис. 2: 1).

¹⁰⁵ Хотя и для Я. П. Гершковича очевидно, что присутствие разновременных находок на поселении Златополь очевидно, а на других — не исключается.

¹⁰⁶ Причем В. В. Отрощенко замечает определенное соответствие двух периодов БМСК раннему и развитому периодам сабастиновской культуры, абсолютные даты которых (соответствующих по хронологической последовательности), по мнению исследователя, совпадают. На попытку отнести памятники периода «Сабастиновка-III» к белозерской культуре (Отрощенко 2001б: 163, 174—175) мне уже приходилось реагировать (Черниенко 2009: 390).

¹⁰⁷ Соответствующее утверждение аргументируется тем, что десятки аналогичных ножей выявлены в погребениях первого периода БМСК. Да и в составе Лобойковского клада, который В. С. Бочкарев и А. М. Лесков отнесли к раннесабастиновскому периоду, есть подобные ножи, а также и вещи, имеющие, по мнению В. В. Отрощенко, аналогии и среди находок из погребений ее второго периода.

туры синхронизируется со вторым периодом БМСК (Отрощенко 2001б: 171—174). С точки зрения исследователя, термин «предсабатиновский этап», которым фактически называют позднюю фазу раннесрубной культуры, ныне тоже требующей дополнительного толкования, по отношению к памятникам срубной общности Днепро-Донского ареала использовать нецелесообразно (Отрощенко 2001б: 156—157)¹⁰⁸. По мнению ученого, без этого термина, за которым якобы стоят другие (досрубные и досабатиновские) культуры (КМК, ДВАК), можно обойтись (Отрощенко 2001б: 157). Если даже предположить наличие «предсабатиновских» памятников там, где нет сабатиновской культуры, то невозможно выявить стратиграфическую позицию последних по отношению к комплексам Сабатиновки, т.е. существует, по крайней мере, теоретически, возможность синхронизации предсабатиновских памятников с собственно сабатиновскими в пределах эпохи поздней бронзы (Отрощенко 2001б: 157). Уточнение Э.С. Шарафутдиновой того, что одним из признаков предсабатиновского этапа является посуда, изготовленная по андроновско-федоровским образцам, позволяет В.В. Отрощенко синхронизировать, по многочисленным стратиграфическим наблюдениям, так называемый предсабатиновский этап срубной культуры со вторым (заключительным) периодом БМСК и, соответственно, со вторым (развитым) этапом сабатиновской культуры (Отрощенко 2001б: 157)¹⁰⁹.

Сложнее В.В. Отрощенко оценить ситуацию в Поднепровье, для которого, как он утверждает, В.С. Бочкарев и А.М. Лесков в совместных тезисах не называют эталонных предсабатиновских памятников (Отрощенко 2001б: 157). Широкое присутствие на западе обозначенного В.В. Отрощенко ареала БМСК, входящем, по мнению большинства исследователей, в ареал поселений сабатиновской культуры¹¹⁰, погребальных сооружений первой этот археолог может объяснить, только учитывая общую генетическую подосно-

ву (КМК) для сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур (Отрощенко 2001б: 175—177)¹¹¹.

Вместе с тем, В.В. Отрощенко (2001б: 126—127) пишет о сабатиновских влияниях, которыми отмечены погребения БМСК только второго периода. Именно памятники последнего исследователь считает возможным включить в новую для того времени общность КВК, где, по Е.Н. Черных, ключевой выглядит так называемая срубно-хвалынская культура (Отрощенко 2002: 22). Последняя, в частности, по мнению В.В. Отрощенко, распадается на несколько разновременных групп памятников, отдельные из которых относятся к БМСК-II (Отрощенко 2002: 22). Как уже указывалось, В.В. Отрощенко допускает более позднюю верхнюю хронологическую границу КМК для памятников Правобережной Украины и Молдовы по сравнению с другими частями ареала этой культуры (Отрощенко 2001б: 110—111; ср., напр.: Гершкович 1996: 22—23; 1998: 84). По мнению первого, именно к западу от Днепра, вне зоны покровских проникновений и влияний, КМК эволюционировала в сабатиновскую культуру, а точнее на базе субстрата КМК при взаимодействии с населением ПСК сформировалась БМСК (Отрощенко 2002: 18). Следовательно, ученый тем самым допускает и несколько более позднее время становления сабатиновской культуры, по сравнению с периодом формирования БМСК.

Надо понимать, бережновский локальный вариант БМСК сложился раньше, чем маевский (и, наверное, ее степановский тип). Во всяком случае, по мнению В.В. Отрощенко (1993: 82; 2001б: 124), к южному ареалу срубной общности логично присоединить погребения бережновского типа из Нижнего Поволжья, где обряд с восточной ориентировкой умерших имеет стратиграфически выделенное древнейшее звено и собственную линию развития, не говоря уже о ранней хронологической позиции так называемых протобережновских памятников. В свое время исследователь, подхватив идею двух линий развития срубной культуры (Васильев и др. 1993: 68), считал, что таковая зоны сте-

¹⁰⁸ По отношению к ним такая терминология является чужой, а в периодизации памятников сабатиновской культуры предсабатиновский этап отсутствует.

¹⁰⁹ Как отметил Я.П. Гершкович, предсабатиновский этап, в таком случае, станет предбелозерским.

¹¹⁰ Некоторым исследователям как-то удается выделять там и соответствующие погребения (см., напр.: Отрощенко 2005: 108), как отмечено также выше и ниже. Проблему восточных границ сабатиновской культуры В.В. Отрощенко еще не так давно считал открытой (2001б: 147; ср.: Отрощенко 2002: 2, 18).

¹¹¹ С учетом демографического взрыва в XIV—XIII вв. до н.э. (т.е. во второй период БМСК и Сабатиновки — см., напр.: Отрощенко 2001б: 159, 162, 163) и отсутствия свидетельств каких-либо серьезных военных столкновений. Упомянутая общая подоснова, по мнению В.В. Отрощенко, и обусловила сходство погребальных ритуалов сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур.

пей и полупустыни (бережновская линия развития) складывается при непосредственном участии ранней КМК (Отрощенко 1994б: 31). Согласно же монографии, погребения первого периода БМСК (классические) хронологически следуют за комплексами второго (позднего) периода КМК (Отрощенко 2001б: 126—127). В одной из работ В. В. Отрощенко пишет о том, что активность покровского населения на раннем этапе развития привела к переплетению двух линий развития в зоне активных контактов: линии степной (классической) срубной культуры, обозначенной бабинской общностью и БМСК, и покровской линии, выросшей на другом субстрате (Синташта — Потаповка — доно-волжская абашевская культура) (Отрощенко 2009а: 72)¹¹². На мой взгляд, не вполне корректное включение в линию развития одной культуры двух разных культурных образований можно понимать в случае не просто хронологического стыка между бабинской общностью и БМСК, переплетавшейся с покровским населением раннего этапа, а их взаимодействия. Во всяком случае, это с хронологической точки зрения соответствует приведенному выше положению из более ранних тезисов (Отрощенко 1994б: 31).

Имеющееся в литературе предположение о более длительном существовании КМК в крайне западном ареале последней создало у Я. П. Гершковича впечатление искусственного «дотягивания» верхних дат этой культуры до традиционных датировок последующих — Ноуа и сабастиновской — в соответствии с «заколдованным кругом» взаимных привязок (Гершкович 1996: 22—23; 1998: 84). По мнению Р. А. Литвиненко, количественное соотношение ранних и поздних памятников по каждой из двух бабинских культур (днепро-донской и днепро-прутской) наталкивает на мысль о том, что пик развития локальных групп ДПБК приходился на этапы упадка и конца ДДБК (периоды ПБ-III) (Литвиненко 2009б: 15¹¹³; 2009в: 144). Ранее обращалось внимание на то, «что дольше всего КМК просуществовала... в тех областях, которые не достигла ранняя волна миграции покровской срубной культуры», в т. ч. в Северо-Западном Причерноморье (Литвиненко 1996:

68). Э. С. Шарафутдинова (1995в: 127—128, 132) объясняет множество вариаций форм керамики со сравнительно многочисленными погребальными памятниками (в отличие от Нижнего Подонья и Прикубанья) и наиболее широкое распространение одной из разновидностей слабо профилированных степных сосудов именно в юго-западной части ареала КМК более длительным существованием последней в Северо-Западном Причерноморье.

Соглашаясь с тем, что эволюция бабинских и срубных «остроречных сосудов... в общем, шла в одном направлении» (Рыбалова 1974: 45), с приведенными выше доказательствами В. В. Отрощенко хронологического приоритета первого периода покровской срубной культуры перед сабастиновской и доводами Э. С. Шарафутдиновой против синхронизации сабастиновской культуры с раннесрубной, отмечу следующее. На мой взгляд, погребения сабастиновской культуры наиболее соответствуют захоронениям II периода БМСК, или же III стратиграфического горизонта (этапа) срубных погребальных комплексов Северского Донца, по периодизации Р. А. Литвиненко¹¹⁴ (ср., напр.: Отрощенко 2001б: 277, мал. 31 и Литвиненко 2000б: 90, рис. 4) (рис. 2; 4; 7), и Северо-Восточного Приазовья (Литвиненко 1999б: 17, 19, 20). Именно комплексы этого горизонта последнего отнесены «к т. н. «сабастиновскому» этапу» и синхронизированы с памятниками Левобережного Предстепья V горизонта, по И. Ф. Ковалевой, и позднесрубной культуры Нижнего Подонья, по Э. С. Шарафутдиновой (Литвиненко 1999б: 17, 19). Последняя синхронизировала раннюю часть позднесрубных древностей, в частности, Приазовья и (памятники сабастиновского этапа) Нижнего Подонья, а также почти полностью позднесрубную культуру Северского Донца и Среднего Подонья с сабастиновской культурой (Шарафутдинова 1995в: 140). Исходя из разнообразных сведений многочисленных авторов, кроме общих для культур круга Бабино, сабастиновской и бережновско-маевской срубной черт погребального обряда¹¹⁵ и баночной формы многих сосудов, характерной также и для культур по-

¹¹² Это вылилось в образование грандиозной срубной общности.

¹¹³ Показательны также исключительный стратиграфический приоритет погребений последней перед захоронениями ДПБК (14 случаев) и количественное соотношение ранних и поздних типов пряжек в одной и в другой культуре круга Бабино.

¹¹⁴ Она, по справедливой оценке В. В. Отрощенко (2001б: 155), оптимальная по фактажу, по сравнению с периодизациями срубной общности во всех других регионах ареала последней.

¹¹⁵ Наиболее распространенный вариант — скорченные на левом боку костяки в позе адорации (пусть не всегда кисти рук строго у лица), ориентированные головой на восток, в т. ч. с отклонениями (чаще — с небольшими) (рис. 2: 1, 3, 15, 18, 31; 3: 2, 4; 7).

кровской срубной и Ноуа¹¹⁶ (рис. 2: 5, 12, 20, 23, 27, 28; 4: 1, 9, 11, 16, 19; 7; 9), срубные погребения выделенного позднего стратиграфического горизонта и захоронения сабатиновской культуры сближают:

— усилившееся единообразие и упрощенность погребального обряда;

— широкая практика впускных без досыпок погребений при редкости основных (особенно последней из упомянутых культур) (ср., напр.: Лесков 1970: 49—50);

— утрата у большинства сосудов (особенно из погребений сабатиновской культуры) выраженной ребристости (более характерна округлобкость), обедненность (а нередко, особенно для сабатиновской культуры, — и отсутствие) декора, отсутствие орнамента в виде оттисков зубчатого штампа¹¹⁷, впрочем, редко и для II, по Р. А. Литвиненко (см. ниже), горизонта срубных погребений, и особенно для керамики днепро-прутской бабинской культуры (рис. 2: 4; 7; 8);

— заметное увеличение в погребениях БМСК (во всяком случае, в западной части ареала) II периода, в понимании В. В. Отрощенко, и сабатиновской культуры, по сравнению с погребальным инвентарем предшествующего времени, доли одноваликового орнамента и горшков высоких пропорций с плавным, относительно равномерным профилем¹¹⁸, чаще всего неорнаментированных, реже — с одинарными валиками (рис. 4: 6, 7, 14, 15), гораздо более широко распространенных на синхронных поселениях и в срубных тризнах;

— в целом относительная бедность погребений — редкое наличие среди погребального инвентаря (особенно сабатиновской культуры) металлических и других некерамических изделий, преобладание безынвентарных погребений сабатиновской культуры и появление в соответствующее время аналогичных в срубной культурно-исторической общности и пр.

Указанные характеристики¹¹⁹, исходя из данных многих исследователей, отличают

срубные погребения III, по Р. А. Литвиненко (V, по И. Ф. Ковалевой, и т. п.), горизонта (этапа) от погребальных комплексов I периода БМСК (II горизонта (этапа) срубных погребений Северского Донца (ср., напр.: Отрощенко 2001б: 277, мал. 31¹²⁰ и Литвиненко 2000б: 90, рис. 4) (рис. 7) и Северо-Восточного Приазовья — развитого, или «предсабатиновского» (Литвиненко 1999б: 15—17, 19, 20; ср.: Отрощенко 2001б: 155—157) — и т. п.). Последний из названных горизонтов синхронизируется, в частности, с памятниками Нижнего Подонья раннесрубной (предсабатиновского этапа) культуры (Литвиненко 1999б: 19; ср.: Ромашко 2013: 25), по периодизации Э. С. Шарафутдиновой (1990б: 48, 49, 51; 1995в: 140). Те же характеристики в определенной степени, с некоторыми оговорками (см. ниже), отличают захоронения сабатиновской культуры от погребальных комплексов днепро-прутской бабинской (рис. 2; 4), а некоторые сближают поздние из упомянутых в этом абзаце групп памятников с частью погребений культуры Ноуа (рис. 2: 4; 7; 9). С этим, судя по некоторым сведениям (см., напр.: Отрощенко 2001б: 142—144, 270, мал. 24: 1—5, 7—10, 13—15, 19, 20, 22; Неретин 2008: 32—33), можно в какой-то

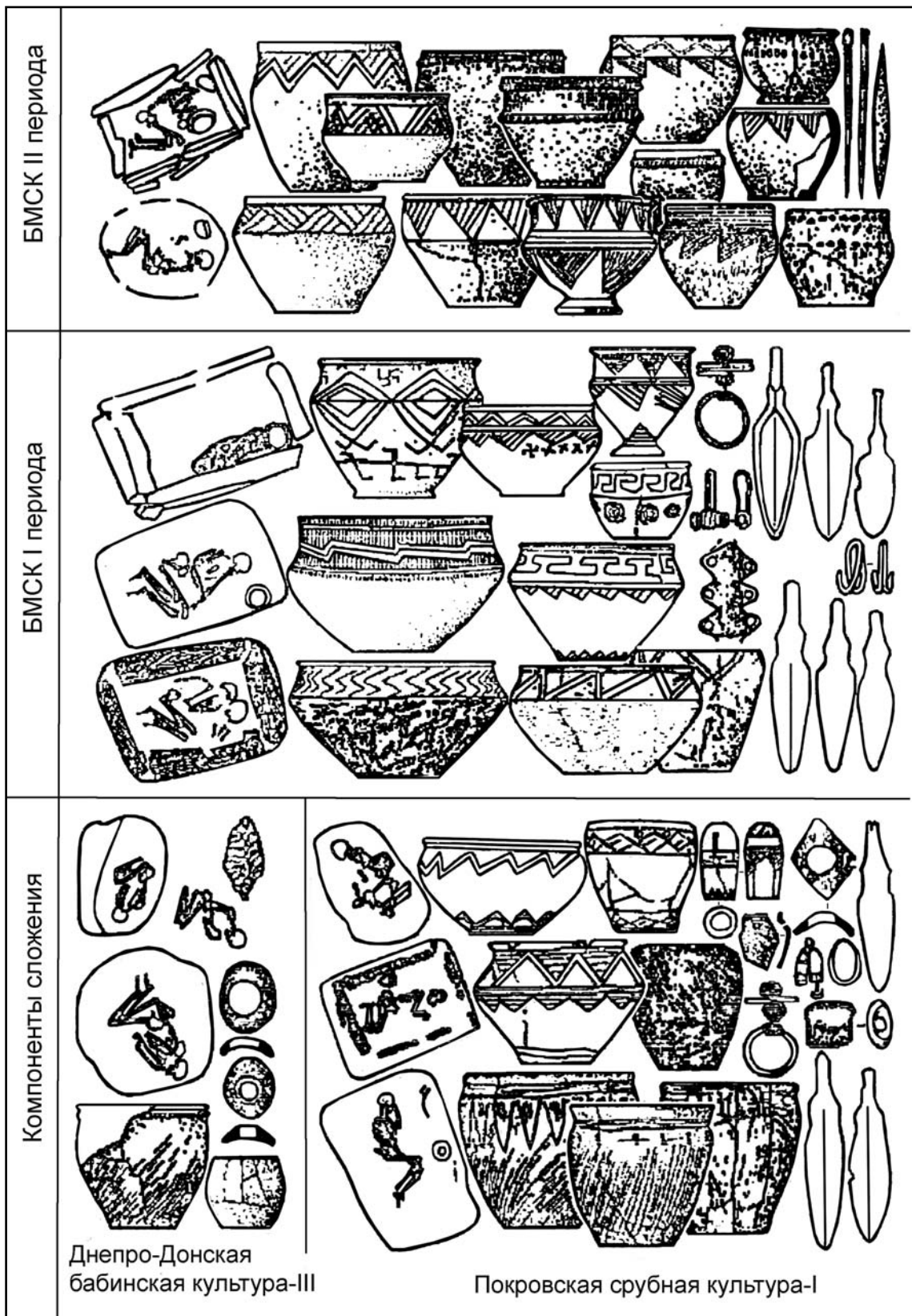
¹²⁰ Данный исследователь наиболее универсальным критерием культурной дифференциации погребений срубной общности считает ориентировку (северную — для ПСК, восточную — для БМСК, для обеих — отклонения к северо-востоку) (Отрощенко 2002: 12, 26, 32). Поэтому, на мой взгляд, вполне логично отнесение В. В. Отрощенко по крайней мере некоторых из погребений, выделенных Р. А. Литвиненко в I этап (как видно из иллюстраций, погребение с северо-западной ориентировкой костяка и наиболее характерный инвентарь), к покровской срубной культуре-I. Полагаю, что по аналогии следует отнести к покровским срубные погребения Северо-Восточного Приазовья выделенного Р. А. Литвиненко I стратиграфического горизонта (этапа) с северной с отклонениями ориентировкой (учитывая размытость немногочисленных слабо выраженных покровских элементов (см.: Литвиненко 1999б: 14—15, 19, 21) — к не самым ранним даже в пределах Украины) (о покровских памятниках Северного Приазовья см., напр.: Литвиненко 1996: 68; Самар 1998: 75—77, 79—82; Горбов, Усачук 2001; Цимиданов 2004: 95). И только погребения с восточной ориентировкой (вероятно, более поздние в пределах I горизонта (Литвиненко 1999б: 8, рис. 4: Балашовка к. 1 (4, 6)) можно отнести к наиболее ранним захоронениям бережновско-маевской срубной культуры или же к так называемым переходным, в понимании Э. С. Шарафутдиновой (1995а: 103; 1995б: 86; ср.: Литвиненко 1999б: 14, 15, 19, 21; 1992а: 11). Срубные погребения Северо-Восточного Приазовья II и III стратиграфических горизонтов (Литвиненко 1999б: 15—20) В. В. Отрощенко (2001б: 155) относят к маевскому локальному варианту БМСК, что, на мой взгляд, вполне справедливо.

¹¹⁶ Часть погребений последней (рис. 3: 1) и многие захоронения II периода ПСК совершены по вышеуказанному обряду.

¹¹⁷ За исключением кубков федоровского облика, насколько мне известно, только один из которых найден в погребении сабатиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье — у с. Степовое (см., напр.: Отрощенко 2001б: 174, 176).

¹¹⁸ Т. е., в моем понимании, без сколько-нибудь выраженных перегибов как тулова, так и горла.

¹¹⁹ Разумеется, кроме вышеупомянутых общих для ряда культур.

Рис. 7. Периодизация погребений срубной КИО Северскодонетчины (по Отрощенко 2001б, с учетом концепции культурного круга Бабино Р.А. Литвиненко).

Fig. 7. The periodization of the burials of the Srubnaya cultural-historical community of the Seversky Donets region (after Отрощенко 2001б, considering R.A. Litvinenko's concept of the Babino Cultural Circle).

мере сопоставить, на мой взгляд, и эволюцию керамики в рамках ПСК-II.

Как я пытался показать выше, самому В.В. Отрощенко не удалось последовательно выдержать его точку зрения о полной синхронности сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур. Допустим, можно обойтись без термина «предсабатиновский», который, впрочем, на мой взгляд, удобен для межрегиональной синхронизации и не уместен в периодизации сабатиновской культуры, т.к. соответствующий этап выходит по крайней мере за хронологические рамки последней¹²¹. Но это еще не опровергает соответствующую хронологическую позицию срубной «классики», в частности, хотя бы части первого периода БМСК, а не ДВАК и не КМК в целом (а только ДПБК позднего этапа). От ошибки не застрахован ни один специалист, но это не значит, что не нужно пытаться сопоставлять хронологические горизонты разных территорий и культур. Если посуда федоровско-андроновских образцов появляется в погребениях второго периода БМСК (ср., напр.: Литвиненко 2000б: 85), то тогда первая не является признаком предсабатиновского этапа, который, однако, не становится из-за этого синхронным второму периоду БМСК, или предбелозерским. Рассматриваемый этап В.В. Отрощенко обозначает, в частности, термином «срубная “классика”» («классический»), объединяя этим понятием первый период БМСК и второй период ПСК (Отрощенко 2001б: 126—127, 140, 143; ср., напр.: Гершкович 2005: 179; Лопатин 2010: 230—231), но особо выделяя в последнем более выразительную начальную фазу. Признаком первого, по мнению самого же исследователя, становятся острореберные пышно орнаментированные сосуды (Отрощенко 2001б: 143). Таковые, имеющие (зачастую) четко выраженные ребра, отличаются от подобных бабинских, в частности, как правило, более низкими пропорциями (ср., напр.: Рижов та ін. 2002: 151; 170, рис. 10: 4, 12; Братченко 2006: 225; Ковалева и др. 1981: 23; 39, рис. 5: б).

Приводившееся выше утверждение В.Д. Рыбаловой (1974: 45) в целом верно. Но сосуды бабинских типов с более или ме-

нее четко выраженными острыми ребрами и/или относительно богатой орнаментацией сопровождали погребения, по сведениям Р.А. Литвиненко, II (среднего) этапа днестровско-прутского локального варианта днепро-прутской (Литвиненко 2009б: 14), раннего стратиграфического горизонта днепродонской бабинской культуры Восточного Надазовья (Литвиненко 1996: 69, рис. 1: 2, 6), по другим данным — в основном захоронения раннего (по двухступенчатой периодизации) периода КМК (Савва 1988: 13—19; 1992; Шарафутдинова 1995в: 126—131; Отрощенко 2001б: 109) (рис. 2: 34, 40). Периодизация Р.А. Литвиненко как будто бы предполагает некоторый хронологический разрыв между I (ранним) этапом ДДБК и II (средним) этапом днестровско-прутского варианта ДПБК (см.: Литвиненко 2009б: 12—15, 25, 26, 31). Поэтому соответствующая асинхронность «классических» сосудов двух культур круга Бабино представляется маловероятной, а версии Е.Н. Сава, Э.С. Шарафутдиновой и В.В. Отрощенко, с этой точки зрения, — более предпочтительными. По словам последнего из упомянутых исследователей, иногда кажется, что на позднем этапе КМК утрачивает даже многоваликовую орнаментацию, соответствующие сосуды можно найти разве что в тризнах (Отрощенко 2001б: 110; см. также: Савва 1992: 157). Для керамического инвентаря поздних бабинских погребений, в т.ч. Северо-Западного Причерноморья, характерны невыразительные банки, а также простые горшковидные сосуды¹²² расплывчатых очертаний, невысоких пропорций, зачастую с округленными боками (рис. 2: 19—24, 27, 28; 7), очень редко орнаментированные, да и то весьма бедно¹²³, реже — миски (Савва 1988; 1992; Шарафутдинова 1995в; Отрощенко 2001б; Литвиненко 2009б; Иванова и др. 2012; 2011а; 2011б; Ванчугов, Иванова 2013)¹²⁴. Подобные, в частности, горшки сопровождали и погребения бережновско-маевской срубной¹²⁵, особенно позднего горизонта (Литвиненко 1999б: 6—9 и сл.; 2000б: 85—90; Отрощенко 2002:

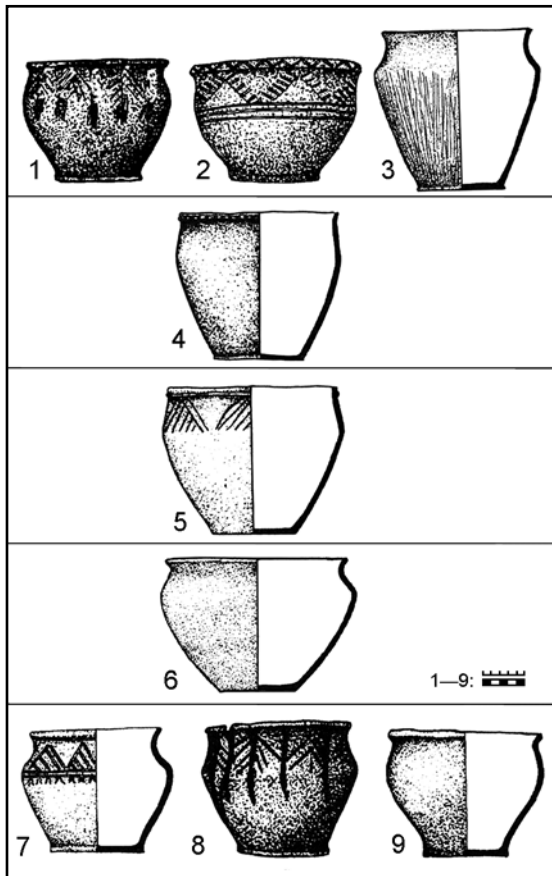
¹²² В частности, с корпусами, более или менее близкими к биконическим.

¹²³ Простыми прочерченными линиями, одинарным валиком, насечками, пальцевыми или/и ногтевыми вдавлениями.

¹²⁴ Об обеднении орнаментации на бабинской керамике позднего этапа см. также: Куштан 2006.

¹²⁵ Правда, на таких горшках этой культуры орнамент, в т.ч. более выразительный, встречается чаще.

¹²¹ И.Н. Шарафутдинова выделила позднемноговаликовую (т.н. «вовнижскую», или предсабатиновскую) группу (горизонт) памятников (Шарафутдинова 1975: 7—9 и сл.; 1982: 17—18 и сл.; Отрощенко 2004: 166—167; 2009а: 70—71 и т.д.), оказавшуюся, правда, эклектичной.

Рис. 8. Стратиграфическая колонка керамики из погребений бережно-маевской срубной культуры кургана 11 у с. Петро-Михайловка Запорожской обл. (на основе Ляшко и др. 2004).

Fig. 8. The stratigraphic column of the pottery from the Berezhnovsko-Maevskaia Srubnaya culture burials of tumulus 11 near v. Petro-Michailovka in Zaporozhye region (adapted from Ляшко и др. 2004).

19) (рис. 7; 8), и сабашиновской (Черняков 1985: 136—140, 144; Ванчугов 1999; 2000; Савва 1992; Sava, Agulnikov 2003) (рис. 4: 5, 10, 17, 18, 20) культур. Еще в поздних бабинских погребальных памятниках, даже, в какой-то мере, начиная со II (среднего) этапа как днепро-донской, так и днепро-прутской (во всяком случае, днепровско-прутского варианта) бабинской культуры, наблюдаются упрощение и тенденция к усилению единообразия погребального обряда (Литвиненко 2007; 2009б: 13, 14; Ванчугов, Иванова 2013: 338—339)¹²⁶, в частности, уменьшение доли основных захоронений, в Днестровско-Прутском междуречье и на раннем этапе отнюдь не многочисленных. По данным многих

¹²⁶ Впрочем, известны и поздние элитные бабинские погребения (Отрощенко 2001б: 110; Иванова и др. 2011а: 129; 2011б: 75—76; 2012: 169; Ванчугов, Иванова 2013: 339).

авторов, впускные погребения характерны для сабашиновской культуры (хоть основных и мало, но как будто бы больше, чем таковых же позднего этапа днепровско-прутского варианта ДПБК), в меньшей степени — для второго периода БМСК. Многим бабинским погребениям свойственно отсутствие керамики (см., напр.: Шарафутдинова Э.С. 1987: 28, 31) и даже вообще инвентаря (в особенности ранним — см., напр.: Отрощенко 2001б: 85, 90, 102; хотя для днепро-бугтского лесостепного варианта ДПБК, видимо, в близкой степени — и последующим, как и отсутствие лепной посуды — для могил ДДБК) (Шарафутдинова 1995в: 130; Литвиненко 1998: 97; 2007: 161, 169; 2009б: 7—14, 31; 2009в: 143)¹²⁷. Если в погребениях ДДБК обеднение инвентаря началось еще в период IB, то в захоронения днепровско-прутского локального варианта ДПБК, наоборот, керамику почти не помещали на I этапе (см., напр.: Шарафутдинова 1995в: 130; Литвиненко 2007: 169, прим. 45; 2009б: 7—14)¹²⁸.

При этом в Днестровско-Прутском междуречье, по данным Р. А. Литвиненко (2009б: 10), 52,8% бабинских погребений сопровождалось инвентарем, а 36,6% — керамикой (судя по другой работе, — 47,7%: Литвиненко 2007: 169, прим. 45), а по сведениям Е. Н. Сава (1992: 142), только захоронений с керамикой — 55%. По подсчетам В. В. Отрощенко, керамика сопровождала примерно 40% могил сабашиновской культуры Правобережной Украины (Отрощенко 1994б: 32) или Николаевской области (Отрощенко 2002: 12), а на одно погребение БМСК в среднем приходится 0,9 сосуда (Отрощенко 2002: 12). Причем выше подчеркивалось наличие именно поздних срубных безынвентарных захоронений. В любом случае, если не считать I этапа днепровско-прутского варианта ДПБК, доля ее безынвентарных погребений в Северо-Западном Причерноморье (см. также, напр.: Иванова и др. 2012: 164) как будто бы соизмерима с указанным процентом таковых же сабашиновской культуры Правобережной Украины

¹²⁷ Особенно если не считать пряжек, которые скорее можно рассматривать как деталь одежды (убранства) (Черняков 1985: 89, 134; Отрощенко 2001б: 75; Иванова и др. 2011а: 130; 2011б: 76; 2012: 165; ср.: Иванова и др. 2011а: 129; Ванчугов, Иванова 2013: 338—339).

¹²⁸ В общем же, среди последних чаще, чем на других территориях культурного круга Бабино, встречаются инвентарные (разве что за исключением в целом малочисленных памятников евпаторийской периферийной группы), в т. ч. с керамикой (конкретнее см. ниже).

или Николаевской области¹²⁹. Но больше доля таких — в ДПБК за пределами Северо-Западного Причерноморья, а погребений без керамики — кроме того, также в ДДБК и епаторийской группе. Безы Inventарные же захоронения БМСК встречаются гораздо реже. Некерамический инвентарь (не считая пряжек), в т.ч. металлический, более разнообразен и встречается чаще в погребениях днепро-донской, чем днепро-прутской бабинской культуры (см., напр.: Литвиненко 2007; 2009в: 144). Причем наблюдается количественное и качественное обеднение первого от раннего времени к позднему, в т.ч. в Северо-Западном Причерноморье (Савва 1988; 1992: 50 и сл.; Отрощенко 2001б: 109—110; Литвиненко 2009б; Иванова и др. 2011а; 2011б; 2012: 164; Ванчугов, Иванова 2013) (рис. 2). Правда, среди поздних бабинских погребений, в т.ч. Днестровско-Прутского междуречья, случаются отдельные комплексы с престижными вещами, но, в отличие от ранних погребений, сопровождавшихся наборами вещей, поздние содержат одну вещь, хотя иногда и весьма ценную (см., напр.: Отрощенко 2001б: 110; Иванова и др. 2011а: 129). Погребения сабатиновской культуры с некерамическим инвентарем, не отличающимся разнообразием, встречаются реже, чем в целом бабинские захоронения с подобным инвентарем, но, пожалуй, чаще, чем такие поздние бабинские комплексы (не считая погребений с пряжками) Северо-Западного Причерноморья (Савва 1988; 1992; Шарафутдинова 1992а; 1997; Ванчугов 1999; 2000; Иванова и др. 2012: 164; Ванчугов, Иванова 2013) (рис. 2). Увеличение доли горшков высоких пропорций с плавным профилем и одноваликовой орнаментации в сабатиновской культуре по сравнению даже с поздней бабинской керамикой несомненно (Савва 1988: 8—11, 15—16; 1992: 49—51 и сл.; Sava 1998: 290, Abb. 19; Черняков 1985: 132, 133, 136—140; Литвиненко 1999б: 15—20). Т.о., в основном в одном направлении шла эволюция как остроредерных бабинских и классических срубных сосудов (Рыбалова 1974: 45), так и определенных погребальных норм от днепро-прутской бабинской культуры к сабатиновской и от первого ко второму периоду бережново-маевской срубной культуры. Но синхронизировать представляется возможным в основном результат этого процесса — близкие не только по обряду, но в значительной мере и по инвен-

тарю погребения сабатиновской и второго периода бережново-маевской срубной культуры (а также часть захоронений культур Ноуа и в какой-то степени — покровской срубной конца второго периода) (см. выше). Сам же процесс происходил главным образом асинхронно у носителей ДПБК и БМСК. Так, деградация формы и орнамента остроредерной бабинской посуды, тенденция к упрощению и единообразию погребального обряда в культурах круга Бабино началась еще до оформления, по крайней мере, маевского варианта БМСК. А изменения доли погребений с некерамическим инвентарем (не считая пряжек), а также основных от раннего этапа ДПБК (во всяком случае, днестровско-прутского варианта) до сабатиновского времени не являлись поступательным процессом.

В Поднепровье и восточнее в поздних комплексах культур круга Бабино, как указывалось выше, фиксируются деградация формы и орнамента остроредерных сосудов, упрощение и тенденция к единообразию погребального обряда, в частности, уменьшение доли основных погребений, количественное и качественное обеднение погребального инвентаря. А затем, по мнению, в частности, В.В. Отрощенко (1997: 72; 2001б; 2002: 15 и сл.) и Р.А. Литвиненко (1991: 132; 2009а: 73—75; 2009б: 19, 25, 30, 32; 2010: 47—49), в результате взаимодействия этих культур (прежде всего, ДДБК — ср.: Шерстюк 2012) с ПСК формируется БМСК. Для первого периода последней снова становятся характерными пышно орнаментированные остроредерные (в т.ч. с четко выраженными ребрами) сосуды, особенно в погребениях, среди которых практически все — с инвентарем, причем порой с весьма представительным, в т.ч. с металлическим (рис. 7; 8: 7, 8), много основных (Ковалева 1981а: 56; Шарафутдинова 1997; Литвиненко 1999б; 2000б; Отрощенко 2001б; Цимиданов 2004: 98—99, 106—109). Все это, если синхронность (даже частичная) второго периода БМСК и поздних памятников ДПБК (тем более ДДБК) исключается (по данным стратиграфии), может свидетельствовать о следующем.

Во-первых, только на основе культур круга Бабино позднего этапа и покровской срубной первого периода, для указанных фаз которых богато орнаментированные остроредерные сосуды не являлись достаточно характерными (Савва 1988: 8, 9, 16; 1992: 51 и сл.; Шарафутдинова 1995в; Отрощенко 2001б; Малов 1992; Куштан 2006; Литвиненко 2009б: 14) (рис. 2; 7), маевский вариант (не говоря уже о бережново-маевском) БМСК, для погребений пер-

¹²⁹ Возможно, сабатиновских безы Inventарных захоронений в процентном отношении все-таки больше.

вого периода которой такая керамика, как только что указывалось, гораздо более характерна, сформироваться¹³⁰, на мой взгляд, не мог. Остроруберные (или близкие к ним) сосуды, сравнительно богато орнаментированные, весьма характерны для памятников бережновского типа раннесрубной культуры (Мыськов 1991). Носители погребальных традиций, связанных с соответствующей линией развития, принимали участие в формировании, в частности, памятников маевского типа (в понимании И. Ф. Ковалевой), этнокультурной картины эпохи поздней бронзы в соседних с последними и несколько более отдаленных регионах (Берестнев 1997; 2001: 89, 100, 262, 263), т. е. маевского варианта БМСК (ср.: Мыськов 1991: 162, 163; Юдин 1996; 2010: 354, 356; Отрощенко 2009а: 72; см. ниже). Яркие захоронения последнего наиболее соответствуют модели именно бережновской группы погребений (Отрощенко 2001б: 120).

Во-вторых, изменения в погребальных нормах, в частности, в инвентаре, БМСК происходили при тесном взаимодействии в ее I период с ДПБК¹³¹, как и генезис сабастиновской культуры, вероятно, сложение комплекса кухонной керамики, характерной для БМСК-II и культур сабастиновской, Ноуа, Кослодженъ, и т. д.

Полагаю, не обязательно жестко синхронизировать практически полный выход из употребления пряжек, характерных для культур покровской срубной первого периода и круга Бабино, как это делает В. В. Отрощенко (2001б: 164). Единичные находки костяных пряжек на поселениях культур сабастиновской и Ноуа, а также наличие таких же изделий, но из створок раковин моллюсков, в погребениях ПСК второй фазы развития в Приуралье (Отрощенко 2001б: 75, 79, 129, 135, 164), на мой взгляд, могут указывать на постепенность и неравномерность упомянутого процесса во времени и в пространстве. С другой стороны, следует учитывать то, что пряжки почти не встречаются в довольно многочисленных бабинских погребениях Днестровско-

Прутского междуречья с керамикой, по работкам Е. Н. Сава, наиболее позднего для соответствующей культуры (VII) типа, характерной и для сабастиновской культуры (1992: 40 и сл.). Нож срубного типа с поселения Мерень II имеет важное значение для синхронизации раннего периода бережновско-маевской и сабастиновской культур (Отрощенко 2001б: 171) не может. Подобные ножи имеют широкую датировку (Березанская и др. 1986: 103) и сами по себе не могут помочь определить, с каким именно периодом БМСК следует синхронизировать ранний этап сабастиновской культуры. Конечно, слой бронзового века названного поселения и, соответственно, нож, происходящий оттуда, к предсабастиновскому времени не относятся (Sava 2002b: 83, 84, 90, 91), как и Лобойковский клад, в составе которого есть похожие ножи. Но аргументировать подобное утверждение по отношению к рассматриваемому орудью с поселения Мерень II тем, что десятки аналогичных ножей выявлены в погребениях первого периода БМСК, на том этапе логико-аналитической процедуры, когда еще только предпринимается попытка опровергнуть отнесение названного периода к предсабастиновскому времени (Отрощенко 2001б: 171), на мой взгляд, неправомерно. Зато показательно, что В. В. Отрощенко, не отрицая датировку Лобойковского клада раннесабастиновским периодом, отмечает, что комплекс содержит и вещи, имеющие аналогии среди находок из погребений второго периода БМСК (Отрощенко 2001б: 171).

Приведение параллелей некоторым артефактам и обряду погребения у с. Степовое, относимся к сабастиновской культуре, в памятниках, по мнению ученого, второго периода БМСК и синхронных последнему культур покровской срубной культуры со вторым периодом БМСК (Отрощенко 2001б: 171—174) не доказывает¹³². Частичная же несомненна при каком бы то ни было хронологическом соотношении первого периода БМСК с сабастиновской культурой.

Итак, на мой взгляд, подтверждается цитированное выше мнение Э. С. Шарафутдиновой относительно проблемы периодизации и

¹³⁰ Даже с учетом того, что соответствующий процесс мог начаться под влиянием еще доно-волжской абашевской культуры (см., напр.: Литвиненко 2009а: 74—75).

¹³¹ Определенные черты позднего этапа последней проявились в БМСК II периода (см.: Савва 1992; Шарафутдинова 1995б; 1992а; 1997; Отрощенко 2001б: 109—110; 277, мал. 31; 2002; Литвиненко 1990; 1999б; 2000б; 2009б; Куштан 2006; ср.: Отрощенко 2001б: 116, 148; Цимиданов 2004: 106—107, 109) (рис. 2; 7; 8).

¹³² Тем более что исследователь не пытался доказать датировку приводимых им с этой целью материалов сабастиновских поселений именно вторым периодом соответствующей культуры, если не считать синхронизации одного из сабастиновских погребений в кургане в районе поселения той же культуры у с. Степовое со вторым периодом БМСК.

синхронизации сабатиновской культуры (Шарафутдинова 1991: 194). Если достоверных данных о непосредственном предшествовании срубных древностей сабатиновским, в частности, в Нижнем Поднепровье и в Северо-Западном Приазовье, нет (Гершкович 1993: 10; Gerškovič 1999: 77, 85), то оснований для полной синхронизации сабатиновской культуры со срубной культурно-исторической общностью или даже только с бережновско-маевской срубной культурой, с моей точки зрения, куда меньше. Сабатиновская культура может считаться даже частично предшествовавшей СКИО разве что при включении в первую памятников «так называемой культуры многоваликовой керамики» (Романюк, Черняков 2008: 167).

Не является в этом плане исключением и зона совместного нахождения срубных погребений и поселений сабатиновской культуры — Нижнее Поднепровье и примыкающие территории, включая Крым. В вопросах о территориально-хронологическом распределении срубных захоронений в этой зоне среди исследователей не было и нет единства. В литературе встречаются варианты от отнесения самых ранних срубных погребений на этих территориях к покровской срубной культуре (Колотухин 2003: 20, 51—52, 60; Ляшко и др. 2004)¹³³ и даже хронологической стыковки (чуть ли не синхронизации) с позднекатакомбным периодом (Шилов 1982: 16, 20—21¹³⁴) до датировки таких же захоронений сабатиновским временем (Отрощенко 1978: 84; 1981; Литвиненко 1994: 29; Цимиданов 2004: 95, 130, 171—174¹³⁵). Кроме того, встречается синхронизация раннего этапа сабатиновской культуры с раннесрубным хронологическим горизонтом, которому соответствует покровская керамика (Гершкович 1998: 66, 84). Несмотря на упоминания о данных стратиграфии могильников нижнего Поднепровья, в т. ч. связанных с погребениями эпохи поздней бронзы (Лесков 1975а: 54; 1975б: 27—28; Шарафутдинова 1975: 11 и сл.; 1982: 150; Шилов 1982: 2 и сл.; Березанская 1990: 99), выразительных примеров стратиграфическо-

го соотношения захоронений сабатиновского и (срубных) предшествующего периодов ни в собственно степном Поднепровье, ни, тем более, в Крыму я почти не знаю (см. также, напр.: Ольховский, Отрощенко 1991: 121). В основном есть данные о стратиграфическом приоритете бабинских погребений перед срубными (Шарафутдинова 1975: 21; 1982: 150).

Вопреки утверждению В. В. Отрощенко о том, что В. С. Бочкарев и А. М. Лесков в совместных тезисах не назвали эталонных срубных комплексов Поднепровья предсабатиновского времени (Отрощенко 2001б: 157), названные два соавтора отнесли к соответствующему этапу клад из Бородаевки (Бочкарев, Лесков 1978: 24). Правда, с такой датировкой данного комплекса, как и вообще большинства изделий лобойковско-голоуровских традиций, согласиться трудно. Но в вышедшей несколько позднее монографии А. М. Лескова еще и проиллюстрированы ножи из погребений указанной культурно-хронологической принадлежности курганов «Долгая могила» и в районе Каховки (Leskov 1981: Taf. 15: 4, 5). Срубные погребения предсабатиновского времени в степном Поднепровье «были» известны и В. В. Отрощенко (1977: 13—14). Важно отметить, что последние, как бы они ни датировались исследователями, кажется, только Н. Н. Чередниченко (1997: 29), надо полагать, попытался отнести к сабатиновской культуре.

Наличие аналогий погребениям срубного (срубно-сабатиновского) облика степного Поднепровья и примыкающих территорий, включая Крым, среди срубных захоронений Северо-Восточного Приазовья и Северского Подонцовья и II, и III горизонта (этапа), по Р. А. Литвиненко (1999б: 6—11, 15—19; 2000б: 84—86, 90), говорит о наличии в восточной части ареала поселений сабатиновской культуры погребальных комплексов бережновско-маевской срубной культуры и первого, и второго периода. Количество погребений покровской срубной культуры в том же ареале, на мой взгляд, пренебрежимо мало: например, Ясиноватое II 12/11 (Ляшко и др. 2004: 29; 110, рис. 37: 10¹³⁶), возможно, Солдатово 3/6 (Колотухин 2003: 20, 60; 85, рис. 18: 1, 6)¹³⁷. Конечно, нельзя

¹³³ Эта культура на территории Украины представлена только первым периодом (Отрощенко 2001б: 156), за исключением, может быть, левобережья Северского Подонцовья (см.: Бровендер 2001б: 19, 21, 22; 2007).

¹³⁴ Справедливую критику диссертации Ю. А. Шилова см.: Отрощенко 2001а: 40, 42; 2001б: 9, 10.

¹³⁵ За исключением некоторых раннесрубных (предсабатиновского времени) погребений, прежде всего Днепро-Молочанского региона.

¹³⁶ Аналогию орнаменту на сосуде см., напр.: Мочалов 2008: 189, рис. 65-а: 1.

¹³⁷ Ср.: Колотухин 2003: 20, 51—52, 60; Отрощенко 2004: 163—164; Ляшко и др. 2004: 5—10, 38, 47. Впрочем, выше по течению Днепра единичные покровские погребения известны еще западнее (Горбов, Литвиненко 1998: 74), а рейды соответствующего населения

какие-либо ситуации механически «переносить» на другие регионы (Отрощенко 2001б: 109, 130), но вряд ли есть основания предполагать существенную разницу в хронологических изменениях в комплексах БМСК Крыма, нижнего Поднепровья, юго-западной части Левобережной Украины и, может быть, юго-восточной части Правобережной, с одной стороны, и соседних, в частности, с востока, территорий, — с другой.

В очень интересном стратифицированном кургане 11 у с. Петро-Михайловка в Днепровском Надпорожье только одно погребение БМСК с округлотелым невысоким неорнаментированным горшком занимало раннюю стратиграфическую позицию (рис. 8: 9). Погребения с горшками более высоких пропорций без сколько-нибудь выраженных острых ребер, в т. ч. с одинарными валиками под самыми краями венцов, занимали только поздние позиции (рис. 8: 3—5)¹³⁸. Горшки же с более или менее четко выраженными острыми ребрами сопровождали исключительно ранние погребения, причем неорнаментированный острореберный — более позднее, чем подобные орнаментированные (рис. 8: 6—8) (Ляшко и др. 2004: 67—71, 154—158). Стратиграфия погребальных комплексов БМСК, а именно, курганов №11 у с. Петро-Михайловка и №6 группы Ясные Могилы (Отрощенко 1977: 14) в Днепровском Надпорожье, в целом отражает те же тенденции, что и стратиграфические колонки погребений этой же культуры в Северо-Восточном Приазовье и Северском Подонцовье¹³⁹. Значит, в восточной части тер-

ритории распространения поселений сабастиновской культуры, по моему глубокому убеждению, этим поселениям предшествуют срубные погребения. Более того, с каким бы трудом это ни воспринималось, срубные погребения даже сосуществуют с этими поселениями, тем более, что среди последних есть раннесабатиновские¹⁴⁰.

Среди разработок коллегами рассмотренной только что проблемы следует выделить работу В. А. Колотухина (2003: 23—26, 54, 55, 60). Он писал «о более раннем возрасте, по крайней мере, основной массы инвентарных подкурганых погребений Крыма по сравнению с известными нам к настоящему времени поселениями» позднебронзового века (Колотухин 2003: 54, 60). Принципиальное значение имеет сведение об отсутствии на последних в Крыму острореберных сосудов, аналогичных происходящим из подкурганых погребений, в т. ч. этого полуострова (Колотухин 2003: 55), фрагменты которых изредка встречаются даже на сабастиновских поселениях Поингуля и Северо-Западного Причерноморья (Гершкович 1997: 139). В таком случае, действительно, трудно себе представить сколько-нибудь длительное сосуществование срубников с поселениями сабастиновской культуры в Крыму.

Есть мнение о том, что срубные памятники полуострова характеризуют оба периода развития БМСК, преимущественно поздний (см., напр.: Тощев 2007: 186). Также считается, как упоминалось выше, что комплексы БМСК сосуществовали с различными группами культурно-исторической общности многоваликовой керамики, а позднее (как и в Нижнем Поднепровье) — с памятниками сабастиновской культуры (Тощев 2007). Слияние последних, отразившееся в погребальном обряде и материальном оформлении, также не исключается (Тощев 2007: 194, 215). Дальнейшее развитие в эпоху поздней бронзы, по мнению Г. Н. Тощева, показывает преобладание в Крыму сабастиновской линии (Тощев 2007: 211, 213). Если вспомнить о том, что на полуострове ранний горизонт сабасти-

фиксируются вплоть до Верхнего Поднепровья и даже в Нижнем Подунавье (Клочко 2006: 153, 157, 307). Наличие погребений ПСК, пусть немногочисленных, в Днепровском Надпорожье (ср., напр.: Литвиненко 2009б: 19; Цимиданов 2004: 95), Северном Приазовье, возможно, даже в Крыму оснований для поддержки мнений о различии в хронологии срубных древностей Левобережного Днепровского Предстепья и соседних степных регионов, выраженных некогда (Шарафутдинова Э. С. 1990а: 39; Литвиненко 1994: 29), во всяком случае, сколько-нибудь существенном, не дает.

¹³⁸ Причем горшок наиболее высоких (правда, с высоко поднятым намечающимся, судя по иллюстрации, ребром), неорнаментированный, напоминающий бабинские корчаги (о последних см., напр.: Литвиненко 1999а) и сосуд из погребения Кырнэцень 7/8, отнесенного к сабастиновской культуре, который, однако, украшен валиком (Агульников, Малокевич 2010: 176; 177: рис. 2: 1), сопровождал одно из самых поздних срубных погребений (рис. 8: 3).

¹³⁹ Не поддаются столь однозначной интерпретации выразительные стратиграфические ситуации, связанные со срубной погребальной посудой Приорелья, расположенного сравнительно недалеко от Надпорожья (Ковалева и др. 1981: 27, 28, 32, 33; 41, рис. 7: 4, 7,

8; 42, рис. 8: 4, 5; 44, рис. 10: 15, 16; 1981б: 78, 80, 84; Ковалева, Волкобой 1978: 34; 40, 43, табл. 3: 4—7).

¹⁴⁰ Более того, В. А. Дергачев в работе, посвященной «изложению результатов простого рабочего эксперимента» — культурологического рассмотрения кельтов и серпов, выразил мнение (надо понимать, также рабочее) о том, что генезис сабастиновской культуры связывается преимущественно с районами Среднего Поднепровья, а также с Порожистой частью Днепра (Дергачев 1997). По поводу раннего этапа сабастиновской культуры в Крыму см. выше.

новской культуры достоверно выявлен лишь на Кировском поселении, то указанные точки зрения В. А. Колотухина и Г. Н. Тоцева могут и не противоречить друг другу.

Иногда считается, что на этом памятнике типично срубной керамики больше, чем на других поселениях степной Левобережной Украины (вероятно, имеются в виду относящиеся к сабастиновской культуре. — Ю. Ч.), что якобы говорит о наличии срубников в среде последней (Березанская 1990: 84, 114; Колотухин 2003: 8—9). Керамика с восточными чертами в комплексе Кировского поселения присутствует (ср.: Колотухин 2003: 60). Методика исследования и фиксации этого памятника, учета и анализа материала вызвала у некоторых специалистов трудности в культурно-хронологической атрибуции керамики и даже скептическое отношение к мнению о наличии белозерского горизонта на поселении (Черняков и др. 1986а: 52—53). В. А. Колотухин все же выделял соответствующий материал среди добытого там, а также яму белозерского времени (Колотухин 2003: 56). В. В. Отрощенко, отметив наличие на Кировском поселении участков с в основном сабастиновскими и в основном белозерскими материалами и жилищно-хозяйственными комплексами, показал присутствие там белозерского горизонта (Березанская и др. 1986: 123—125, 133—135, 147), на мой взгляд, вполне убедительно. Исходя из сведений В. В. Отрощенко и В. А. Колотухина, происходящими из комплексов белозерского времени этого памятника (Березанская и др. 1986: 123, 147; Колотухин 2003: 56) можно считать два сосуда и часть третьего из тех, которые орнаментированы в восточных традициях (Лесков 1970: 14, рис. 7: 1—3). Среди конкретных экземпляров посуды с Кировского поселения, отнесенных А. М. Лесковым к белозерскому этапу, есть фрагменты сосуда с валиком, расчлененным насечками, выполненными зубчатым штампом (Лесков 1971: 77, 79, 81, рис. 3: 4), т. е. орнаментированным в традициях восточных культур (Горбов 1995б: 89—90). Культурно-хронологическая атрибуция других сосудов, представленных в материалах раскопок первого, орнаментированных в восточных традициях (Лесков 1970: 17, рис. 9: 10, 14; 18, рис. 10: 19; 20, рис. 11: 6, 7; 21, рис. 12: 7, 10; 22, рис. 13: 8; 28, рис. 19: 4), по публикациям не ясна. Так что связь орнаментации некоторых сосудов с Кировского поселения в срубных традициях (см., напр.: Лесков 1970: 17, рис. 9: 10, 14; 21, рис. 12: 10; 22, рис. 13: 8) с сабастиновскими горизонтами проблематична. Вместе с тем, именно

белозерский горизонт поселения Златополь дал яркую коллекцию керамики с несколькими аналогиями рассматриваемой орнаментации в восточных традициях, что соответствует особенностям общей этнокультурной ситуации того периода (Гершкович 1998). Это, конечно, не значит, что срубники не жили в Восточном Крыму, скажем, в раннесабастиновское время. Но вряд ли их сосуществование с жителями Кировского поселения сабастиновского периода на небольшом расстоянии от этого поселка было сколько-нибудь длительным. Во всяком случае, соответствующее активное взаимодействие не доказано. По сведениям Я. П. Гершковича, отсутствуют типично срубные образцы посуды на сабастиновских поселениях степного междуречья Молочной и Днепра, отдаленных от последнего и Азовского моря, но там эти памятники изучены гораздо хуже, чем в Крыму, за исключением Новокиевского поселения (Гершкович 1997: 135 и сл.; 2002; Geršković 1999: 21—38).

Атрибуция большей частью исследователей, даже с признанием самостоятельной сабастиновской культуры, синхронных ей погребений в степном Поднепровье и в примыкающих регионах, включая Крым, как срубных, в противовес, например, тому, что, в соответствии с многими культурно-хронологическими таблицами, а иногда и с текстами, она в восточной части своего ареала якобы сменяет срубную (Дергачев 1986: рис. 54; Дергачев, Бочкарев 2002: 12, рис. 1; Качалова 1993: 14), на мой взгляд, оправдывается:

— наличием на погребальной посуде даже поздних (в пределах рассматриваемых периодов) форм шнуrowого орнамента, отсутствующего на погребальной керамике сабастиновской культуры Северо-Западного Причерноморья;

— широкой распространенностью на керамике упомянутых форм в погребениях степного Поднепровья и примыкающих регионов резного (прочерченного) орнамента, не характерного для керамического инвентаря сабастиновских захоронений Северо-Западного Причерноморья, особенно для горшков¹⁴¹ (учитывая широкое распространение указанных способов орнаментации посуды среди достоверно срубных погребальных комплексов);

— отсутствием в Северо-Восточном Причерноморье погребений со столовой керамикой типа Монтеору Па-Пв-Бэлинтешть-

¹⁴¹ Редкие случаи см., напр.: Sava, Agulnikov 2003: 128, fig. 7; 129, fig. 8; Агульников, Малкокевич 2010: 176; 175, рис. 1: 11; ср.: Ванчугов 1993: 35.

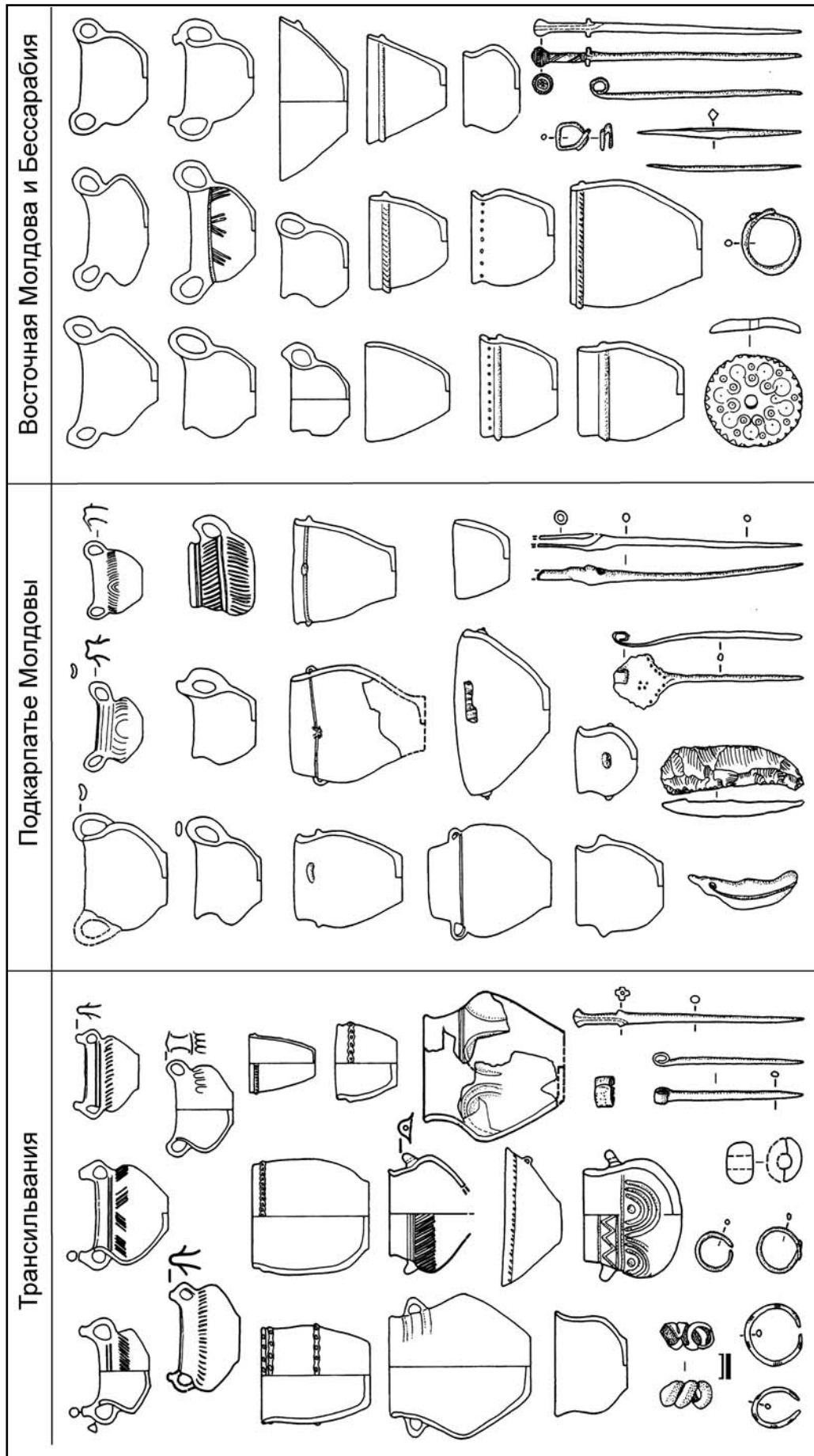

Рис. 9. Основные категории и типы инвентаря, характерные для локальных вариантов культуры Ноуа (по Sava 2002a).

Fig. 9. The main categories of the inventory which are characteristic for the local variants of the Noua culture (after Sava 2002a).

Чойнаж¹⁴². Сабатиновскими соответствующие погребения последнего из упомянутых регионов можно называть скорее в хронологическом смысле (Шарафутдинова 1975: 13, 24; 1982: 47 и сл.; ср.: Sava 1998: 299, note 24; 303; 2003: 15, 37, 39; Sava, Agulnikov 2003: 114)¹⁴³. Это, конечно, не должно означать отсутствие в восточной части ареала сабатиновской культуры погребений носителей последней (Тощев 2007: 191), но достоверно идентифицировать их там, на мой, в частности, взгляд, пока не представляется возможным (Колотухин 2003: 54—55). Даже в тех погребениях Степного Поднепровья, которые И. Н. Шарафутдинова связала с местной, сабатиновской группой населения, встречаются остророберные сосуды, характерные для срубных памятников (Березанская и др. 1986: 94). А «сугубо сабатиновской» керамики практически не существует, тем более погребальной (Литвиненко 1991: 133) — в основном кухонной (ср.: Агульников 2002: 176—177; Sava 2003: 27), тождественной (как, впрочем, и большинство поселенческой — ср.: Ключинцев 1995: 16; Ванчугов и др. 1991: 61) определенным вариантам таковой же позднесрубной посуды (Горбов 1995б: 89—90; Протоколы... 1995: 86). Если и правомерно считать некоторые элементы на отдельных кухонных сосудах со срубных поселений именно сабатиновскими (Гершкович 1998: 69, 72), то первые явно имеют частный характер.

¹⁴² Может быть, исключением является погребение кургана №9 у с. Орехово с сосудом, как мне кажется (судя по иллюстрациям), монтеоровского (см. также: Черняков 1996: 61—62) облика (Телегин та ін. 1984: 50—52; 51, рис. 6; Березанская, Чередниченко 1985: 464—465, рис. 125).

¹⁴³ Если же, к примеру, Г. Н. Тощев относит некоторые погребения в Крыму к сабатиновской культуре (2007: 191—193; рис. 100: 15—19) на основании наличия одинарных валиков под самыми краями венчиков сопровождающих первые сосудов, то такая керамика встречается и в срубных захоронениях предсабатиновского и сабатиновского (а может быть, также и белозерского) времени (Литвиненко 1999б; Цимиданов 2004: 94—95, 110; Полидович, Цимиданов 1994: 45, 46), а также в бабинских (см., напр.: Тощев 1986б: 215, рис. 29: 7—10; ср., напр.: Березанская 1990: 79—81, 112, 114). Настораживает относительная редкость в степном Поднепровье и примыкающих регионах безы Inventарных погребений сабатиновского времени, столь характерных для одноименной культуры в Северо-Западном Причерноморье. Возможно, имеют место, в частности, разные научные традиции, в соответствии с которыми скорченные безы Inventарные погребения без выразительного стратиграфического контекста в последнем из упомянутых регионов чаще относят к сабатиновским, а в более восточных — обычно к бабинским.

Сторонники полной синхронизации сабатиновской культуры со срубной общностью или с БМСК практически не отреагировали на такие наблюдения оппонентов, как сходство сабатиновских древностей именно с позднесрубными. Но есть все же позиция, с которой, казалось бы, можно возразить против убедительности соответствующего довода в пользу синхронности сабатиновской культуры только поздней части БМСК. В свое время Я. П. Гершкович (1996: 22) предлагал применять термин «предсабатиновский» «не в традиционном значении, а как этап» (пласт срубных памятников), «непосредственно предшествующий началу проникновения на восток сабатиновских элементов» и хронологически соответствующий первому периоду сабатиновской культуры. Позиция С. С. Березанской по поводу времени начала контактов между срубным и сабатиновским населением крайне противоречива (Березанская 1990: 36, 84, 98, 103, 104, 110—114). Если отсутствие свидетельств сабатиновского влияния на восток именно для первого периода сабатиновской культуры (Гершкович 1996: 22, 23; 1998: 66, 69; 2003: 34) можно было бы доказать, то, наверное, это могло бы объяснить указанные выше существенные различия в погребальном инвентаре и некоторых нормах обряда «предсабатиновских» срубных погребений и якобы синхронных захоронений сабатиновской культуры. Теоретически соответствующие нормы могли приобрести сходство позднее, когда упомянутые влияния уже имели место. Однако мне трудно представить, как при нынешней слабой изученности памятников раннего этапа сабатиновской культуры и их специфики, по сравнению с более поздними однокультурными и особенно с синхронными срубными, по отсутствию сабатиновских черт в каком бы то ни было слое (горизонте) срубного поселения определить, какому периоду сабатиновской культуры это хронологически соответствует. Также непонятно, как определить, в какой период сабатиновской культуры началось ее влияние на срубные древности при появлении соответствующих свидетельств на каком бы то ни было этапе первых. Можно ли по той или иной численности западных или гибридных черт в срубных древностях достоверно определить, с какого именно периода сабатиновской культуры началось ее воздействие на последние (Гершкович 1998: 69)? Если считать какую-то посуду характерной именно для позднего периода сабатиновской культуры, то аналогии ей появляются на срубных памятниках в достаточно позднем горизонте последних и, со-

ответственно, на сравнительно позднем этапе срубно-сабатиновских связей (Гершкович 1997: 143; 1998: 72) и, на мой взгляд, не могут помочь установить, к какому периоду сабатиновской культуры относится начало влияния последней на восток. Показательно, что II горизонт срубных поселений Северо-Восточного Приазовья автор раскопок сначала соотносил с развитой сабатиновкой (Горбов, Привалова 1989: 37; см. также: Гершкович 1998: 66), потом — с так называемым I сабатиновским горизонтом Ильичевки (Горбов 1991: 119), затем датировал, не всегда вполне уверенно, предсабатиновским (по всей видимости, в традиционном понимании) временем (Горбов 1993: 90; 1994б: 71; 1995а: 54; 1996б: 14; 1997а: 150; 2001: 151). После самого начала 90-х гг. В.Н. Горбов уже больше не рискует какой бы то ни было горизонт памятников Восточного Надазовья синхронизировать с ранним этапом сабатиновской культуры (ср.: Гершкович 1996: 22; 1998: 66). При этом в работах В.Н. Горбова не ощущается сколь-нибудь существенных трудностей с датировкой I горизонта срубных древностей региона (безусловно, досабатиновским временем), как в только что приведенных, так и в других исследованиях (Горбов 1992; 1994в; 1996а; 2000; 2001; Чубатенко, Горбов 1994; Герасименко, Горбов 1996; ср.: Гершкович 1998: 66, 84).

Как можно объяснить отсутствие именно на раннем этапе сабатиновской культуры ее влияния на восток, если, по мнению Я.П. Гершковича, Подонцовье и Северо-Восточное Приазовье всегда были открыты для западных (в эпоху поздней бронзы — сабатиновских) влияний, а «подоснова срубно-сабатиновских контактов была заложена еще в непосредственно предшествующем этим культурам периоде» (Гершкович 1998: 66)? Предположительно исследователь отчасти объясняет не очень интенсивный на первых этапах характер контактов срубной и сабатиновской культур в Нижнем Поднепровье — Северо-Восточном Приазовье — Подонцовье неироноязычной принадлежностью сабатиновцев, в отличие от срубников (Гершкович 1998: 61, 89). Но даже если согласиться с этим, то почему это не помешало более значительному, по мнению того же археолога, проникновению срубных элементов на запад, фиксирующихся на поселениях сабатиновской культуры, начиная с ее раннего этапа (Гершкович 1996: 23; 1997; 1998: 66 и сл.; 2002: 85; Gerškovič 1999: 58—59 ff.)? И так ли сильно отличалась ситуация с языковыми особенностями населения тех же территорий в предшествующий период установления, по мнению Я.П. Гершковича,

связей между ними, а также между более отдаленными друг от друга областями (Гершкович 1998: 66)? Фиксируются и черты сабатиновских влияний в погребениях БМСК, но только ее второго периода (Отрощенко 2001б: 126—127). Наконец, даже если согласиться с отсутствием влияния сабатиновской культуры на восток на ее первом этапе, то это еще могло бы объяснить существенные отличия инвентаря и некоторых норм обряда якобы синхронных части ее погребений и захоронений БМСК первого периода, локализованных за пределами, но никак не в пределах ареала сабатиновской культуры.

Непосредственное предшествование сабатиновской культуре на части ее территории, а затем и сосуществование с ней погребений бережновско-маевской срубной культуры, по моему мнению, делают нереальным отсутствие всяких генетических связей между этими культурами. Я разделяю системный подход к проблемам культурогенеза. Следует учитывать и постепенные миграции с востока на протяжении длительного времени (Sava 2002а: 222—223 ff.), если в полном смысле единую культурно-генетическую среду реципиентов (Сава 1994: 29; Sava 2002а: 222 ff.; Колев 2000: 252) и не создавшие, то, во всяком случае, способствовавшие сближению населения и культур¹⁴⁴.

Также не следует забывать о наличии далекого общего предка сабатиновской культуры и срубной культурно-исторической общности (Черняков 1985: 16, 82) или даже населения позднего бронзового века лесостепи и степи от Восточных Карпат до Поволжья, но особенно степной зоны Северного Причерноморья (Сава 1994: 29; Sava 1998: 302—303; 2002а: 11), об участии покровской срубной культуры в формировании бережновско-маевской. Однако не случайно, на мой взгляд, ставится вопрос (на материалах Крыма) о непосредственном участии в сложении сабатиновской культуры именно БМСК (Тощев 2007: 211). Полагаю, далеко не последнее значение имеет здесь сходство погребального обряда этих культур и отличия последнего от погребальных норм ПСК.

¹⁴⁴ Так, об определенной близости по тем или иным причинам культур многоваликовой керамики, абашевской и памятников синташтинского типа, а также племен КМК и срубных (в т.ч. покровских), ряда черт позднеполтавкинской керамики и некоторых форм многоваликовой см., напр.: Братченко 1977: 16; Березанская и др. 1986: 37, 43, 46; Васильев и др. 1995: 36—37; Синюк, Козмирчук 1995: 62, 64—66; Шарафутдинова 1995в: 124; Кузнецов, Семенова 2000: 134.

Немаловажным для проблем культурогенеза является вопрос о происхождении керамического комплекса, в т.ч., конечно, и сабастиновского (Гершкович 1997; 1998: 66; Gerškovič 1999: 74 ff.; Sava 1998: 279—292). Но сходная между собой сабастиновская и срубная, особенно позднесрубная¹⁴⁵, кухонная посуда связана фактически с «горшечно-баночной» традицией (Gerškovič 1999: 77), как и аналогичная керамика культур Ноа и Кослоджень (Сава, Кайзер 2011: 234—235). Поэтому можно лишь говорить о примерах сосудов заведомо сходных форм, в т.ч. горшков (на примеры которых здесь и подобраны ссылки), на срубных (Ромашко 2013: 214—215), вплоть до покровских раннесрубных погребений лесостепного Волго-Уралья и части более западных ранних захоронений (Шарафутдинова 2000: 103; Мочалов 2005: 120, 125, рис. 2: Г-I; ср.: Березанская 1990: 79—81, 84), и сабастиновских (Sava 1998: 279 ff.; Ромашко 2013: 215) памятниках, как, впрочем, и на бабинских (Субботин 2013: 287, рис. 67: 1, 6, 7; ср.: Березанская 1990: 112), каменско-планерских (Гершкович 1997: 139, 141, 142), культуры Ноа (Sava 1998: 279 ff.), в погребениях лолинской культуры (Мимоход 2013: 14, 17, 18)¹⁴⁶, в комплексах малополовецкого горизонта Среднего Поднепровья (Лисенко 2002: 166 и сл.) и т.д. (рис. 2: 19, 21, 22, 24; 4: 3—8, 10, 12—15, 17, 18, 20; 5: 6—16; 7; 8: 1, 2, 4, 5, 9; 9), в тех или иных количествах (Гершкович 1998: 66, 69, 72; 2003: 33¹⁴⁷). Некоторые горш-

ки могут считаться промежуточными между предсабастиновскими срубными и типичными как сабастиновскими (Колотухин 2003: 54; 86, рис. 19: 9; ср.: Гершкович 1997: 125, 137; Gerškovič 1999: 75, 77), так и позднесрубными. В западном происхождении сабастиновской столовой посуды сомнений нет, но сходство материальной культуры можно объяснить по-разному.

Проблема происхождения погребального обряда сабастиновской культуры, которую, кстати, некогда обошел А.М. Лесков, состоит, в частности, в сходстве погребений последней не только с бережновско-маевскими, в т.ч. предсабастиновского времени, но и с бабинскими (Колотухин 2003: 10), в основном поздними. Есть мнения о стадильном характере распространенного на очень широкой территории Евразии¹⁴⁸ удивительно простого и единообразного (Бочкарев 1982: 21) или даже единого (Дремов 2000: 124) обряда подкурганых захоронений в ямах со скорченными на боку костяками с ориентацией в восточном полукруге (Литвиненко 1991: 132). С точки зрения Р.А. Литвиненко, это проявление общей тенденции позднебронзового века (Литвиненко 2009а: 75), а по мнению И.И. Дремова, — даже первой мировой (условно — протоарийской) религии (Дремов 2000: 124). Конечно, это не должно давать повод для отрицания того, что сабастиновское население унаследовало этот обряд от носителей традиций ДПБК (Литвиненко 2009а: 75). Даже признание эпицентра распространения того же обряда в пределах восточных по отношению к Северному Причерноморью территорий не может аннулировать выводы о местных корнях в сложении культур, носители которых этот обряд практиковали (Gerškovič 1998: 323; 1999: 46).

Тем не менее, немаловажно то, что набор ранее упомянутых признаков появился не сра-

¹⁴⁵ Сравнения предшествовавшей срубной керамики и посуды сабастиновской культуры см., напр.: Горбов 1993: 90—91; Гершкович 1997: 139; Gerškovič 1998: 320; 1999: 75, 77; Колотухин 2003: 54, 55, 60. Но ведь, как это отчасти отражено выше, в целом от первой довольно заметно отличается и позднесрубная керамика (см., напр.: Березанская и др. 1986: 63—65, 81; Березанская 1990: 10—11 и сл.; Горбов 1991; 1993; 1995а; 1995б; Горбов, Усачук 1993; Усачук, Горбов 1990; Кабанова 1996; Берестнев 2001: 100—105, 108—116; Отрошенко 2002: 19, 24), хотя и в несколько меньшей степени, чем сабастиновская (рис. 2; 4; 7; 8).

¹⁴⁶ Последняя стала, по мнению Р.А. Мимохода, «генетической подосновой распространения на территории Центральной Калмыкии и Ставрополя местного варианта бережновско-маевской срубной культуры» (2013: 22).

¹⁴⁷ При подобном сходстве (для сабастиновского (в особенности) времени — не только отдельных сосудов или типов, но и комплексов кухонной посуды в целом) далеко не всегда можно обозначить конкретную зону первичного сосредоточения общих черт керамики, т.е. однозначно связать последнее с памятниками культуры сабастиновской или Ноа (Гершкович 2003: 33) либо срубными, а для предшествующего времени (касательно и прототипов упомянутых черт) — с бабинскими, каменско-планерскими или срубными

памятниками. В случае признания полной синхронности сабастиновской культуры и СКИО логично было бы говорить именно о бабинском, а на части Крыма — возможно, о каменско-планерском, т.е. в обоих случаях — о посткатакомбном, истоке, например, сабастиновских банок. Но в ситуации, когда на части территории Левобережной Украины сабастиновским древностям непосредственно предшествовали не бабинские, а срубные, среди которых банок тоже предостаточно, соответствующий вопрос не решается столь однозначно. Кроме того, среди признаков срубного воздействия на бабинскую обрядность иногда называют «возрастание процента баночных форм» в бабинских погребениях (Субботин 2013: 291).

¹⁴⁸ Кстати, эта территория пределами евразийской металлургической провинции (Бочкарев 1995б: 123) не ограничивается.

зу на всем пространстве, на котором потом распространялся. Базовая обрядовая группа бабинских погребений только днепро-бугского лесостепного варианта ДПБК, по мнению Р. А. Литвиненко, на всем протяжении его существования характеризуется восточной ориентировкой скелетов, лежащих на левом боку, с согнутыми в локтях под острым углом обеими руками (Литвиненко 2009б: 14—15, 25¹⁴⁹; ср., напр.: Лисенко 2001). Но широкое распространение набора элементов погребального обряда, характерного, помимо прочих, для сабатиновской культуры, среди носителей культур круга Бабино¹⁵⁰ и в синкретических, КМК — срубных, погребениях исследователи связали с взаимодействием (скрещиванием) культуры многоваликовой керамики со срубной или даже слиянием с бабинским населением срубников, мигрировавших с востока¹⁵¹. Среди последних были и довольно активные носители бережновского типа раннесрубной культуры (Берестнев 1997; 2001: 100—104 и сл.)¹⁵². С этим типом в Поволжье, в частности, В. В. Отрощенко связывает древнейшее звено и собственную линию развития обряда с восточной ориентировкой умерших (1993: 82; 2001б: 124; ср.: Юдин, Матюхин 2006: 66).

Не углубляясь в дискуссию о культурно-хронологическом соотношении бережновских и покровских (срубных и покровских) памятников, чему посвящена обширная литерату-

ра, констатирую здесь свое мнение об убедительности соответствующих данных стратиграфии, свидетельствующих о различной последовательности совершения погребений соответствующей эпохи с восточной и северной ориентировками (Качалова 1979: 33, 35; 30—31, рис. 2; 38, рис. 5), о предшествовании раннесрубного погребения бережновского типа классическому срубному захоронению (Потапов, Шеф 2011: 173 и сл., рис. 2: 1). Среди раннесрубных памятников Нижнего Поволжья исследователи выделяют и могильники смешанного типа со слабо выраженными, по мнению этих археологов, покровскими проявлениями, в состав которых могут входить объекты как с покровскими чертами, так и без таковых (Юдин, Матюхин 2006: 68, 70—73¹⁵³). Есть основание для синхронизации поселения бережновского типа раннесрубной культуры Сухая Мечетка IV (Мыськов 1991: 154—156) с такими комплексами срубной архаики конца первого этапа покровской срубной культуры, по В. В. Отрощенко, как землянка 5 поселения у хут. Ляпичева и жилище №2 Ильичевского поселения (Горбов 1992: 101; 1994в: 16; 2001: 148, 150). Поэтому версия о частичном сосуществовании и взаимодействии, в частности, в восточнукраинской лесостепи, населения, оставившего памятники, в той или иной мере соответствующие древнейшим первой из указанных в этом абзаце групп, с бабинским (Берестнев 2001: 69 и сл.¹⁵⁴; 1997; Ковалева 1981а: 76) представляется относительно достоверной.

¹⁴⁹ Причем к этой обрядовой группе, начиная со II этапа, прибавлялись дополнительные.

¹⁵⁰ Это произошло в относительно позднее время, особенно широкое распространение восточной ориентировки и сильной скорченности костяков (Шарафутдинова 1995в: 126—130; Литвиненко 2000б: 83; 2002: 82—83; 2009б: 12—15, 26).

¹⁵¹ Учитывая важность этой точки зрения, ныне, к сожалению, теряющей популярность, подробно привожу всю замеченную мною соответствующую библиографию: Шарафутдинова 1975: 21, 24; 1982: 54, 56, 65, 105, 142, 150—151, 157; Горлач 1979: 61; Ковалева 1981а: 19—20, 42, 77; Ковальова, Волкобой 1976: 18, 19, 21; Елисеев, Ключинцев 1982: 76, 77; Братченко 1985б: 453; Привалов 1989: 32; Савва 1992: 157, 158; Sava 1998: 302; Алексеев и др. 1993: 64; Субботин 2013: 291. О подобном взаимодействии см. также, напр.: Шилов 1982: 21. Упомянутая миграция по времени приблизительно соответствует вышеуказанному (Литвиненко 2009а: 74—75).

¹⁵² Предложена схема, не предусматривающая так называемой второй волны проникновения из Поволжья в Подонцовье носителей абашевских или покровских традиций (см., напр.: Братченко, Гершкович 2003: 274—275; Гершкович 2005: 178—179), но не затрагивающая вопроса о происхождении памятников бережновского типа раннесрубной культуры на территории Восточной Украины.

¹⁵³ Эти комплексы содержат одновременные или хронологически близкие захоронения — в одном кургане только основных (количественно преобладающих) погребений (Дремов 2011) может быть несколько десятков. Правда, я бы скорее согласился с отнесением могильников Кочетное и Золотая Гора к покровским, учитывая присущие первым соответствующие признаки (Юдин, Матюхин 2006: 68; Малов 2007: 42; 2012: 97; Лопатин 2010: 101, 226—227; Дергачев, Бочкарев 2002: 41) и немногочисленность погребений с восточной ориентировкой и острореберных сосудов, особенно богато орнаментированных, при наличии бережновских проявлений (ср., напр.: Юдин, Матюхин 2006: 68, 70—72; Юдин 2010: 346, 353). Но в контексте рассматриваемой проблематики важны свидетельства взаимодействия соответствующих синхронных традиций (линий развития). «В одном погребении может присутствовать покровская, покровско-абашевская и срубная керамика», — пишет Н. М. Малов, связывая это, правда, с культурной трансформацией, отраженной в комплексах покровско-срубной нижеволжской стадии (Малов 2012: 96—98).

¹⁵⁴ Из рассмотренных примеров стратиграфического приоритета погребений 3-й обрядовой группы перед бабинскими считаю убедительным (судя по тексту и приведенным иллюстрациям лишь непосредственно

С.И. Берестнев относит лишь немногочисленные погребения восточноукраинской лесостепи с восточной ориентировкой умерших к «общности многоваликовой керамики», да и там последние уложены на правый бок (Берестнев 2001: 63—64)¹⁵⁵. Но, учитывая устоявшуюся концепцию о вытеснении срубниками (или носителями абашевско-покровских традиций, для раннего этапа — доно-волжской абашевской культуры) значительной части бабинского населения в западном направлении, подобная ситуация в периферийных районах ареала ДДБК (Литвиненко 2009а: 71—73; 2011: 173), на мой взгляд, не противоречит предположению о связи широкого распространения, по крайней мере, той же ориентировки в основной части ареала культур круга Бабино с взаимодействием с бабинским населением рассматривавшегося выше бережновского¹⁵⁶. «Трансформация... в сторону приземистости» бабинских сосудов, имеющих разве что «остаток традиционного ребра» (Шарафутдинова 1995в: 127, 130, 131, рис. 4: 3, 6, 8—10), вероятно, также могла быть связана с воздействи-

---

комплексов) соответствующее мнение только по поводу кургана 1 группы «А» у с. Красная Гусаровка.

¹⁵⁵ Возможное отнесение к бабинским некоторых погребений с восточной ориентировкой умерших, уложенных на левый бок, вряд ли существенно увеличит количество захоронений соответствующей культурной принадлежности с этой ориентировкой в указанном регионе. С.И. Берестневу известен лишь один случай прямой стратиграфии бабинских погребений разных обрядовых групп в восточноукраинской лесостепи: наиболее позднее из первых — с восточной ориентировкой костяка (Берестнев 2001: 63—65). Зато свидетельства взаимодействия бабинского и бережновского населения является наличие в бабинских захоронениях керамики, в которой как минимум в системе орнаментации отражена срубная специфика, причем, учитывая раннесрубное время (Берестнев 2001: 69, 155; 210, рис. 51: 4—7; 212, рис. 53: 1, 2) (в узком смысле (Лесков 1971: 406—407), т.е. раньше срубной «классики»), — скорее бережновская (анalogии см., напр.: Мыськов 1991), чем покровская (Малов 1992: 149; Отрощенко 2001б). Во всяком случае, мне неизвестно такого, чтобы крайне малочисленные срубные погребения с южной или западной ориентировкой костяков (Памятники срубной культуры... 1993: 23, 53, 57, 65) сопровождалась керамикой, подобной только что рассмотренной.

¹⁵⁶ Конечно, нельзя полностью исключать связи того же распространения с носителями днепро-бугского лесостепного варианта ДДБК. Впрочем, некоторые исследователи сочли возможным выводить обряд бабинских и сабатиновских погребений Северо-Западного Причерноморья, за исключением восточной ориентировки умерших, а также некоторые формы керамики из соответствующих элементов местных культур (см., напр.: Дергачев 1986: 140—142, 185; Шмаглий, Черняков 1970: 97—99 и сл.; Черняков 1985: 81, 82, 143, 144).

ем срубников¹⁵⁷. Ведь для раннесрубной керамики с корпусами, более или менее близкими к биконическим, которая была более широко распространена на памятниках бережновского типа, характерны в основном невысокие пропорции. Как следует, в частности, из вышеизложенного, «изменение... в сторону упрощения формы и орнаментации» бабинских сосудов (Шарафутдинова 1995б: 131) опережало таковое же у срубных. Керамика, представляющая конечное звено в цепи указанных изменений, сопровождала также сабатиновские и позднесрубные погребения (Савва 1992: 51—53, 115—116; 35, рис. 8: VI, VII), о чем уже упоминалось выше.

В сабатиновскую культуру трансформировалась ДДБК, обогащенная компонентами БМСК I периода, в т.ч. маевского варианта (с поправками на нынешние термины см.: Братченко 1977: 16; Шарафутдинова 1975: 21, 24; 1982: 54, 56 и сл.; Савва 1992: 157; Sava 1998: 301—302, 305; 2003: 47). Это, на мой взгляд, выражается, в частности, в наличии в поздних бабинских погребениях, в т.ч. с восточной ориентировкой, сосудов с более или менее четко выраженными острыми ребрами невысоких, в отличие от характерной бабинской керамики с такими ребрами¹⁵⁸, пропорций, характерных для срубных острореберных сосудов, причем иногда с валиками: двумя (Тощев 1986б: 210, 224, рис. 24: 4, 6; 2007: 169; 168, рис. 88: 7, 8¹⁵⁹) или, судя по нечеткой фотографии (Шарафутдинова 1982: 56, рис. 19: 5), одним (Отрощенко 2004: 167¹⁶⁰; ср.: Шарафутдинова 1982: 144—145,

---

¹⁵⁷ В понимании Е.Н. Сава — «увеличение процента сосудов баночных форм», в частности, типа VII (Савва 1992: 34—36, 157), в соответствии с данным контекстом.

¹⁵⁸ Кроме разве что бесшейной (Рижов та ін. 2002: 151; 170, рис. 10: 4, 12; Братченко 2006: 225), а также некоторых весьма своеобразных сосудов (Ковалева и др. 1981: 23; 39, рис. 5: 6).

¹⁵⁹ Ср. датировку и см. по поводу культурной атрибуции данного комплекса: Колотухин 1988: 12; 1990: 96—97, 105—106; 1996: 52—53; Тощев 2007: 193.

¹⁶⁰ Отнесение выделяющегося среди бабинских и отличающегося от типичных захоронений БМСК сравнительно богатым набором инвентаря погребения Кичкас А 26/3, в котором, на мой взгляд, проявление именно ее признаков сводится лишь к упомянутому мною, в отличие от бабинских черт, указанных, в частности, В.В. Отрощенко, к первой я не разделяю. К точке зрения о существовании бабинских длинных курганов и соответствующих досылок (Шарафутдинова 1982: 56; Литвиненко 1992б: 146; 2009а; 2009б; 2009в; 2010; Макаревич 2007; 2009; 2010; Мельник, Стеблина 2012) не так давно присоединился и В.В. Отрощенко (Отрощенко та ін. 2008: 295). Нож, по форме клинка

рис. 58: 86; Братченко 1971: 337, рис. 94)¹⁶¹. Такие горшки с одинарными валиками встречаются и в позднесрубных погребениях (см., напр.: Плешивенко 1995: 156; 150, рис. 3: 5), а аналогичные сосуды, но без орнамента — в срубных захоронениях разного времени (в поздних — реже) (Литвиненко 1999б: 14, 15; 8, рис. 4: 5, 6; 9, рис. 5: 11; 20, рис. 13), изредка — в погребениях сабаатиновской культуры (см., напр.: Ванчугов 2000: 49; 43, рис. 1: 11). Подострореберные же сосуды низких пропорций, подобные двухваликовому, сопровождавшему погребение Кичкас А 26/3 (Шарафутдинова 1982: 56, рис. 19: 3; 144—145, рис. 58: 84), но с одинарными валиками не часто, но встречаются в срубных и, что особенно важно для анализируемой проблемы, в сабаатиновских (Ванчугов 2000: 49; 48, рис. 3: 10; ср.: Субботин 2013: 288; 287, рис. 67: 3) погребениях. В смысле вышеизложенного, позднебабинские комплексы с подобными сосудами можно также считать как бы промежуточными между срубно-бабинскими («смешанными») и позднесрубно-сабаатиновскими (в определенной мере едиными), т. е. предсабаатиновскими (Шарафутдинова 1982: 142; Колотухин 1988: 12; 1990: 105—106; 1996: 52—53) не только в хронологическом плане.

Интересно, что инвентарные (т. е. наиболее достоверные) погребения сабаатиновской культуры по характерной степени скорченности костяков (средней, но приближающейся к сильной, и сильной) как будто бы ближе к захоронениям БМСК I периода, во всяком случае, II стратиграфического горизонта срубных погребений Восточного Надазовья, чем к поздним погребальным памятникам днестровско-прутского и днепро-днестровского вариантов ДПБК (Левицкий 1995: 164—165; Литвиненко 1999б: 15, 20; 2009б: 8, 13—14; Ванчугов 2013: 304; ср., напр.: Sava, Agulnikov 2003: 113, 121; 119, fig. 2: 4). Это позволяет ставить вопрос и о непосредственном вкладе БМСК в сложение сабаатиновской культуры (ср.: Ванчугов 2000: 47—48).

Еще более важным в этом плане представляется следующее. Сабаатиновская культура унаследовала в основном обычай восточной ориентировки погребенных, характер-

ный как для поздних бабинских погребений, так и для БМСК, и практически не переняла традицию южной ориентировки (Черняков 1985: 136; Ванчугов 1999: 61; Sava, Agulnikov 2003: 122, fig. 3: 2; ср.: Савва 1992: 49—52; Агульников 2004а: 7). Последняя, справедливо включенная в число «восточных» для культуры Ноуа традиций (Sava 2002а), в предсабаатиновское время была характерной в основном для днепро-днестровского локального варианта днепро-прутской бабинской культуры, наряду с восточной ориентировкой (Литвиненко 2009б: 13—15 и сл.; 2009в: 143), считающегося базовым субстратом в формировании сабаатиновской культуры (Литвиненко 2009а: 75—76). В то же время, южная ориентировка не характерна для срубных погребений (Отрощенко 2002: 12, 16, 19, 26, 32). Культура Ноуа унаследовала же, в частности, как восточную ориентировку, так и южную (Sava 2002а: 135—140 ff.)¹⁶². Здесь явно сказалась роль именно БМСК в формировании сабаатиновской культуры, несравненно большая, чем в становлении культуры Ноуа, для которой основным из восточных генетических компонентов был бабинский (Каврук 1988: 12, 17; Савус 1990). Непосредственный вклад БМСК в сложение сабаатиновской культуры особенно реален для той части территории Левобережной Украины, где ранние погребения БМСК, а не поздние бабинские памятники непосредственно предшествовали поселениям сабаатиновской культуры (ср., напр. Gerškovič 1999: 75, 77, 85, 90—92). Но в силу невозможности идентифицировать там погребения последней, отсутствия срубных поселений предсабаатиновского, в частности, времени, трудностей культурологического сопоставления поселенческих и погребальных памятников и определенного сходства погребальных комплексов раннего периода БМСК с поздними бабинскими рассмотреть это конкретно я не вижу возможностей.

В результате тесного и сложного взаимодействия БМСК и ДПБК не только произошла трансформация последней в сабаатиновскую культуру, но и первая изменилась настолько, что, например, Ю.И. Колев отказывается позднесрубным памятникам в праве на существование даже в западной части ареала СКИО, относя соответствующие комплексы, вклю-

аналогичный сопровождавшему рассматриваемое погребение (Шарафутдинова 1982: 56, рис. 19: 1; 144—145, рис. 58: 87), найден в позднем бабинском погребении Куконештий Векъ 9/28 (Савва 1992: 46—47, 138, 145; 51, рис. 14: 39; 137, рис. 60: 1) (рис. 2: 39).

¹⁶¹ Другой пример — орнамент в виде крестов на упоминавшемся выше сосуде из бабинского погребения Нерушай 9/61 — типично срубный.

¹⁶² Учитывается то, что участие Днепро-Днестровского варианта ДПБК в генезисе культуры Ноуа, хоть и меньшее, чем Днестровско-Прутского, к которому относятся и редкие для позднего этапа погребения с южной ориентировкой костяков (Литвиненко 2009б: 14), не отрицается (Литвиненко 2009а: 76).

чая материалы Лобойковского очага металлообработки, а также некоторые другие, относимые другими исследователями чаще всего к сабатиновской и/или белозерской культуре, к ивановской культуре (Колев 2000: 251—253; 2008: 210 и сл.; ср., напр.: Отрощенко 2002: 26; Ромашко 2013: 32—33, 222). Для анализируемой проблемы, однако, важнее довольно высокая степень близости, проявляющаяся, прежде всего, в синхронных погребальных памятниках сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур (см. выше), явившаяся в значительной мере результатом предшествующего тесного взаимодействия ДПБК и БМСК. Именно в этом я вижу главную сущность генетического родства сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур. Вероятно, соответствующее сходство их памятников даже побудило Н.Н. Чередниченко к отнесению последних, вплоть до Дона, к сабатиновской культуре или, учитывая все же наличие неоднородности, к двум культурам: западносабатиновской и восточносабатиновской (Чередниченко 1997: 29¹⁶³; предпосылки такого подхода см.: Березанская и др. 1986: 50 и сл.). Различия между срубными древностями, даже Южной Украины, или памятниками левобережной группы, по Н.Н. Чередниченко (1997: 29), и собственно сабатиновскими все же имеются (Горбов 1995а). Так, единичность грунтовых могильников сабатиновской культуры (Шарафутдинова 1968: 22, 33; Агульников 2008; 2001), если вообще признавать наличие таковых (Sava 2003: 37; Sava, Agulnikov 2003: 120), отличает ее и от срубной культурно-исторической общности, и от культуры Ноуа (ср., напр.: Шарафутдинова 1968: 33; Лесков 1970: 50). Да и вряд ли поздние¹⁶⁴ из упомянутых срубных памятников, не гово-

ря уже о ранних, больше отличаются от синхронных однокультурных, расположенных восточнее Дона¹⁶⁵, чем от собственно сабатиновской культуры (Отрощенко 1994а; 2001б; 2002; 2009а: 71, 72).

Данные антропологии по анализируемой проблематике нельзя считать окончательными, тем более, что еще не так давно С.П. Сегеда писал, что антропологический состав носителей сабатиновской культуры не выяснен (Толочко та ін. 2000: 260). По мнению исследователя, антропологический состав населения середины II тысячелетия до н.э. и ближайших следующих столетий от Днестра до Урала (в понимании С.П. Сегеды, срубного) был довольно однородным (ср.: Круц 1997: 539) и по многим признакам занимает промежуточное положение между антропологическими характеристиками местного населения КМК и срубников Поволжья¹⁶⁶ с преобладанием на определенных территориях того или иного из указанных компонентов, что говорит о соответствующих взаимодействиях и результате (Толочко та ін. 2000: 260; Сегеда 2005: 318; см. также: Круц 1984: 92; 1985: 533; 1997: 539). По сведениям С.И. Круц, обработавшей антропологические материалы Степного Приднепровья, причем срубные — только Левобережного (Круц 1997: 538), последние ближе к срубной антропологической серии Среднего Поволжья, чем Нижнего (Круц 1984: 92). Мне неизвестна представительность выборки антропологического материала эпохи поздней бронзы Буго-Днестровского междуречья и Побужья. Но, по сведениям И.Н. Шарафутдиновой, какие-то материалы погребений этого времени из Одесской и Николаевской областей (причем не бабинских) в распоряжении антропологов были (Шарафутдинова 1982: 83).

Итак, не может быть речи о перерастании какой-либо из срубных культур в сабатиновскую, как и культуры Монтеору. Срубные древности, сами демонстрирующие как минимум две линии развития (Отрощенко 2009а: 72), основным генетическим ядром сабатиновской культуры, на мой взгляд, не являются, как и западные культуры. В отличие от этих срубных линий, ни одну из которых основной для генезиса сабатиновской культуры (Шарафутдинова 1991: 194), с моей, в част-

¹⁶³ Утверждение об отсутствии в степном регионе Северного Причерноморья поселений с островерной керамикой (аргумент для «исключения» из этого региона срубной культуры) не соответствует действительности (см. о таких, напр.: Кривцова-Гракова 1955: 100, 110; Граков 1977: 120—121; Горбов, Привалова 1989: 36—38). Наличие в степи «отдельных погребений с островерными сосудами» для Н.Н. Чередниченко «не является показателем распространения на этой территории самой срубной культуры»; они, надо полагать, были включены в число памятников «сабатиновской культуры, начало которых синхронно раннесрубным» (Чередниченко 1997: 29). Но в Северо-Восточном Причерноморье такие погребения далеко не «отдельные».

¹⁶⁴ В соответствующее время срубные грунтовые могильники были более широко распространены, чем в предшествующее (Березанская, Чередниченко 1985: 467; Березанская и др. 1986: 76; Шарафутдинова 1997: 37).

¹⁶⁵ Впрочем, Н.Н. Чередниченко считал срубные поселения Поволжья и Среднего Дона только ранними (Березанская и др. 1986: 81).

¹⁶⁶ Как я понимаю, синхронных последней, в отличие от антропологически однородных на огромной территории поздних.

ности, точки зрения, назвать нельзя, как и сводить таковой по преимуществу к Волго-Уральскому очагу культурогенеза¹⁶⁷, можно также выделить, скажем, днепро-прутско-сабабиновскую (ср., напр.: Отрощенко 2001б: 163; Литвиненко 2009б: 19, 25), переплетавшуюся, однако, с линией развития степной (классической) срубной культуры, в понимании В. В. Отрощенко (2009а: 72). Относительно немногочисленные среди срубных мигрантов носители бережновского типа раннесрубной культуры, вероятно, способствовали широкому распространению в культурах круга Бабино норм погребального обряда, которые были характерны для бережновско-маевской срубной и сабабиновской культур, во всяком случае, восточной ориентировки погребенных — почти наверняка.

Большое значение имело сближение ДПБК с БМСК. Степные локальные варианты ДПБК трансформировались в сабабиновскую культуру, будучи обогащенными компонентом БМСК, а последняя заметно видоизменилась под влиянием первой. Результатом была впечатляющая близость бережновско-маевской срубной (прежде всего, второго периода) и сабабиновской культур, особенно их погребальных памятников. В этом, собственно говоря, и состоит генетическое родство указанных культур. Можно констатировать процесс их сближения (Гершкович 1997: 143; 1998: 69, 72¹⁶⁸; ср.: Березанская и др. 1986: 4)¹⁶⁹, для Восточного Крыма — предположить слияние (Тоцев 2007: 194, 215), для других частей полуострова — ассимиляцию БМСК бабинским населением (ср.: Тоцев 2007: 213, 215)¹⁷⁰ либо же, скорее¹⁷¹,

¹⁶⁷ В соответствии с подходом, продемонстрированным в некоторых работах (см., напр.: Бочкарев 1993: 43; 1995б: 120—123).

¹⁶⁸ Можно добавить, например, постепенный выход из употребления позднесрубным населением остроречных сосудов (см., напр.: Берестнев 2001: 115), характерных для более ранних срубных памятников, но не для сабабиновской культуры.

¹⁶⁹ Тем более, что на довольно значительной общей территории рассматриваемые культуры сосуществовали, по крайней мере, какое-то время.

¹⁷⁰ Возможное следствие этого — формирование и там сабабиновской культуры (Колотухин 2003: 60; Тоцев 2007: 194, 211, 213).

¹⁷¹ Возможно, при обратном варианте (Тоцев 2007: 213, 215) или формировании и в Крыму БМСК (ср., напр.: Колотухин 2003: 53, 60; Тоцев 2007: 194 и сл.) на основе бабинских древностей, ПСК, пусть представленной в Крыму пока крайне малочисленными погребениями, и, возможно, каменско-планерской культуры (с поправками на нынешнюю терминологию см.:

сабабиновцами¹⁷², в целом для Крыма — возобладание сабабиновской линии развития (Тоцев 2007: 211, 213, 215). Но БМСК второго периода, в частности, территории Украины, сохраняла традиционные восточные связи¹⁷³, а у сабабиновской преобладали западные¹⁷⁴ (Гершкович 1998: 61, 69; Клочко 2006: 245). Такие различия в исторической ориентации, вероятно, предопределили сохранение специфики и собственную эволюцию каждой из тех же двух культур и в какой-то мере их дивергенцию (ср., напр.: Бочкарев 1993: 43). Так, федоровско-черкаскульские влияния на сабабиновской культуре (по мнению Я. П. Гершковича, в ее третий период: Гершкович 1998: 72) отразились в несравненно меньшей мере, чем на бережновско-маевской срубной. В этом контексте, на мой взгляд, особенно показательно увеличение, по данным, в частности, В. В. Отрощенко, среди позднейших погребений последней количества кремаций (Отрощенко 2001б: 155 и сл.; 2002: 19), нехарактерных для сабабиновской культуры (Шарафутдинова 1997: 38). Подобное в особенности, характерные для локальных типов-вариантов одной и той же археологической культуры, с моей, в частности, точки зрения, не укладывается (ср., напр.: Шарафутдинова 1991). В основном (не считая рассмотренных выше особенностей проблематичной ситуации в Крыму) соглашусь с Я. П. Гершковичем: «Ни проникновение сабабиновских элементов на восток, ни срубных... на запад, в Поднепровье и далее, не привели ни к существенному их изменению, ни к симбиозу, ни к ассимиляции той или другой» (Гершкович 1998: 69; ср., напр.: Березанская 1997: 6; Алексеев и др. 1993: 65—67; Отрощенко, Рассмакин 1997: 25).

Литвиненко 1991: 132. Впрочем, там же под участием «каменско-ливленцевской» группы памятников «в формировании как СК, так и СРК» участие конкретно каменных древностей Крыма, в отличие от ливенцевских, в сложении срубных может и не подразумеваться).

¹⁷² Такое мнение относительно Левобережной Украины см.: Березанская 1997: 6. В таком случае носители сабабиновской культуры появились на большей части Крымского полуострова, учитывая также отсутствие достоверных памятников ее раннего этапа и аргументы против сколько-нибудь длительного сосуществования срубников с сабабиновскими поселениями (см. выше), позже, чем в других частях своего ареала.

¹⁷³ Может быть, в частности, из-за потребности в олове восточных месторождений (Куштан 2011: 21; 2012б).

¹⁷⁴ Может быть, в частности, из интереса к западным источникам металла (Дергачев 1997: 45).

Исторические судьбы сабастиновской культуры, трансформировавшейся в белозерскую, и БМСК были различны (Шарафутдинова 1991: 194; ср.: Отрощенко 2002: 23). В финальном бронзовом веке различия между «западными» и «восточными» культурами валиковой керамики становятся наиболее существенными (Горбов 1995б: 90; 1996б: 21). Еще с позднесабастиновского времени имело место формирование чуть ли не «в общеевразийском масштабе» новых «археологических культур широкого территориального диапазона» — «комплекса (котла) с проявлениями различного происхождения (применительно к... территории Украины — восточного, северо-восточного и западного)» (Гершкович 1998: 61, 70—85, 89; 2001; 2003: 29, 33—34, 217—219; Куштан 2006; 2007: 9—10, 14—18; ср.: Ромашко 1996: 67; 2013: 29 и сл.). Но так называемый процесс гальштатизации гораздо меньше повлиял на срубные (постсрубные) древности, чем на трансформацию сабастиновской культуры в белозерскую и развитие последней. Поэтому западные элементы гораздо более ощутимы в белозерской культуре, в т. ч. и в Поднепровье (Гершкович 1998: 81; 2001: 70), чем в более восточных древностях. И, наоборот, в ней меньше, чем в последних, восточных и северо-восточных элементов (в т. ч. и в Поднепровье, которым в основном ограничено на западе распространение этих элементов в заключительный период эпохи поздней бронзы: Гершкович 1998: 75—85; 2001: 70). Можно согласиться с отнесением сабастиновской и срубной (даже бережновско-маевской) культур к разным мирам (Горбов 1995б: 87), но в отношении БМСК главным образом — в плане исторической ориентации.

На мой взгляд, не было в этом отношении исключением и степное Поднепровье (ср.: Березанская и др. 1986: 94; Березанская 1997: 6). Как уже указывалось, И.Н. Шарафутдинова считает, что там сабастиновская и срубная группы населения сосуществовали лишь «какое-то время», что определило восточный вариант сабастиновской культуры. В период расцвета последней черты срубной культуры стираются, а западные распространяются до Северского Донца и Приазовья (Березанская и др. 1986: 94)¹⁷⁵.

Такая версия воспринимается как бы вполне логично, т. к. легче вообразить сосуществование носителей разных культур на одной

территории до начала демографического взрыва, который и произошел именно в упомянутый период расцвета (Черниенко 1992: 30; Отрощенко 2001б: 163, 176; Ванчугов, Иванова 2013: 340; ср., напр.: Горбов 2000: 56; Sava 2003: 33). Раннесабастиновских поселений в Поднепровье, как и везде, известно мало. Но нигде, в т. ч. в названном регионе, погребения как БМСК второго периода, так и сабастиновской культуры не дают выразительных фактов внутренней стратиграфии (Литвиненко 1999б: 17, 19; Отрощенко 2001б: 164). К тому же, я не уверен в правильности объяснения происхождения поселений богуславско-белозерской культуры, в современном понимании В.А. Ромашко (2013), именно переселениями с востока (Шарафутдинова 1975; 1982: 41; Березанская и др. 1986: 151—152; Горбов 1994б; 1996б; 1997а; Горбов, Литвиненко 1998; Ромашко 2002), а не основанием потомками местных носителей БМСК, известных нам в собственно степном Поднепровье практически только по погребениям (ср.: Ромашко 2013: 218—219, 222—226, 232). В.В. Цимиданов ранее считал, что «в степях к западу от р. Молочная на срубной подоснове сложилась новая — белозерская культура» (2004: 110; ср.: Подобед, Цимиданов 2010: 109). Поэтому вопрос о длительности сосуществования срубного и сабастиновского населения в названном регионе, на мой взгляд, остается открытым. Факт ассимиляции сабастиновскими племенами, распространившимися на Левобережье, носителей срубных традиций (Березанская 1997: 6) также не доказан.

Конечно, нельзя считать окончательно выясненной рассматривавшуюся выше ситуацию в Крыму. На поселениях всех этапов сабастиновской культуры, в частности, степного Поднепровья, в небольшом количестве встречается специфически срубная керамика, отражающая, скорее всего, наличие горизонтальных связей между соответствующим населением (Гершкович 1997: 125 и сл.), но вряд ли возможно установить, были это контакты сабастиновцев со срубниками степного Поднепровья или соседних территорий. Поскольку кухонная посуда всех этапов сабастиновской культуры в основном тождественна определенным разновидностям таковой же срубной, то саму постановку вопроса о постепенной утрате сабастиновской культурой срубных черт (Березанская и др. 1986: 94; Алексеев и др. 1993: 67) я считаю неправомерной. В частности, типологическая сопоставимость с сабастиновской кухонной посу-

¹⁷⁵ Примерно о том же в масштабах большей части Северного Причерноморья см.: Алексеев и др. 1993: 65—67.

дой поздней поволжской срубной (Алексеев и др. 1993: 65—66), и не только поволжской, в позднесабатиновское время не утрачивается. Это касается и позднесабатиновского поселения Вороновка II, материалы которого поэтому утрату сабатиновской культурой срубных черт (Алексеев и др. 1993: 67) не показывают.

Кроме того, с упомянутой поволжской посудой в Северном Причерноморье сопоставима не только сабатиновская, но и кухонная керамика позднесрубных памятников Азово-Донецкого региона, а также из позднесрубных погребений Крыма, степного Поднепровья и примыкающих территорий. Строго говоря, рассматриваемую кухонную керамику называть срубной чертой в сабатиновской культуре, конечно, нельзя. Близкие комплексы кухонной посуды сабатиновского (позднесрубного) времени сформировались на огромной территории в результате, в частности, рассмотренных выше культурно-исторических процессов предшествующего периода. Предложена схема эволюции каменско-планерской кухонной керамики в сабатиновскую (Gerškovič 1999: 78—81) (рис. 5). При желании последнюю можно вывести даже не типологически, а найти прямые аналогии ей среди керамики раннесрубных, в т. ч. предсабатиновских, памятников. Некоторые соответствующие примеры рассматривались выше, в т. ч. известные Я. П. Гершковичу (1997: 139). В различном соотношении типов кухонной посуды, приемах и типах орнамента керамики в срубных и сабатиновских комплексах (Гершкович 1997: 139), как и в каменско-планерских и сабатиновских, нет ничего удивительного, тем более что есть аналогии среди неорнаментированных сосудов. Кроме того, существует мнение об участии, хотя и неравнозначном, по современной терминологии, каменско-планерской культуры в формировании как сабатиновской культуры, так и срубной (Литвиненко 1991: 132). Такой подход не удивляет, если учесть, что практически все типы керамики, выведенные из каменско-планерской (Гершкович 1997: 142, рис. 9: условное обозначение 1) (рис. 5: условное обозначение 1), имеются и на срубных памятниках. Тогда об утрате каких срубных черт в сабатиновской культуре по мере роста ее самобытности идет речь (Березанская и др. 1986: 94; Алексеев и др. 1993: 67)? Очевидно, А. Ю. Алексеев и его соавторы заметили утверждение исследователей поселения Вороновка II (Алексеев и др. 1993: 67): «Какие-либо признаки керамики срубной культуры отсутствуют» (Ванчугов и др. 1991: 61).

Работа с материалом позволяет говорить об отдельных специфически срубных (точнее — восточных) проявлениях и на этом памятнике. Но они не должны быть поводом для соответствующих концепций генезиса сабатиновской культуры (Гершкович 1997: 125, 139; 1998: 66; 2000: 155; 2001—2002: 605; 1996: 23; Gerškovič 1999: 75—77), равно как отсутствие этих проявлений среди имеющихся в распоряжении материалов ряда сабатиновских поселений — поводом для каких-либо суждений об эволюции, или стирании, срубных черт в сабатиновской культуре. С другой стороны, не следует забывать и о том, что сама БМСК несколько изменялась во времени, утрачивая некоторые традиционные черты, в т. ч. и в течение позднего периода, когда, например, «постепенно выходят из употребления острореберные... чаши» (Берестнев 2001: 115).

Попытки считать срубными (ср., напр.: Погребова 1960: 89; Гершкович 1989а: 53) поселения или слои сабатиновской культуры Обиточная-12 (Ромашко 1995: 130—132), Обиточная-20, Змеевка (Ромашко 2000: 136), Вовниги (Отрощенко 2004: 167; 2009а: 71; Клочко 2006: 195; Бровендер 2010: 218), Кирово, Пересадовка I, Ушкалка (Клочко 2006: 155, 175, 192), Златополь (Клочко 2006: 194), Капуловка (Клочко 2006: 195), Мариновка (Дергачев, Бочкарев 2002: 12, рис. 1), с моей точки зрения, не выдерживают критики ввиду мизерного количества специфически срубной керамики на поселениях позднебронзового века соответствующих регионов, встречающегося и на поселениях сабатиновской культуры Поингуля и Северо-Западного Причерноморья. Что касается отнесения В. А. Ромашко памятников «типа Обиточная-12-Павлоград» к этапу степного варианта срубной культуры Украины, можно отметить следующее. При несомненном сходстве комплексов эпонимных поселений, включая отсутствие лощеной посуды, на Павлоградском есть хотя бы немногочисленные специфически срубные проявления (Ромашко 1995: 122—132; 118, рис. 3: 3, 15; 120, рис. 5: 4, 5, 9, 10; 1994: 54), тогда как в публикации керамики с поселения Обиточная-12 (Кривцова-Гракова 1955: 151—154) последних не видно. При этом следует учесть, что шнуровой орнамент, представленный лишь на одном фрагменте сосуда с поселения Обиточная-12 (Кривцова-Гракова 1955: 154; 153, рис. 37: 17), характерен как для срубной керамики (Гершкович 1998: 66), так и для каменской, изредка встречающаяся в керамических комплексах сабатиновской культуры (Гершкович 1997: 139, 141).

К последней уже давно отнесены памятники обиточненского типа (Погребова 1960: 89; Гершкович 1989а: 53). Поселение Обиточная-12, собственно, находится недалеко от ареала срубных поселений. А вот многослойное поселение Новорозановка II, которое, по мнению авторов исследований, по слою эпохи поздней бронзы близко памятникам не сабастиновского типа, а обиточненским, при раскопках которого также не выявлены столовая посуда западного типа и заметные по публикации специфически срубные черты¹⁷⁶, находится в Поингулье (Шапошникова, Неприна 1977: 52, 63—65), т. е., по моему убеждению, за пределами ареала срубной КИО (рис. 1).

С другой стороны, подобная ситуация наблюдается со срубной, по мнению А. С. Беляева, керамикой с поселения у с. Осиповка Днепропетровской обл., расположенного в пограничье степи и лесостепи Поднепровья, в долине р. Орели (Беляев 1977), т. е. в регионе, который чаще всего не включают в ареал сабастиновской культуры. Полагаю, отсутствие столовой посуды западного типа на поселениях Обиточная-12 и Новорозановка II можно объяснить столь ранней хронологической позицией этих памятников в системе сабастиновских древностей, что влияние западных культур (Монтеору, Ноуа, Кослодженъ) еще не успело достигнуть относительно далеких от их ареала территорий. В Днепровском же предстепье, на мой взгляд, при наличии трудно объяснимых ситуаций, обнаруживаются примерно те же, что и на других территориях ареала БМСК, по крайней мере, западных, основные тенденции в эволюции позднесрубного поселенческого керамического комплекса, раннесабастиновскую (по времени) стадию которого представляет, в частности, поселение Павлоград (Ромашко 1994: 55; 1995: 128—130, 132; Мухопад, Ромашко 1992: 12).

Как уже указывалось, постепенно выходит из употребления острореберная посуда, которая не выявлена при раскопках ряда позднесрубных поселений, например, Зимогорье (Пробейголова, Красильников 2010: 345), Николаевка (ср.: Привалова, Привалов 1987: 102), нескольких поселений в Нижнем Подонье (Шарафутдинова 1985: 162, 163,

167—168), срубного горизонта поселения Осиповка (Беляев 1977: 44), хотя, с другой стороны, встречается даже на некоторых постсрубных памятниках (Ромашко 2013: 214—215). В довольно поздних слоях некоторых срубных поселений появляется незначительное количество столовой керамики западного происхождения (Гершкович 1997: 143; 1998: 69, 72; Куштан 2012а: рис. 3: 6).

К сожалению, проблема культурно-хронологической атрибуции поселения Чикаловка, находящегося на юге лесостепного Поднепровья, на границе с предстепьем (Куштан 2006: 259), для меня пока остается открытой. Видимо, прав Д. П. Куштан, датирующий основной материал памятника не ранее позднесабастиновского времени, вопреки традиционному отнесению поселения в целом к раннему этапу сабастиновской культуры (Куштан 2006). Но по данным, которыми я располагаю, вряд ли можно однозначно решить, является этот материал хотя бы относительно целостным поликультурным комплексом «позднесабастиновского-раннебелозерского (или раннебелогрудовского) времени» (Гершкович 2005—2009: 588), т. е. переходного, или представляет два хронологических горизонта. Мало «типично сабастиновской посуды» в первом горизонте (Гершкович 2005—2009: 588) среди столовой керамики (Шарафутдинова 1964: 162 и сл., рис. 4: 7, 12; 5: 6, 7), часть которой не может быть датирована соответствующим образом (Куштан 2006). Типичнейшие для сабастиновской культуры «хлебцы», найденные в значительном количестве на Чикаловском поселении, как и некоторые сосуды (Куштан 2006), могут быть связаны и с белогрудовской культурой, а каменные яйцевидные предметы, подобные чикаловским, известны и для белозерского времени (Шарафутдинова 1964: 155, 156, 165, 166; 156, рис. 2 В; 163, рис. 6: 12—14; 164, рис. 7: 2—4, 6; Шарафутдинова 1982). Довольно заметна доля керамики восточного происхождения в рассматриваемой коллекции (ср.: Шарафутдинова 1964: 168), причем характерной для позднесрубных комплексов (Куштан 2006: рис. 1: 5; 2: 7, 11; 4: 5; 5: 9; 6: 4, 5, 13). Полагаю, не исключено, что условно позднесабастиновский (по времени) материал с поселения Чикаловка, если, конечно, он не составляет вместе с условно раннебелозерским по времени материалом целостного комплекса переходного периода, представляет один из позднейших комплексов бережновско-маевской срубной культуры (ср.: Ромашко 2013: 272; 392, 519, рис. 1: 85).

¹⁷⁶ «Некоторые венчики имеют воротничковидные уступы», характерные для керамики катакомбного времени Степного Поднепровья, но, если имеются в виду фрагменты, подобные проиллюстрированному (Шапошникова, Неприна 1977: 63; 64, рис. 7: 4), отличные от срубных, в частности, воротничков.

Глава 4. Культуры Сабатиновка и Ноуа

Объяснение близости культур Сабатиновка, Ноуа и Кослодженъ давно перестали сводить к контактам между их носителями (Шарафутдинова 1968; Березанская и др. 1986; Дергачев 1986; Тощев 1986а; Каврук 1988). Выше уже рассматривалась проблема общей западной подосновы. Упоминалась и точка зрения А.К. Флореску о влиянии культуры Ноуа на сложение сабатиновской. С похожими мнениями, выраженными некогда И.Н. Шарафутдиновой (1966: 30) и Е.Н. Черных (1976: 172—173), согласуется представление данных исследователей об относительной хронологии этих двух культур или типов памятников (Черных 1976: 158, рис. 58; Шарафутдинова 1982: 152), отличное от точек зрения большинства других специалистов. А.К. Флореску, отталкиваясь от концепции О.А. Кривцовой-Граковой, тесно связывал генезис культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка (культуры Ноуа — в меньшей степени) с переселением из Волго-Донского междуречья на запад носителей срубной (срубно-хвалынской) культуры, частично затронувшим часть территории современной Румынии и почти полностью уничтожившим автохтонный культурный фонд в Северном Причерноморье (Florescu 1964; 1967)¹⁷⁷. Некоторые исследователи уже давно понимали, что вклад срубных древностей в формирование культуры Ноуа¹⁷⁸ был мень-

шим, чем в сложение сабатиновских памятников, хотя и в контексте устаревшей концепции происхождения последних (Florescu 1964; Смирнова 1969; Лесков 1970: 57; Leskov 1981; ср., напр.: Sava 2002a: 238—240, 243—245; Сава, Кайзер 2011: 235—236). На мой взгляд, именно указанной в предыдущей фразе разницей можно объяснить то, что сабатиновская культура практически не унаследовала от предков традицию южной ориентировки погребенных, а восприняла в основном обычай восточной ориентации, характерный как для бережновско-маевской срубной культуры, так и для поздних бабинских погребений. В то же время культура Ноуа унаследовала, в частности, как восточную ориентировку, так и южную, характерную не для срубных захоронений, а для поздних погребений в основном днепро-днестровского варианта ДПБК.

Версии о том или ином участии сабатиновского компонента в формировании культуры Ноуа фактически уходят корнями еще в те времена, когда самостоятельная сабатиновская культура была признана еще далеко не всеми специалистами (Смирнова 1967; 1972; Балагурі 1971; Morintz 1978: 158, 202; Leskov 1981: 87, 98; Балагурі 1985; Крушельницька 1985: 31). Веские основания для синхронизации начала сложения культур сабатиновской и Ноуа, близкое сходство между сабатиновскими и бабинскими памятниками и другие результаты исследований привели В.И. Каврука к заключениям, что: «Погребальные памятники культуры Ноуа занимают в целом промежуточное положение между погребальными памятниками культуры Монтеору и КМК»; «Основными генетическими субстратами культуры Ноуа были культура Монтеору и КМК. При этом роль КМК в восточной части ареала культуры Ноуа была выше, чем к западу от Прута, где в культуре Ноуа обнаруживается больше черт культуры Монтеору... Сходство между культурами эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья, Нижнего Подунавья и Карпато-Днестровья было обусловлено прежде всего экономическими факторами. В то же время представляется вполне вероятным, что это сходство было вызвано также некоторой общностью происхождения этих культур (носители КМК при-

¹⁷⁷ Хотя, как указывалось выше, исследователь рассматривал этот генезис как результат синтеза западной группы катакомбной культуры и западных культур среднего бронзового века.

¹⁷⁸ Интересный в этом плане пример см.: Отрощенко 2001б: 170. Но я бы не стал подтверждать новыми материалами именно предположение А.К. Флореску, слишком жестко увязывавшего, отталкиваясь от концепции О.А. Кривцовой-Граковой (см. также, напр.: Черняков 1985: 16—17; Savtuc 1990: 125; Гершкович 2001—2002: 600), генезис культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка со срубной миграцией на запад (Florescu 1964: 176 ff.), представления о которой с 1960-х гг. существенно изменились (Отрощенко 2002), и придававшего слишком мало значения в сложении сабатиновской культуры местному субстрату (ср.: Черняков 1985: 17). Между тем, В.И. Кавруку удалось опровергнуть фактически только версию о позднесрубном компоненте сложения культуры Ноуа, которой придерживался ряд исследователей (Балагурі 1971: 393; Смирнова 1972: 31), но не о срубном вообще (Savtuc 1990: 125). До территории формирования культуры Ноуа в каком-то виде могли доходить срубные импульсы. Есть, например, свидетельства военных походов носителей бережновско-маевской срубной культуры в Прикарпатье (Клочко 2006: 155), которые могли осуществляться и накануне упомянутого формирования (как еще раньше в тот же и соседние регионы — походы племен покровской срубной культуры (Клочко 2006: 153,

157, 307)). Правда, мнение В.И. Клочко по поводу хронологического соотношения первой с культурами сабатиновской и Ноуа (Клочко 2006: 8, 174) отличается от разделяемого мною.

нимали участие в сложении культур: сабатиновской, Ноуа... возможно, Кослоджени; культура Монтеору была одной из основ сложения культуры Ноуа... и возможно, Кослоджени» (Каврук 1988: 6—7, 12, 17; Savruc 1990).

В основном присоединяюсь к этой позиции¹⁷⁹, фактически соответствующей давним выводам Г.И. Смирновой (1969: 64, 66¹⁸⁰), с отличиями, обусловленными главным образом устаревшей культурной атрибуцией могильника Калфа. При этом учитываются и хронологические ограничения существования булавки кипрского типа, отдельные из которых были найдены на поселениях культуры Ноуа (Бочкарев 2009: рис. 6: Б 1) и Сабатиновка I (Florescu 1964; Березанская и др. 1986: 77, 88, 97, 108; 109, рис. 33: 21). Видимо, главным образом, различия по признакам, характеризующим ориентировку скелетов и инвентарь погребений культур Ноуа и Сабатиновка, позволили объяснить их сходство, чрезвычайно близкое в материальной культуре, прежде всего экономическими факторами. А некоторой генетической общностью этих культур, общим компонентом сложения которых была КМК, объясняется сходство поз погребенных носителей культур многоваликовой керамики и Ноуа (Каврук 1988: 8—9, 17).

Но, как уже отчасти упоминалось, вероятно, сходство металлургии культур Ноуа и Кослоджень на раннем этапе не с бабинской, а с раннесабатиновской позволило в свое время В.А. Дергачеву прийти к следующему заключению. Отдельные раннесабатиновские группы населения, очевидно, из интереса к западным источникам металла, проникли в Восточное Прикарпатье и Нижнее Подунавье и содействовали формированию комплексов металлопроизводства культур Ноуа и Кослоджень и самих последних¹⁸¹, имевших обусловленную восточным фактором того же рода общую подоснову с культурой Сабатиновка, выразившуюся в том числе и в распространении в этих регионах кельтов типа Лобойковка-Голоууров (Дергачев

1997: 17, 18, 36—37, 45¹⁸²; см. также: Uşurelu 2006; 2010b: 46—53, 56—59; ср., напр.: Бочкарев 1990: 5). Однако, как уже указывалось, вряд ли группы сравнительно немногочисленных изделий Делень, Одэиле-Подарь и Попгруево (по Е. Ушурелу — см. Uşurelu 2010b: 36—43 ff.), производство которых в дальнейшем подверглось эволюции, можно считать результатом восприятия населением культур Ноуа и Кослоджень традиций именно сабатиновской культуры, или же генетических связей между обозначенными культурными формированиями.

Не возражая против мнения многих исследователей о заметном участии «восточных» элементов (бабинских, срубных) в генезисе культурного комплекса Ноуа-Сабатиновка, полагаю, что вклад бабинских древностей в сложении культур Ноуа, особенно к западу от Прута, и Сабатиновка далеко не равнозначен (Тоцев 1982: 17; Каврук 1988: 10—12, 17; Gerškovič 1998: 324; Sava 1998; 2002a; Сава, Кайзер 2011: 235—236; Литвиненко 2009a: 75—76; Uşurelu 2010b: 47). Первая «западной формой» культуры Сабатиновка (Савва 2003: 149) не является (Березанская, Шарафутдинова 1985: 490; Иванова 2004: 38). Также не может быть и речи о «другой интерпретации» западного варианта сабатиновской культуры (Черных 1983: 83; Дергачев 1986: 174, рис. 49: г-32; 1997: 47—48; Nicic 2008: 272; Литвиненко 2009a: 90), учитывая, прежде всего, принципиальные, на мой взгляд, различия в погребальных памятниках тех же двух культур (Florescu 1964; Дергачев 1986; Каврук 1988; Ванчугов 1990: 127, 129; Sava 2002a; Sava, Agulnikov 2003; ср.: Sava 1998: 297; 2003: 27, 46; Крушельницка 2006: 99—101; Агульников 2008: 124)¹⁸³. С моей точки зрения, именно указанные памятники, относящиеся к культуре Ноуа, довольно заметно выпадают из неоднократно упоминавшейся, в частности, Е. Н. Сава, унификации «погребального обряда в эпоху поздней бронзы от Подунавья до Каспийских степей» (Sava 2002a: 239, 244), «но особенно в степной зоне Северного

¹⁷⁹ Кроме того, я присоединяюсь к исследователям, предполагающим участие культуры Монтеору в формировании сабатиновской.

¹⁸⁰ Важно подчеркнуть, что погребальный инвентарь культуры Ноуа, среди которого преобладает керамика автохтонного (для ареала первой) происхождения, характеризует такое же происхождение не только соответствующей материальной культуры, но и, что не отметила Г.И. Смирнова, духовной (в данном случае — норм погребального обряда).

¹⁸¹ В.И. Каврук даже считает подобную точку зрения ныне почти общепринятой (Savruc 2013: 6).

¹⁸² Относительно свободное межареальное передвижение носителей этих культур обеспечило обмен идеями, взаимное производство и распространение общих для них типов металлических предметов, получение сабатиновским населением, отчасти, многих восточнокарпатских и нижнедунайских готовых бронзовых изделий.

¹⁸³ Сдвигающееся в последнее время с мертвой точки изучение погребальных памятников культуры Кослоджень (Constantin et al. 2013) не показывает их сколько-нибудь близкого сходства с таковыми сабатиновской культуры (ср., напр.: Савва 2003: 148).

Причерноморья» (Сава 1994: 29), несмотря на «однородность практически во всех компонентах материальной культуры... в комплексе культур Ноуа-Сабатиновка» (Савва 2003: 149) (ср.: Sava 2002a: 239, 244). Несоответствие такой унификации выражается, прежде всего, в неустойчивой ориентировке умерших в погребениях культуры Ноуа при общем преобладании северо-западной, сближающей последние с погребальным обрядом культуры Монтеору, а не восточных (рис. 3) (Sava, Agulnikov 2003: 122, fig. 3; 2003: 41; ср. Sava 2002a: 140 ff.). Существенно и то, что наиболее характерным погребальным инвентарем для культуры Ноуа является столовая керамика, относящаяся (по крайней мере, морфологически) к «западным» традициям, с которыми связаны и некоторые сосуды, не относящиеся к столовым, из захоронений культуры Ноуа (Sava 2002a; ср., напр.: Агульников 2008: 124). Аналогии таким сосудам отсутствовали в известных мне могилах сабабиновской культуры, хотя подобные некоторым более или менее редко встречались в бабинских и срубных. Наконец, достоверно не известно ни одного основного курганного погребения культуры Ноуа (ср., напр.: Федоров, Полевой 1973: 88 и Sava 2002a: 114; 128, Karte 3: 11). По мнению Е. Н. Савва, «преобладание канфаросов и чаш в погребениях указывает на то, что эти типы сосудов воспринимались носителями культуры Ноуа как престижная категория погребального инвентаря» (Sava 2002a: 238)¹⁸⁴. Напрашивается противопоставление: ни сабабиновское, ни, тем более, бабинское и срубное население не воспринимало подобную посуду указанным образом¹⁸⁵, а чаще помещало в погребения кухонную керамику (ср.: Sava 2003: 27). Срубники, правда, нередко использовали в качестве погребального инвентаря столовые сосуды, но совершенно другие, как иным было и вообще понятие о парадной посуде (Ковальова, Волкобой 1976: 16, 18—19; Gerškovič 1999: 75). Если при этом учесть, что по количеству находок столовой керамики западного типа на поселениях сабабиновская культура не столь существенно, как по наход-

кам соответствующего погребального инвентаря, уступает культуре Ноуа (Сава, Кайзер 2011: 235; ср.: там же: 238)¹⁸⁶, то можно говорить о разных идеологических представлениях и даже разной этнопсихологии.

Интересно, что по некоторым чертам культура Ноуа в большей степени отличается от сабабиновской, чем от бережновско-маевской срубной. Так, как известно, для культуры Ноуа характерны в основном бескурганые могильники, как и для БМСК, но в отличие от сабабиновской культуры, что уже затрагивалось выше¹⁸⁷. Большинство погребений культуры Ноуа, как и срубных, сопровождалось инвентарем, в отличие от большей части сабабиновских (Sava 2002a; Отрощенко 2002: 12; Sava, Agulnikov 2003: 113, 122, 124). Для керамики сабабиновской культуры, в частности, погребальной, не характерен геометрический (Бруяко 2005: 16), вообще прочерченный орнамент, чего не скажешь о посуде культур Кослоджень (Ванчугов 1993: 29—33, 35, 38), Ноуа (Sava 2002a: 36—42 ff.), а также о срубной (Березанская, Чердиченко 1985: 467) (рис. 7—9). Вообще, керамика культуры Ноуа

¹⁸⁶ По мнению Е. Н. Сава, такие формы, как чаши и канфаросы, на поселениях типа Ноуа-Сабатиновка встречаются редко (Sava 2003: 27).

¹⁸⁷ Как уже отмечалось, впускные в курганы погребения у некоторых исследователей скорее ассоциируются с грунтовым обрядом. Вполне возможно, что соответствующее население воспринимало при этом курганы как часть ландшафта. Но если носители культуры Ноуа, располагавшие могильники на возвышенностях (плато, холмах) (Sava 2002a: 48 ff.), исходя из имеющихся ныне данных, предпочитали, в отличие от населения сабабиновской культуры, не использовать древние курганы для совершения захоронений, то и соответствующее различие носит, вероятно, этнопсихологический характер. Кроме того, курганно-грунтовые некрополи и одиночные курганы с впускными погребениями культуры Ноуа известны главным образом (по поводу исключений см., напр.: Дергачев 1986: 158) на востоке ее ареала (Sava 2002a), где жило смешанное по культурному составу население (Отрощенко 2001б: 170). Судя по подписи к иллюстрации (Отрощенко 2001б: 281, мал. 35), в курган 3 у с. Бурланешты были впущены погребения сабабиновской культуры, а рядом исследованы грунтовые захоронения культуры Ноуа (ср.: Отрощенко 2001б: 170). В расположенном южнее (совсем близко к ареалу сабабиновской культуры) могильнике культуры Ноуа Кирилень (Sava 2002a: 57—60; Taf. 21—32), на мой взгляд, еще заметнее, что будто бы, чем ближе к срединам курганов, тем, как правило, погребения по различным признакам ближе к типичным сабабиновским, а в полах и особенно за пределами насыпей преобладают отличные от типичных сабабиновских. В самом северном курганно-грунтовом некрополе культуры Ноуа — Перерыта (Sava 2002a: 61—70; Taf. 34—63) — подобное можно разве что обнаружить на уровне тенденции. Тем не менее, я не рискнул бы объяснять это столь упрощенно, как В. В. Отрощенко в упомянутой подписи к иллюстрации.

¹⁸⁴ Именно в ареале культуры Ноуа (не восточнее) традиции изготовления двуручных ваз уходят корнями в очень древние времена (Смирнова 1972: 31; Sava 2002a: 157, 222), хотя технологически такие сосуды этой культуры отличаются от своих прототипов (см., напр.: Сава, Кайзер 2011: 236—237).

¹⁸⁵ Или наоборот, носители сабабиновской культуры воспринимали ее именно так (Sava 1998: 283), но только если предположительно иметь в виду, что престижную посуду помещали в нерядовые погребения, однако тогда этого нельзя сказать насчет культуры Ноуа.

орнаментировалась чаще и разнообразнее, чем сабатиновская (Niciş 2008; Парцингер 2013: 41, 42). Е. Н. Сава выделил 13 основных типов погребальной керамики культуры Ноуа (Sava 2002a: 25—35 ff.) и всего 8 — сабатиновской культуры (Sava, Agulnikov 2003: 123—129, 132, 133). И все это не помешало ему охарактеризовать главные элементы погребального обряда комплекса Ноуа-Сабатиновка как типологически гомогенные (Sava 2003: 46). Во введении рассматривались некоторые особенности металлопроизводства культур сабатиновской, Ноуа и Кослоджень. Сабатиновская культура, при всем ее своеобразии, и срубная общность представляют древнейшие великие степные общества (Массон 1998: 262—264, 267), как, впрочем, и культуры круга Бабино. То же вряд ли можно сказать о культуре Ноуа, несмотря на наличие определенных степных элементов (Березанская и др. 1986: 114). Соответственно, археологической культуры Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень (Куштан 2006: 259) или Ноуа-Сабатиновка (Сава, Кайзер 2011: 6 и др.), по моему убеждению, нет. Слово «тип» к комплексу культур Ноуа-Сабатиновка (Sava 2003: 27; Сава, Кайзер 2011: 6, 441; Sîrbu 2012; 2013), на мой взгляд, также не подходит. Обычно под первым подразумевается часть археологической культуры или совокупность древностей, в силу тех или иных обстоятельств «не дотягивающая» до статуса культуры.

Е. Н. Сава, справедливо утверждая о бесспорном значении «восточных» элементов (КМК, срубных) в генезисе блока культур Ноуа-Сабатиновка (Sava 2003), считает, как и его единомышленники, что и в культуре Ноуа более значимы «восточные» черты, а не «западные» элементы (Sava 1998: 269—272 ff.; Сава, Кайзер 2011: 234—239; Uşurelu 2010b: 47; Motzoi-Chicideanu 2011: 693). Причем, по его мнению, объем последних «в восточной части ареала (Бессарабия) минимальный, однако доля “восточных” элементов в западной части ареала (Трансильвания) весьма значительна», «“западные” традиции (Монтеору, Витенберг, Комаров/Костиша) выявляются только в некоторых керамических формах и системах орнамента, а “восточные”... присутствуют не только в керамическом комплексе, но и во всех остальных элементах погребального обряда — ориентировке и положении погребенных, форме погребальных сооружений и т. д.» (Sava 2002a: 238—240 etc.)¹⁸⁸.

Однако, на мой взгляд, добротная публикация материалов (Sava 2002a) скорее подтверждает выводы, давно сделанные Г. И. Смирновой (1969: 64, 66), устаревшие фактически лишь в части культурной атрибуции могильника Калфа и обоснованно скорректированные В. И. Кавруком.

Ориентировка умерших, преобладающая в погребениях культуры Ноуа, более сближает последнюю с культурой Монтеору, а не с восточными культурными образованиями периода, непосредственно предшествовавшего становлению культуры Ноуа. Принципиальным представляется то, что северо-западная ориентировка наиболее часта и на самом восточном могильнике культуры Ноуа — Кирилень, хотя существенная часть костяков ориентирована на восточный сектор и на север (Sava 2002a: 57—60; 126, Karte 1: 3; 127, Karte 2; 137, Abb. 25; Taf. 21—32; ср.: Sava 2002a: 136, 224). Абсолютно преобладает ориентировка погребенных в западном направлении, в основном на северо-запад, в могильнике Островец на Ивано-Франковщине, а также среди захоронений в Пруто-Сиретском междуречье (Sava 2002a: 73—97 ff.). Правда, на могильнике Перерыта преобладает восточная ориентировка скелетов, хотя существенная часть погребенных ориентирована в юго-западный сектор, на бескурганном могильнике Старые Бедражи — юго-восточная, в Бурланештах — южная, что обеспечило преобладание ориентировки в юго-восточный сектор в целом по Днестровско-Прутскому междуречью (Sava 2002a: 48—57 ff.). Преобладает ориентировка костяков в восточном секторе, особенно восточная и юго-восточная, в погребениях культуры Ноуа в Трансильвании (Sava 2002a: 98—110 ff.; 2003: 41), что, пожалуй, в наибольшей степени согласуется с приведенной концепцией Е. Н. Сава.

В отличие от культур круга Бабино и срубной общности, для культуры Ноуа столовая керамика «западного» происхождения является наиболее характерным инвентарем в погребениях, среди которых, к тому же, достоверно неизменно ни одного основного в кургане. Судя по картам (Sava 2002a: 197—208, Karten 4—16, 21—26)¹⁸⁹, зона контактов культуры Ноуа с западными соседями не обнаруживает сколько-нибудь существенных преимуществ по количеству находок в погребениях сосудов какого-либо из более или менее

скорченности погребенных, некоторые типы погребальных сооружений и пр. (Sava 2002a: 131—135 ff.).

¹⁸⁹ По поводу происхождения черпаков комплекса культур Ноуа-Сабатиновка см. выше.

¹⁸⁸ В то же время Е. Н. Сава считает универсальными или характерными как для восточных, так и для западных культурных образований положение и степень

распространенных вариантов, прямо связываемых Е. Н. Сава с «западными» культурами, а некоторых в захоронениях найдено даже больше на востоке ареала последней (ср.: Sava 2002a: 152 ff.). На картах распространения орнаментов, связываемых исследователем с «западными» культурами (Sava 2002a: 208, Karte 27; 209, Karten 28, 29; 211, Karten 32, 33; 212, Karte 34), только один из относительно распространенных узоров — в виде каннелюр (KLV E4) — выделяется тем, что содержится в основном на сосудах, найденных, за одним исключением, на западной окраине ареала культуры Ноуа (ср.: Sava 2002a: 192, 226, 232, 238, 243). На концентрацию сосудов из погребений и орнаментов типов (вариантов), находящихся, по мнению Е. Н. Сава, прямые аналогии в культурах многоваликовой керамики, срубной, сабастиновской, именно в восточной зоне ареала культуры Ноуа исследователь указывает и в тексте (Sava 2002a: 157—164 ff.). Следует отметить, что наколы и особенно проколы не являются характерными для сабастиновской (ср.: Sava 2002a: 171) (тем более погребальной) и бабинской керамики. Срубной посуде они более свойственны. Но такой орнамент характерен и для комаровской культуры (Дергачев 1986: 150—152; Sava 2002a: 171). Сосуды из погребений культуры Ноуа с таким орнаментом найдены в основном в зоне ее непосредственных контактов именно с комаровской культурой (Sava 2002a: 171; 209, Karte 29), и соответствующее происхождение такого орнамента в этой культуре, на мой взгляд, наиболее вероятно (ср.: Sava 2002a: 221, 226, 232, 238, 243).

Грунтовые погребения присущи Днепро-Прутской бабинской культуре, что Е. Н. Сава отрицает, и срубной культурно-исторической общности, не говоря о курганных комплексах, но, в отличие от культуры Ноуа, не преобладающие бескурганых. Правда, основная концентрация курганно-грунтовых некрополей и одиночных курганов с погребениями культуры Ноуа наблюдается именно на той территории, где, как и поблизости, известны бабинские не только курганные погребения, но и грунтовые могильники (Дергачев 1986: 128; 123, рис. 30; Sava 2002a: 5, 53—71 ff.). Если и можно допускать неоднозначность происхождения бескурганного обряда захоронений культуры Ноуа, то происхождения обычая впуска погребений в более древние курганы следует связывать в основном с ДПБК, но последний не характерен для большей части ареала культуры Ноуа. Таким образом, на мой взгляд, «восточные» черты больше проявляются на востоке ареала культуры Ноуа, а объем «запад-

ных» элементов даже там, в первоначальном, по мнению Е. Н. Сава, ареале культуры Ноуа (Sava 2002a: 226, 233, 238, 240, 243), отнюдь не минимальный (Круц 1997: 540). Причем последние присущи не только керамике, но и, как видим, в значительной степени ориентировке погребенных. Более того, «западные» элементы налицо, хотя и в меньшем объеме, и в памятниках сабастиновской культуры (Сава, Кайзер 2011: 235—239), в т. ч. в ранних (Гершкович 1997: 143), включая часть погребений Днестровско-Прутского междуречья. По мнению Е. Н. Сава, в памятниках культур Ноуа и тем более Сабастиновка свидетельств, которые бы указывали на наличие элементов или культурно-типологических влияний, например, культуры Витенберг или Монтеору, очень мало (Sava 2003: 46; Сава, Кайзер 2011: 235—239; ср., напр.: Бочкарев 2009: 363). Что ж, во всяком случае, тем самым исследователь признает, что таких свидетельств больше в памятниках культуры Ноуа, чем в сабастиновских. На мой взгляд, разницей в соотношении вклада «восточных» и «западных» элементов в формирование тех же двух культур в основном и обусловлены различия между последними. Разделяя, как уже отмечалось, системный подход к проблемам культурогенеза, я, тем не менее, против того, чтобы процессы сложения культур сабастиновской и Ноуа рассматривать в полном единстве.

По сведениям И. Т. Чернякова, антропология подтверждает «археологические данные о связи населения позднебронзового века Северо-Западного Причерноморья с населением более раннего времени, об антропологической близости племен сабастиновской культуры и культуры Ноуа» (Черняков 1985: 144)¹⁹⁰. В отличие от степей Приднепровья, на крайнем юго-западе Северного Причерноморья в эпоху средней и поздней бронзы, по мнению С. И. Круца, локализовались массивные протоевропейцы¹⁹¹. При этом население восточных районов культуры Ноуа сформировалось

¹⁹⁰ Правда, в работе, на которую при этом сослался И. Т. Черняков, с краниологическими материалами из погребений культуры Ноуа сравниваются черепа из захоронений ямной и катакомбной культур, а не сабастиновской (Зиневич 1970: 166—167). Из обработанных Г. П. Зиневич краниологических материалов, приводимых в ее статье, малочисленные происходят из погребений эпохи поздней бронзы, которые, на мой взгляд, не могут достоверно считаться сабастиновскими.

¹⁹¹ Не исключено, что имеются в виду только носители Днепро-Прутской бабинской культуры разных ее этапов (см. также: Сегада 2005: 319) или, в том числе, антропологические материалы из погребений, не поддающихся точной культурной атрибуции (то ли бабинских, то ли сабастиновских).

на базе групп КМК Буджакских степей (Круц 1997: 537—540; Сегеда 2005: 319). Но роль соответствующего восточного компонента убывает в западном направлении; на западе ареала культуры Ноуа распространены западные антропологические элементы, которым присущи признаки, характерные для культуры Монтеору (Великанова 1975: 38, 44, 48, 50; Круц 1997: 539—540). Сравнительно немногочисленные довольно плохо сохранившиеся краниологические серии из могильников ДПБК Калфа и культуры Ноуа Старые Бедражы, в отличие от вышеупомянутых приднепровских тех же периодов, более близки к срубным черепам Нижнего Поволжья¹⁹², чем Среднего (Великанова 1975: 32, 38; Шарафутдинова 1982: 85; ср.: Круц 1985: 533). Измерены два черепа из бабинских погребений кургана, исследованного недавно в степном Буго-Днестровском междуречье: один небольших размеров, грацильный, другой массивный (Литвинова 2012: 245, 246).

Хотя и можно говорить о генетическом родстве культур Сабатиновка и Ноуа, в целом погребальные памятники последней выпадают из того единства погребального обряда, которое демонстрируют памятники той же категории сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур. Но чуть ли не однородна, хотя и не тождественна, материальная культура в пределах блока Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень, чего не скажешь о первой в отношении сабатиновской и бережновско-маевской срубной культур. На мой взгляд, это характеризует в основном горизонтальные связи или контакты. О том, что таковые между культурами сабатиновской и Ноуа со временем крепили, наиболее ярко свидетельствует сближение их металлургии в относительно поздние периоды (Leskov 1981: 86—88). Обычно считается, что на сабатиновских поселениях со временем возрастает доля столовой посуды (Черняков 1985: 82—84; Ромашко 2013: 224) западного, как уже неоднократно указывалось, происхождения, т.е. характерной, в частности, для культуры Ноуа.

Долго не происходило слияния культур сабатиновской и Ноуа. Есть основания предполагать переселение накануне периода финальной бронзы части носителей культуры Ноуа на восток¹⁹³, смешение с остатками са-

батиновского населения и ее участие в формировании белозерской культуры. В последней, возможно, в результате этого распространяются южная ориентировка погребенных, грунтовые и курганно-грунтовые могильники, появление в погребениях столовой посуды¹⁹⁴. Наблюдается и определенная антропологическая близость носителей культур Ноуа и белозерской (Черниенко 2009: 387, там же библиография; Мелюкова 1979; Ванчугов, Иванова 2013: 341). Недавно В. А. Подобед и В. В. Цимиданов высказали мысль о том, что белозерская культура связана «своим происхождением в большей степени с западными культурами (прежде всего, Ноуа)... чем со срубной и сабатиновской» (Подобед, Цимиданов 2010: 109). И хотя в работах, на которые при этом сослались эти авторы, точно такого не написано, версия заслуживает внимания. Ведь большинство тех элементов белозерской культуры, которые обычно считаются наследием сабатиновской, присущи и культуре Ноуа. Но среди наследия последней в белозерской культуре есть элементы, отсутствующие в сабатиновской культуре. Например, А. Ничик выделяет в белозерской культуре 24 элемента орнамента традиции Ноуа, 20 — Кослоджень и лишь 13 — культуры Сабатиновка (Nicić 2008: 108 ff.). Не претендуя ни в коей мере на окончательное решение рассмотренных проблем, надеюсь обратить на них более серьезное внимание коллег.

хождения в Северном Причерноморье продвижением туда племен культуры Ноуа, сам в той же самой монографии не исключал вытеснения фракийцами части населения этой культуры «на территорию родственных им племен сабатиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье» (Черняков 1985: 18, 150). На мой взгляд, фактически проблема сводится лишь к тому, связано упомянутое обилие с уже начавшимся переселением носителей культуры Ноуа на сабатиновскую территорию или еще не с ним.

¹⁹⁴ Эти черты, нехарактерные для сабатиновской культуры, как бы подчеркивают вмешательство именно другой культуры, а не другого локального варианта той же. Как известно, не обошлось здесь и без культур раннего гальштата. Упомянутые и другие существенные изменения, происшедшие в эпоху финальной бронзы, не позволяют В. В. Отрощенко видеть какую-либо постепенность перехода от сабатиновского погребального обряда к белозерскому (Отрощенко 2001б: 181). Немногочисленные выделенные погребальные комплексы, имеющие черты как сабатиновской, так и белозерской культуры (Агульников 2002: 177—180), по мнению С. М. Агульникова (2004б: 50), смешанные сабатиновско-белозерские, на мой взгляд, говорят лишь о том, что этот переход не мог быть мгновенным. Интерпретация первых как «взаимовлияния» этих культур (Агульников 2002: 177, 180) некорректна, т.к. влияние белозерской культуры на более раннюю сабатиновскую исключено.

¹⁹² С. И. Круц выделяет по антропологическому составу из всех срубников соответствующее население этого региона и Приазовья (Круц 1997: 539; см. также, напр.: Литвиненко 1992а: 12—13).

¹⁹³ И. Т. Черняков, отнесясь скептически к объяснению Л. А. Новиковой обилия кладов западного проис-

Литература

- Агульников С. М. 1998. Погребальные комплексы культуры многоваликовой керамики междуречья Кагул-Прут. В: Тощев Г. Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК)*. Запорожье: ЗГУ, 65—70.
- Агульников С. М. 2001. Погребения эпохи бронзы на поселении культуры Гумельница у пгт. Тараклия. *ССПК IX*, 87—94.
- Агульников С. М. 2002. Погребальные комплексы позднесабатиновского-раннебелозерского времени в Пруто-Днестровском междуречье. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V век н.э.)*. Мат-лы III Междунар. конф. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГКУ, 176—181.
- Агульников С. М. 2004а. Компоненты культуры Ноа в белозерской погребальной обрядности. *ССПК XI*, 3—10.
- Агульников С. М. 2004б. Формирование погребального обряда белозерской культуры в Северо-Западном Причерноморье. В: Niculiță I., Zancosi A., Postică Iu. (red.). *Thracians and Circumpontic World. IXth International Congress of Thracology. Rezumate — Summaries*, 6—11 sept. 2004, Chișinău — Vadul lui Vodă. Chișinău: Reclama, 49—51.
- Агульников С. М. 2008. Могильник сабатиновской культуры в кургане 1 у с. Твардица (некоторые проблемы погребального обряда периода поздней бронзы Пруто-Днестровского междуречья). *Revista Arheologică S. N. IV* (2), 124—138.
- Агульников С. М. 2010. Некоторые особенности погребального обряда Белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Индоевропейская история в свете новых исследований*. (Сб. тр. конф. памяти проф. В. А. Сафронова). Москва: МГОУ, 183—192.
- Агульников С. М., Бубулич В. Г. 1998. Погребения финального этапа эпохи средней бронзы степной зоны Р. Молдова. В: Тощев Г. Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК)*. Запорожье: ЗГУ, 135—142.
- Агульников С. М., Малюкевич А. Е. 2010. Погребальные комплексы сабатиновской культуры в курганах Днестровского Правобережья. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Индоевропейская история в свете новых исследований*. (Сб. тр. конф. памяти проф. В. А. Сафронова). Москва: МГОУ, 173—182.
- Алексеев и др. 1993: Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р. 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. *Публикации Информационно-исследовательского института «Ермаков». Малая серия 1*. Санкт-Петербург: Информационно-исследовательский институт «Ермаков».
- Балагури Е. А. 1971. Культура Ноа. В: Телегин Д. Я. (відп. ред.). *Археологія Української РСР*. Т. 1. Київ: Наукова думка, 385—393.
- Балагури Э. А. 1985. Культура Ноа. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 481—489.
- Беляев О. С. 1977. Розкопки поселення доби бронзи поблизу с. Йосипівка. *Археологія* 22, 40—48.
- Березанская С. С. 1960. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. *СА* (4), 26—41.
- Березанская С. С. 1982. *Северная Украина в эпоху бронзы*. Киев: Наукова думка.
- Березанская С. С. 1985. Комаровская культура. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 428—437.
- Березанская С. С. 1987. Культурно-хронологические взаимоотношения между сабатиновской и срубной культурами на территории Украины. В: Шилов В. П. (отв. ред.). *Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС*. Тез. докл. Всесоюзной конф. Суздаль, 1987 г. Москва: Наука, 38—40.
- Березанская С. С. 1990. *Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце*. Киев: Наукова думка.
- Березанская С. С. 1997. Сравнительная характеристика сабатиновской и срубной культур на территории Украины. В: Ключинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы*. Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 4—6.
- Березанская С. С. 1998. КМК — культура или керамический стиль. В: Тощев Г. Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК)*. Запорожье: ЗГУ, 60—65.
- Березанская и др. 1986: Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. 1986. *Культуры эпохи бронзы на территории Украины*. Киев: Наукова думка.
- Березанская и др. 1994: Березанская С. С., Цвек Е. В., Ключко В. И., Ляшко С. Н. 1994. *Ремесло эпохи энеолита — бронзы на Украине*. Киев: Наукова думка.
- Березанская С. С., Чередниченко Н. Н. 1985. Срубная культура. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 462—473.
- Березанская С. С., Шарафутдинова И. Н. 1985. Сабатиновская культура. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 489—499.
- Березанська С. С. 1964. *Бронзовий вік на Україні*. Київ: Наукова думка.
- Березанська С. С., Отрощенко В. В. 1997. Етнічний склад населення. В: Станко В. Н. (відп. ред.). *Давня історія України*. Т. 1 (II). Київ: Наукова думка, 387—422.
- Берестнев С. И. 1997. К проблеме соотношения культур эпохи бронзы в Восточноукраинской лесостепи. В: *Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рожд. акад. Д. И. Багалея*. Тез. докл. науч. конф. 16—18 апреля 1997 г. Харьков: АО «Бизнес Информ». URL: bronzalib.parod.ru/b/berestnev1997.html. Дата обращения 12.11.2013 г.
- Берестнев С. И. 2001. *Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (III тыс. до н. э.)*. Харьков: ПФ Амет.
- Бочкарев В. С. 1982. Развитие общества и прогресс систем вооружения. (По материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы). В: Аракелян Б. Н., Массон В. М., Ханзадян Э. В.

- (редколл.). *Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа* (20—24 октября 1982 г.). Тез. докл. Всесоюзного симп., посв. 60-летию образования СССР. Ереван: АН Арм. ССР, 19—22.
- Бочкарев В.С. 1990. Факторы развития металлообработки производящего производства южной половины Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. В: Кершнер-Горбунова Н.Г., Качалова Н.К. (ред. колл.). *Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа)*. Краткие тез. докл. науч. конф., посв. 90-летию со дня рожд. Б.А. Латынина. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 4—5.
- Бочкарев В.С. 1991. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы. В: Массон В.М. (отв. ред.). *Социогенез и культурогенез в историческом аспекте*. Мат-лы методолог. сем. ИИМК АН СССР. Санкт-Петербург: ИИМК АН СССР, 24—27.
- Бочкарев В.С. 1993. Концептуальные основы хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы. В: Массон В.М., Бочкарев В.С. (отв. ред.). *Новые открытия и методологические основы археологической хронологии*. Тез. докл. конф. *Археологические изыскания 7*. Санкт-Петербург, 42—43.
- Бочкарев В.С. 1995а. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза. В: Бочкарев В.С. (отв. ред.). *Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы*. Мат-лы конф. 21—25 августа 1995 г., Саратов. *Археологические изыскания 25*. Санкт-Петербург, 18—29.
- Бочкарев В.С. 1995б. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы. (По материалам южной половины Восточной Европы). В: Васильев И.Б. (отв. ред.). *Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.)*. Межвуз. сб. науч. тр. Самара: СамГПУ, 114—123.
- Бочкарев В.С. 2009. Металлические булавки с кольцевидной головкой эпохи поздней бронзы из юго-западного региона Восточной Европы. В: Васильев С.А. (отв. ред.). *С.Н. Бибиков и первобытная археология*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 357—365.
- Бочкарев В.С. 2010а. Металлические топоры-кельты Европы эпохи поздней бронзы. В: Бочкарев В.С. *Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Инфо Ол, 119—123.
- Бочкарев В.С. 2010б. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы. В: Бочкарев В.С. *Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Инфо Ол, 164—171.
- Бочкарев В. 2013. Эпоха бронзы в Восточной Европе. В: Пиотровский Ю.Ю. (науч. ред.). *Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Чистый лист, 47—64.
- Бочкарев В.С., Лесков А.М. 1978. О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом. В: Басин С.Г., Васильев И.Б., Качалова Н.К., Кубарев Е.М., Матвеева Г.И., Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д., Шилов В.П. (ред. колл.). *Древние культуры Поволжья и Приуралья. Научные труды 221*. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева, 23—26.
- Братченко С.Н. 1971. Памятники багатоваликовой керамики. В: Телегин Д.Я. (відп. ред.). *Археологія Української РСР*. Т.1. Київ: Наукова думка, 334—343.
- Братченко С.Н. 1977. Погребения срубной культуры. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье*. Киев: Наукова думка, 12—17.
- Братченко С.Н. 1985а. Каменско-ливенцовская группа памятников. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т.1. Киев: Наукова думка, 458—462.
- Братченко С.Н. 1985б. Культура многоваликовой керамики. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т.1. Киев: Наукова думка, 451—458.
- Братченко С.Н. 2006. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. *Матеріали та дослідження з археології Східної України*. Зб. наук. праць 6. Луганськ, 32—340.
- Братченко С.Н., Гершкович Я.П. 2003. Бахмутовская курганная группа. *Матеріали у дослідження по археології Восточної України*. Сб. науч. тр. 1. Луганск, 247—277.
- Бровендер Ю.М. 2001а. Домостроительство населения бережновско-маевской срубной культуры Донецкого края. В: Колев Ю.И. (отв. ред.). *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*. Мат-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23—28 апреля 2001 г. Самара: ООО «НТЦ», 341—347.
- Бровендер Ю.М. 2001б. Итоги исследований поселений срубной общности в среднем течении Северского Донца. В: *Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона*. Мат-лы 5-го Укр.-Росс. полевого археол. сем. Киев — Воронеж, 18—23. URL: bronzalib.narod.ru/b/brovender2001.htm. Дата обращения 12.11.2013 г.
- Бровендер Ю.М. 2007. Находки деталей конской упряжки в контексте Донецкого горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы. *Матеріали та дослідження з археології Східної України 7*, 224—234.
- Бровендер Ю.М. 2008. Новые свидетельства о колесницах срубной общности на Северском Донце. В: Василенко А.И. (авт. проекта). *Происхождение и распространение колесничества*. Сб. науч. ст. Луганск: Глобус, 197—203.
- Бровендер Ю.М. 2010. Поселение Червонэ озеро-3 Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы. *Донецький археологічний збірник 13/14*, 203—221.
- Брумяко И.В. 2005. *Ранние кочевники в Европе X—V вв. до Р.Х.* Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Ванчугов В.П. 1987. Памятники tudоровского типа в Северо-Западном Причерноморье. (К вопросу о белозерской культуре). В: Артеменко И.И. (отв. ред.). *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины*. Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 114—131.
- Ванчугов В.П. 1990. *Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры*. Киев: Наукова думка.
- Ванчугов В.П. 1993. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья. В: Ванчугов В.П. (отв. ред.). *Древности Причерноморских степей*. Киев: Наукова думка, 28—39.
- Ванчугов В.П. 1999. О погребениях сабатиновской

- культуры в Днестро-Дунайском междуречье. КС ОАО, 58—62.
- Ванчугов В.П. 2000. Проблема погребального обряда сабастиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье. *Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження*. 36. наук. робіт, присв. 135-річчю ОДУ ім.І.І.Мечникова. Одеса, 39—56.
- Ванчугов В.П. 2013. Сабастиновская культура. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию НАНУ)*. Одесса: СМІЛ, 293—315.
- Ванчугов В.П., Иванова С.В. 2013. Бронзовый век Северо-Западного Причерноморья. Историко-археологический очерк. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию НАНУ)*. Одесса: СМІЛ, 335—342.
- Ванчугов В.П., Черняков И.Т. 1984. Северо-Западное Причерноморье на рубеже эпох бронзы и железа. В: Черняков И.Т. (отв. ред.). *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 5—24.
- Ванчугов и др. 1991: Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1991. *Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка.
- Васильев и др. 1993: Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1993. Периодизация культур бронзового века Волго-Уральского региона. В: Массон В.М., Бочкарев В.С. (отв. ред.). Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тез. докл. конф. *Археологические изыскания 7*. Санкт-Петербург, 66—68.
- Васильев и др. 1995: Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1995. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье. (Краткое изложение концепции). В: Васильев И.Б. (отв. ред.). *Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.)*. Межвуз. сб. науч. тр. Самара: СамГПУ, 5—37.
- Васильев и др. 2000: Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. 2000. Ямная и полтавкинская культуры. В: Кабитов И.С. (гл. ред.). *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век I*. Самара: Самарский науч. центр РАН, 6—64.
- Великанова М.С. 1975. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. Москва: Наука.
- Винокур И.С., Телегин Д.Я. 2008. *Археологія України. Підручник для студентів історичних спеціальностей вищих навчальних закладів*. Вид. друге, доповнене і перероблене. Тернопіль: Навчальна книга — Богдан.
- Герасименко Н.П., Горбов В.Н. 1996. Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья. В: Горбов В.Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век) II*. Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 47—49.
- Гершкович Я.П. 1982. Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней-поздней бронзы кургана у с. Пришиб. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наукова думка, 46—61.
- Гершкович Я.П. 1989а. К вопросу о памятниках «обиточенского» типа. В: Толочко П.П. (відп. ред.). *Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР*. Тези доп. XX Респ. конф. Одеса, жовтень 1989 р. Київ: Наукова думка, 52—53.
- Гершкович Я.П. 1989б. К проблеме сложения сабастиновской культуры. В: Колесник А.В., Дежерменджи С.М., Дубовская О.Р. (отв.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тез. докл. науч.-практ. сем. 19—21 апреля 1989 г. Донецк: Донецкая городская типография, 113—115.
- Гершкович Я.П. 1990. К вопросу о появлении чернолесской керамики на поселениях бондарихинской культуры в бассейне Северского Донца. В: Бровендер Ю.М. (отв. ред.). *Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца*. Тез. докл. обл. науч.-практ. конф., Луганск, ноябрь 1990 г. Луганск: Луганская правда, 57—59.
- Гершкович Я.П. 1993. *Сабастинівська культура Нижнього Подніпров'я та Північно-Західного Приазов'я*. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ.
- Гершкович Я.П. 1995. О характере заселения Среднего Подонцовья в эпоху поздней бронзы. В: Отрощенко В.В., Прякин А.Д. (отв. ред.). *Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона* (материалы украинско-российского полевого археолог. сем.). С. Капитаново, 13—14 июля 1995 г. Луганск, 37—38.
- Гершкович Я.П. 1996. К проблеме соотношения региональных схем периодизации поздней бронзы Нижнего Поднепровья, Северо-Восточного Приазовья и Подонцовья. В: *Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи*. Тез. докл. и мат. российско-украинской науч. конф. и второго украинско-российского полевого сем 2. Воронеж: Воронежск. ун-т, 22—24.
- Гершкович Я.П. 1997. Происхождение и эволюция сабастиновского керамического комплекса. *Археологический альманах 6*, 125—144.
- Гершкович Я.П. 1998. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье — Северо-Восточное Приазовье — Подонцовье). *Археологический альманах 7*, 61—92.
- Гершкович Я.П. 2000. Историографический комментарий к проблеме сабастиновской культуры. В: *Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи*. Мат-лы междунар. науч. конф. Воронеж: ВГУ, 153—156.
- Гершкович Я.П. 2001. Взаимодействие археологических культур в заключительный период эпохи поздней бронзы на Юго-Западе Восточной Европы. В: Моргунова Н.Л. (отв. ред.). *XV Уральское археологическое совещание*. Тез. докл. междунар. науч. конф., 17—21 апр. 2001 г. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 69—71.
- Гершкович Я.П. 2001—2002. Парадоксы в историографии сабастиновской культуры. *Stratum plus* (2), 598—607.
- Гершкович Я.П. 2002. Новокиївське поселення. В: Оленковський М.П. (відп. ред.). *Археологічна збірка 2*. Херсон: ВАТ «Вид-во „Наддніпряньська правда”», 83—87.
- Гершкович Я.П. 2003. Взаємозв'язки населення степу та лісостепу України за доби пізньої бронзи. *Археологія* (3), 32—40.
- Гершкович Я.П. 2004а. Проблемы археологической и исторической классификации сабастиновской культуры. В: Niculiță I., Zanoci A., Postică Iu.

- (red.). *Thracians and Circumpontic World. IX-th International Congress of Thracology. Rezumate — Summaries*, 6—11 sept. 2004, Chişinău — Vadul lui Vodă. Chişinău: Reclama, 46—47.
- Гершкович Я.П. 2004б. Феномен зольников белогрудовского типа. *РА* (4), 104—113.
- Гершкович Я.П. 2005. Пізнюабашевська та покровська ланки в періодизації культур бронзового віку Східної Європи. В: Отроценко В.В. (відп. ред.). *На пошану Софії Станіславівни Березанської. Зб. наук. праць*. Київ: Шлях, 177—180.
- Гершкович Я.П. 2005—2009. Днепровскокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья. *Stratum plus* (2), 578—590.
- Гершкович Я.П. 2009. Зольники белогрудовского типа — сложные монументальные структуры эпохи поздней бронзы. *Археологический альманах* 20, 327—332.
- Гершкович и др. 1987: Гершкович Я.П., Клочко В.И., Евдокимов Г.Л. 1987. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабатиновских памятников Нижнего Поднепровья. *СА* (2), 142—158.
- Горбенко К.В. 2008. Археологічні дослідження степового городища доби фінальної бронзи «Дикий Сад». *КС ОАО*, 85—90.
- Горбов В.Н. 1989. О применении камня в домостроительстве срубной культуры Северо-Восточного Приазовья. В: Колесник А.В., Дегерменджи С.М., Дубовская О.Р. (отв.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тез. докл. науч.-практ. сем. 19—21 апреля 1989 г. Донецк: Донецкая городская типография, 120—123.
- Горбов В.Н. 1991. Некоторые итоги исследований поселений срубной культуры в Северо-Восточном Приазовье. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.)*. Мат-лы междунар. конф. Кишинев 10—14 декабря 1990 г. Киев: РИО Республиканской ассоциации молодых ученых и специалистов АН УССР, 119—120.
- Горбов В.Н. 1992. Новые данные о поселении Ляпичев хутор и некоторые проблемы изучения срубных поселений Приазовья. В: Михеев В.К. (гл. ред.). *История и археология Слободской Украины*. Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф., посв. 90-летию XII Археол. съезда. Харьков, 100—102.
- Горбов В.Н. 1993. Поселенческие комплексы Приазовья в системе синхронизации западного и восточного кругов культур валиковой керамики. В: Массон В.М., Бочкарев В.С. (отв. ред.). Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тез. докл. конф. *Археологические изыскания* 7. Санкт-Петербург, 90—93.
- Горбов В.Н. 1994а. Об одной категории керамики позднего бронзового века. В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в.н.э.* Мат-лы Междунар. археол. конф. 10—14 октября 1994 г. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГКУ, 130—133.
- Горбов В.Н. 1994б. О верхней границе существования срубной культуры в Приазовье. В: Малов Н.М. (отв. ред.). *Срубная культурно-историческая область*. Мат-лы III Рыковских чтений октября 1994 г. Саратов: Сарат. ун-т, 70—74.
- Горбов В.Н. 1994в. О раннесрубных поселенческих памятниках Донбасса. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Проблемы хронологии культур энеолита — бронзового века Украины и юга Восточной Европы*. Тез. докл. междунар. конф. Днепропетровск: ДГУ, 15—17.
- Горбов В.Н. 1995а. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане. В: Бочкарев В.С. (отв. ред.). Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы II. Мат-лы конф. и дискуссии 21—25 августа 1995 г., Саратов. *Археологические изыскания* 25 (II). Санкт-Петербург, 52—72.
- Горбов В.Н. 1995б. Сабатиновская культура: возвращаясь к культурным индикаторам. В: Бочкарев В.С. (отв. ред.). Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Мат-лы конф. 21—25 августа 1995 г., Саратов. *Археологические изыскания* 25. Санкт-Петербург, 87—90.
- Горбов В.Н. 1996а. Раннесрубные поселенческие комплексы северо-восточного Приазовья. В: *Донско-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи*. Тез. докл. и мат. конф. Воронеж: Воронежск. ун-т, 66—69.
- Горбов В.Н. 1996б. Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий. В: Горбов В.Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)*. II. Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 13—21.
- Горбов В.Н. 1997а. Две традиции применения камня в домостроительстве бронзового века. *Археологический альманах* 6, 145—162.
- Горбов В.Н. 1997б. О различиях срубного и сабатиновского каменного домостроительства. В: Ключинцев В.Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы*. Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный Информационный Центр, 6—7.
- Горбов В.Н. 2000. Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны. В: Крыжицкий С.Д. (науч. ред.). *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк: Східний видавничий дім, 55—59.
- Горбов В.Н. 2001. Парадоксы поселения у хутора Ляпичев. В: Добров П.В., Беспалов Н.Е., Носков В.А., Кузьмина Е.Е., Пряхин А.Д., Хенаи Х.А., Ежов В.И., Лаврин Г.И., Кравец В.И., Мирошниченко А.А. (ред. колл.). *Проблемы археологии и архитектуры* 1. Археология. Донецк; Макеевка: Журнал «Донбасс»; Национальный союз писателей Украины, 145—170.
- Горбов В.Н., Литвиненко Р.А. 1998. К вопросу о населении бассейна р. Ворсклы в конце бронзового века. *Проблеми археології Подніпров'я. Міжвуз. зб. наук. праць* 1. Дніпропетровськ, 69—79.
- Горбов В.Н., Мимоход Р.А. 1999. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья. В: Усачук А.Н. (отв. ред.). *Древности Северо-Восточного Приазовья*. Донецк: Украинский культурологический центр, 24—69.

- Горбов В. Н., Привалова О. Я. 1989. Поселения срубной культуры Северо-Восточного Приазовья. В: Колесник А. В., Дегерменджи С. М., Дубовская О. Р. (отв.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тез. докл. науч.-практ. сем. 19—21 апреля 1989 г. Донецк: Донецкая городская типография, 35—38.
- Горбов В. Н., Усачук А. Н. 1993. О некоторых орудиях гончарного производства в эпоху бронзы. *Древнее Причерноморье*. КС ОАО, 38—41.
- Горбов В. Н., Усачук А. Н. 2001. О контакте архаичной срубной и позднемноговаликовой культур на Приазовской возвышенности. В: Колев Ю. И. (отв. ред.). *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*. Мат-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». 23—28 апреля 2001 г. Самара: ООО «НТЦ», 213—220.
- Горлач Н. В. 1979. Памятники культуры многоваликовой керамики в междуречье Орели и Самары. В: Моруженко А. А. (отв. ред.). *Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы*. Тез. докл. конф. 3—6 декабря 1979 г. Донецк: ДонГУ, 60—62.
- Городцов В. 1927. Бронзовый век на территории СССР. В: Шмидт О. Ю. (гл. ред.). *Большая советская энциклопедия* Т. VII. Москва: Советская энциклопедия, 610—625.
- Граков Б. Н. 1977. *Ранний железный век. (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы)*. Москва: Московский ун-т.
- Гудкова и др. 1991: Гудкова А. В., Охотников С. Б., Субботин Л. В., Черняков И. Т. 1991. *Археологические памятники Одесской области (справочник)*. Одесса.
- Деопик Д. В. 1970. Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово. В: Лесков А. М. (отв. ред.). *Древности Восточного Крыма. (Предскифский период и скифы)*. Киев: Наукова думка, 60—96.
- Дергачев В. А. 1973. *Памятники эпохи бронзы*. АК МССР 3.
- Дергачев В. А. 1975. *Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев В. А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы*. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев В. А. 1987. Эпоха бронзы. Начало разложения первобытнообщинного строя. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *История Молдавской ССР*. Т. I (III). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 67—98.
- Дергачев В. А. 1997. *Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонттийского региона*. Кишинев: Типография Академии наук.
- Дергачев В. А. 2010. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья 1. Одноушковые кельты с арковидными фасками*. Кишинев: Tipografia Centrală.
- Дергачев В. А. 2011. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья*. Кишинев: Tipografia Centrală.
- Дергачев В. 2012. Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова. *Revista Arheologică*, S. N. VIII (1—2), 154—160.
- Дергачев В. А., Бочкарев В. С. 2002. *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Дремов И. И. 2000. Эволюция религиозных представлений древних индоевропейцев Поволжья (по материалам погребальных обрядов). В: Юдин А. И. (отв.). *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии*. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. И. В. Синецкого (1900—1972). Саратов — Энгельс, 14—18 мая 2000 г. Саратов: Саратовский ун-т, 121—125.
- Дремов И. И. 2011. *Погребальные памятники конца средней и начала поздней бронзы степного Поволжья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск. URL: v4.udsu.ru/files/1304268371.pdf. Дата обращения 12.11.2013 г.
- Елисеев В. Ф., Ключинцев В. Н. 1982. Погребения с костяными пряжками в междуречье Ингульда и Тилигула. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наукова думка, 71—80.
- Зиневич Г. П. 1970. Краниологические материалы эпохи энеолита — ранней бронзы в Северо-Западном Причерноморье. *МАСП* 6, 156—167.
- Иванова С. В. 2004. *Сабатиновская культура — срубная культура: контакты в западе степного Причерноморья. Археологические памятники Оренбургской VI*, 38—45.
- Иванова и др. 2011а: Иванова С. В., Киосак Д. В., Виноградова Е. И. 2011. Модели жизнедеятельности населения Северо-Западного Причерноморья и климатические аномалии (6000—2000 лет до н. э.). *Stratum plus* (2), 101—140.
- Иванова и др. 2011 б: Иванова С., Киосак Д., Виноградова Е. 2011. *Палеоэкология и культурная динамика. Голоцен Северо-Западного Причерноморья*. Саарбрюкен: Lambert Academic Publishing.
- Иванова и др. 2012: Иванова С. В., Островерхов А. С., Савельев О. К., Остапенко П. В. 2012. *Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья*. Киев: КНТ.
- Изотова М. А. 2000. К вопросу о позднеандроновском (федоровском) компоненте в срубной среде. В: Юдин А. И. (отв.). *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии*. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. И. В. Синецкого (1900—1972). Саратов — Энгельс, 14—18 мая 2000 г. Саратов: Саратовский ун-т, 109—112.
- Ильюков Л. С. 2012. Археологические памятники бассейна Нижнего Дона в эпоху поздней бронзы. В: Чибилев А. А. (предс. ред. совета). *Стелы Северной Евразии*. Мат-лы VI междунар. симп. и VIII междунар. школы-сем. «Геоэкологические проблемы степных регионов». Оренбург: ИПК «Газпромнефть»; ООО «Оренбурггазпромсервис», 314—316.
- Кабанова Е. В. 1996. Опыт применения статистических методов для анализа керамики поселений Северо-Восточного Приазовья. В: Горбов В. Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* II. Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 41—47.
- Каврук В. И. 1988. *Культура Ноуа. Опыт этногенетической реконструкции*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Качалова Н. К. 1979. Стратиграфические горизонты Бережновских могильников. *АСГЭ* 20, 28—38.
- Качалова Н. К. 1993. Срубная культура Волго-Уральского междуречья. Природная среда, история изучения, проблематика. В: Качалова Н. К. (науч. ред.). *Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье I*. САИ В1—10. Саратов, 3—18.
- Кислый А. Е. 1990. Об относительной хронологии

- каменско-ливенцовских памятников. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности*. Тез. докл. Всесоюзного сем. Запорожье, 20—22. URL: bronzalib.narod.ru/k/kislyj1990.html. Дата обращения 12.11.2013 г.
- Кислый А.Е. 1997. Исследование поселений Каменского типа в Восточном Крыму. *Археологические исследования в Крыму. 1994 год*. Симферополь, 34—37.
- Кислый А.Е. 2005. Население и памятники каменской культуры Восточного Крыма. *Stratum plus* 2003—2004 (2), 93—126.
- Кислый О.Е. 2006. Основні риси кам'яньської культури Східного Криму. *Археологія* (3), 21—34.
- Кислый А.Е., Гершкович Я.П. 1989. О некоторых особенностях керамики каменско-ливенцовской культурной группы. В: Колесник А.В., Дегерменджи С.М., Дубовская О.Р. (отв.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тез. докл. науч.-практ. сем. 19—21 апреля 1989 г. Донецк: Донецкая городская типография, 112—113.
- Клочко В.И. 1987. Система вооружения Лобойковского очага металлообработки. В: Дегерменджи С.М., Колесник А.В., Дубовская О.Р. (отв.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тез. докл. обл. науч.-практ. сем. 23—24 апреля 1987 г. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 73—75.
- Клочко В.И. 2003. Металлические изделия Гордиевского могильника и проблемы культурогенеза на Правобережной Украине во II тыс. до Р.Х. В: Дудкин В.П. (гол. ред.). *Археометрія та охорона історико-культурної спадщини*. URL: <http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/aroх/2003/klochko.html>. Дата обращения 29.09.2010.
- Клочко В.И. 2006. *Озброєння та військова справа давнього населення України (5000—900 рр. до Р.Х.)*. Київ: АртЕк.
- Клочко В.И., Козыменко А.В. 2011. *Наш недавний бронзовый век*. Киев: Генеза.
- Клюшинцев В.Н. 1993а. *Поселения сабатиновской культуры Степного Побужья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Клюшинцев В.Н. 1993б. *Поселения сабатиновской культуры Степного Побужья*. Дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Клюшинцев В.Н. 1995. *Поселения земледельцев и скотоводов позднего бронзового века Гранитно-Степного Побужья*. Киев; Южноукраинск: Тираж.
- Ковалева И.Ф. 1981а. *Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда)*. Учеб. пособие. Днепропетровск: ДГУ.
- Ковалева И.Ф. 1981б. Стратифицированные срубные курганы Приорелья. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках*. Сб. науч. тр. Днепропетровск: ДГУ, 77—84.
- Ковалева И.Ф., Волкобой С.С. 1978. Срубные курганные могильники Нижнего Приорелья. *Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н.э.* Сб. науч. тр. Днепропетровск, 32—45.
- Ковалева и др. 1981: Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Чернявская Н.В., Христан А.М. 1981. Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках*. Сб. науч. тр. Днепропетровск: ДГУ, 19—44.
- Ковальова І.Ф., Волкобой С.С. 1976. Маївський локальний варіант зрубної культури. *Археологія* 20, 3—22.
- Козенкова В.И. 1982. Синкретизм материальных форм как проявление культурного прогресса. (На примерах кобанской культуры Кавказа). В: Аракелян Б.Н., Массон В.М., Ханзадян Э.В. (редколл.). *Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа*. Тез. докл. Всесоюзного симп., посв. 60-летию образования СССР. Ереван: АН Армянской ССР, 114—115.
- Козенкова В.И. 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы. *СА* (3), 64—92.
- Колев Ю.И. 2000. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье. В: Кабитов И.С. (гл. ред.). *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век VII*. Самара: Самарский научный центр РАН, 242—301.
- Колев Ю.И. 2008. Ивановская культура позднего бронзового века: основные черты и проблемы исследования. В: Стащенко Д.А. (отв. ред.). *Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья*. Самара: Глагол, 208—240.
- Колотухин В.А. 1988. *Население Предгорного и Горного Крыма в конце II — первой половине I тыс. до н.э.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Колотухин В.А. 1990. Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования. *СА* (3), 93—112.
- Колотухин В.А. 1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. (Этнокультурные процессы). *Материалы по археологии Крыма*. Киев: Южногородские ведомости.
- Колотухин В.А. 2003. *Поздний бронзовый век Крыма*. Киев: Стилюс.
- Колтухов и др. 1994: Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. 1994. *Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991—1992 гг.)*. Запорожье: Днепровский металлург.
- Кривцова-Гракова О.А. 1947. Алексеевское поселение и могильник. В: Рубинштейн Н.Л. (отв. ред.). *Археологический сборник. Труды ГИМ XVII*, 57—172.
- Кривцова-Гракова О.А. 1951. Садчиковское поселение. (Раскопки 1948 г.). *МИА* 21, 152—181.
- Кривцова-Гракова О.А. 1955. *Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы*. МИА 46.
- Круц С.И. 1984. *Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья (эпоха бронзы)*. Киев: Наукова думка.
- Круц С.И. 1985. Антропологический состав населения территории Украины в эпоху камня, меди и бронзы. В: Телегин Д.Я. (отв. ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 527—535.
- Круц С.И. 1997. Антропологічний склад населення. В: Станко В.Н. (відп. ред.). *Давня історія України*. Т. 1 (II). Київ: Наукова думка, 529—544.
- Крушельницька Л.І. 1985. *Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза)*. Київ: Наукова думка.
- Крушельницька Л.І. 2006. *Культура Ноа на землях України*. Львів: Львівська наукова бібліотека ім.В. Стефаніка НАН України.
- Крыжикский С.Д. 1982. *Жилье дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Киев: Наукова думка.

- Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. 2000. Памятники Потаповского типа. В: Кабитов И. С. (гл. ред.). *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век*. Гл. IV. Самара: Изд. Самарского научного центра РАН, 122—151.
- Кузьмина Е. Е. 2008. *Арии — путь на юг*. Москва; Санкт-Петербург: Летний сад.
- Кузьмина О. В., Шарафутдинова Э. С. 1995. Хроника семинара «Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье». В: Васильев И. Б. (отв. ред.). *Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (III тыс. до н. э.)*. Межвуз. сб. науч. тр. Самара: СамГПУ, 208—230.
- Куштан Д. П. 2002. Периодизация памятников эпохи поздней бронзы Среднего Поднепровья. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.)*. Мат-лы III Междунар. конф. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 182—184.
- Куштан Д. П. 2006. Проблема культурної атрибуції Чикалівського поселення доби пізньої бронзи. *Матеріали та дослідження з археології Східної України*. 5. 36. наук. праць. Луганськ, 259—272. URL: www.arheolog-ck.ru/?p=2818. Дата обращения 12.11.2013 г.
- Куштан Д. П. 2007. *Населення південної частини Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи*. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ. URL: www.irbis-nbuv.gov.ua/9/cgiirbis_64.exe?; www.arheolog-ck.ru/?p=588. Дата обращения 12.11.2013 г.
- Куштан Д. П. 2011. Трансевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы. В: Алекшин В. А., Бочкарев В. С. (отв. ред.). *Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии*. Мат-лы Круглого стола 23—24 июня 2011 г. Санкт-Петербург, 19—21.
- Куштан Д. П. 2012а. Поселення доби пізньої бронзи Луківка на півдні Лісостепового Побужжя. В: *Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України (пам'яті С. Н. Братченка)*. III Луганська міжнар. істор.-археолог. конф. 13—15 листопада 2012 р. Луганськ: ЛОКМ, 252—261. URL: www.arheolog-ck.ru/?p=5259. Дата обращения 12.11.2013 г.
- Куштан Д. П. 2012б. Трансевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы. *Российский археологический ежегодник* (2), 284—300. URL: www.arheolog-ck.ru/?p=5211. Дата обращения 12.11.2013 г.
- Левицкий О. Г. 1995. Погребальный комплекс сабатиновской культуры у с. Кырнэцень. *ДСПК V*, 159—165.
- Левицкий О. Г. 2002. Раннегалльские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье — о диалоге миров. В: Кетрару Н. А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 180—205.
- Лесков А. М. 1967а. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В: Лесков А. М., Мерперт Н. Я. (отв. ред.). *Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР*. Киев: Наукова думка, 143—178.
- Лесков А. М. 1967б. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья. В: Лесков А. М., Мерперт Н. Я. (отв. ред.). *Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР*. Киев: Наукова думка, 7—19.
- Лесков А. М. 1970. Кировское поселение. В: Лесков А. М. (отв. ред.). *Древности Восточного Крыма. (Предскифский период и скифы)*. Киев: Наукова думка, 7—59.
- Лесков А. М. 1971. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. *МИА* 177, 75—91.
- Лесков А. М. 1975а. *Заключительный этап бронзового века на Юге Украины*. Автореф. дис. ... док. ист. наук. Москва.
- Лесков А. М. 1975б. *Предскифский период на Юге Украины*. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва.
- Лесков О. М. 1971. Зрубна культура. В: Телегин Д. Я. (відп. ред.). *Археологія Української РСР*. Т. I. Київ: Наукова думка, 404—428.
- Лисенко С. Д. 2001. *Середнє Подніпров'я за доби пізньої бронзи*. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ. URL: dissert.com.ua/contents/29054.html. Дата обращения 02.09.2009 г.
- Лисенко С. 2002. *Середнє Подніпров'я за доби пізньої бронзи. Записки Наукового товариства імені Шевченка ССХЛIV. Праці Археологічної комісії*. Львів, 155—178.
- Лисенко С. С. 2006. *Прикраси населення України доби пізньої бронзи*. Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ.
- Литвиненко Р. А. 1990. О курганном обряде в эпоху средней и поздней бронзы Донеччины. В: Бровендер Ю. М. (отв.). *Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца*. Тез. докл. обл. науч.-практ. конф., ноябрь 1990 г. Луганск: Луганская правда, 80—83.
- Литвиненко Р. А. 1991. К вопросу о погребальном обряде сабатиновской культуры. В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.)*. Мат-лы междунар. конф. Кишинев 10—14 декабря 1990 г. Киев: РИО Республиканской ассоциации молодых ученых и специалистов АН УССР, 131—133.
- Литвиненко Р. А. 1992а. Культурная ситуация в Донбассе середины II тыс. до н. э. *Материалы археологического семинара* 1, 10—13.
- Литвиненко Р. А. 1992б. О степени преемственности погребального обряда предсрубного горизонта и срубной культуры в бассейне Северского Донца. В: Михеев В. К. (гл. ред.). *История и археология Слободской Украины*. Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф., посв. 90-летию XII Археол. съезда. Харьков, 145—147.
- Литвиненко Р. А. 1994. О раннем горизонте погребений срубной культуры Северо-Восточного Приазовья. В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Проблемы хронологии культур энеолита — бронзового века Украины и юга Восточной Европы*. Тез. докл. междунар. конф. Днепропетровск: ДГУ, 28—29.
- Литвиненко Р. А. 1996. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья. В: Горбов В. Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* I. Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 65—71.
- Литвиненко Р. А. 1998. Погребения КМК с производственным инвентарем. В: Тоцев Г. Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК)*. Запорожье: ЗГУ, 97—105.
- Литвиненко Р. А. 1999а. Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики (КМК). В: *Етнічна історія та культура населення Степу та*

- Лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)*. Мат. міжнар. археол. конф. Дніпропетровськ: Нова ідеологія, 83—86. URL: bronzalib.narod.ru/litvinenko.html. Дата обращения 12.11.2013 г.
- Литвиненко Р.А. 1999б. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья. В: Усачук А.Н. (отв. ред.). *Древности Северо-Восточного Приазовья*. Донецк: Украинский культурологический центр, 4—23.
- Литвиненко Р.А. 2000а. О появлении КМК в бассейне Нижнего Дона. В: Юдин А.И. (отв.). *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии*. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. И.В. Силицына (1900—1972). Саратов; Энгельс, 14—18 мая 2000 г. Саратов: Саратовский ун-т, 67—71.
- Литвиненко Р.А. 2000б. Периодизация срубных древностей Доно-Донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца). В: *Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи*. Мат-лы междунар. науч. конф. Воронеж: ВГУ, 81—90.
- Литвиненко Р.А. 2002. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона. *Археологические памятники Восточной Европы*. Воронеж: ВГПУ, 75—85.
- Литвиненко Р.О. 2007. Стативно-вікова диференціація в поховальному обряді бабинських культур. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 7, 156—172.
- Литвиненко Р.О. 2008. Пам'ятки типу Бабине III: від культури до культурного кола. В: Лихолобова З.Г. (гол. ред.). *Нові сторінки історії Донбасу*. Кн. 15/16. Донецьк: ДонНУ, 342—354.
- Литвиненко Р.О. 2009а. Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине. *Матеріали та дослідження з археології Східної України* 9, 44—90.
- Литвиненко Р.О. 2009б. *Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток)*. Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ.
- Литвиненко Р.О. 2009в. Методика культурно-таксономічного групування пам'яток бабинського типу. *Вісник Донецького національного університету* (1) (серія Б. Гуманітарні науки), 141—150.
- Литвиненко Р.О. 2010. До витоків архітектури довгих могил Надчорномор'я. *Донецький археологічний збірник* 13/14, 30—66.
- Литвиненко Р.О. 2011. Культурне коло Бабине: досвід культурологічних досліджень в археології. *Історичні і політологічні дослідження* (1—2 (47—48)), 169—178.
- Литвинова Л.В. 2012. Антропологический материал из курганного могильника у с. Вапнярка. В: Иванова С.В., Островерхов А.С., Савельев О.К., Остапенко П.В. *Очерки истории и археологии Днестро-Бугского междуречья*. Прил. 2. Киев: КНТ, 242—255.
- Лопатин В.А. 2010. *Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.)*. Саратов: Наука.
- Лысенко С.Д. 2002. К вопросу о локализации коммуникаций эпохи поздней бронзы в Правобережной лесостепи. В: Литвиненко В.Ф., Щедрова Г.П., Бодрухин В.М., Довжук І.В. (ред. кол.). *Исторична наука: проблеми розвитку*. Мат. Міжнар. наук. конф. 17—18 травня 2002 р. секція «Археологія». Луганськ: СХУ ім.В. Даля, 104—111.
- Ляшко и др. 2004: Ляшко С.Н., Попандопуло З.Х., Дровосекова О.В. 2004. *Курганные могили Днепропетровского Надпорожья (Ясиноватое, Днепрвка, Петро-Михайловка)*. Запорожье: Дикое Поле.
- Макаревич А.В. 2007. Нагальні завдання вивчення вивчених курганних споруд. *Магістеріум* 27, 35—39.
- Макаревич А.В. 2009. Довгі могили бабинської спільноти. *Магістеріум* 36, 27—33.
- Макаревич А.В. 2010. Довгі могили доби пізньої бронзи на теренах України. В: Д'ячков С.В. (відп. за випуск). *Проблеми історії та археології України*. Мат. VII Міжнар. наук. конф. (Харків, 28—29 жовтня 2010 р.). Харків: ТОВ «НТМТ», 19—20.
- Малов Н.М. 1992. Памятники покровского типа восточноевропейских степей. В: Михеев В.К. (гл. ред.). *История и археология Слободской Украины*. Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф., посв. 90-летию XII Археол. съезда. Харьков, 149—150.
- Малов Н.М. 2007. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области. *ABEC* 5, 34—92.
- Малов Н.М. 2012. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья. *Известия Саратовского университета* 12. Серия История. Международные отношения (1), 95—101.
- Массон В.М. 1998. Эпоха древнейших великих степных обществ. *Археологические вестн* 5, 255—267.
- Матвієнко Л.В. 2008. Степове Побужжя на зламі II-I тис. до н.е.: історія дослідження проблеми. *Наукові праці: Науково-методичний журнал* 83 (70). Миколаїв: МДГУ ім.П. Могили, 92—96.
- Матвієнко Л.В. 2009. Сабатинівські поселення Степового Побужжя в цивілізаційному просторі. *Гілея* 23, 185—190.
- Мельник О.О., Стеблина І.О. 2012. До питання про архітектуру «Довгих могил». *Проблеми археології Подніпров'я*. *Наук. міжвуз. зб. з проблем археології та давньої історії*. Дніпропетровськ, 71—85.
- Мелюкова А.И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.
- Мерперт Н.Я. 1985. Срубная культурно-историческая область (к постановке вопроса). В: Басин С.Г. (отв. ред.). *Срубная культурно-историческая общность. (Проблемы формирования и периодизации)*. Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев: КуйБГПИ, 3—10.
- Мимоход Р.А. 2013. *Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Моргунова Н.Л. 2004. Предисловие. *Археологические памятники Оренбуржья VI*. Оренбург.
- Мочалов О.Д. 2005. Типология керамики раннего этапа срубной культуры лесостепного Волго-Уралья. В: Тормозова Л.И., Романова С.Н. (ред.). II Городцовские чтения. Мат-лы науч. конф., посв. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. *Труды ГИМ* 145. Москва, 116—134.
- Мочалов О.Д. 2008. *Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья*. Самара: СамГПУ.
- Мухопад С.Е., Ромашко В.А. 1992. Работы Самарского

- отряда экспедиции ДГУ. *Археологический вестник* 3, 12—13.
- Мыськов Е. П. 1991. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья. *СА* (4), 145—163.
- Мыськов Е. П. 1997. Раннесрубные памятники Нижнего Поволжья и проблема их формирования. В: Ключинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы*. Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный Информационный центр, 82—83.
- Неретин И. И. 2008. О покровском типе памятников. *Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета* 3. Воронеж, 29—35.
- Новикова Л. А. 1976. Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы. *СА* (3), 25—57.
- Ольховский В. С., Отрощенко В. В. 1991. Курганное святилище эпохи бронзы в Крыму. *ДСПК* II, 111—125.
- Отрощенко В. В. 1977. Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки. В: Бидзиля В. И. (отв. ред.). *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки*. (Предварительная публикация). Киев: Наукова думка, 5—15.
- Отрощенко В. В. 1978. Могильники степного Поднепровья (2-я половина II тыс. до н. э.). В: Басин С. Г., Васильев И. Б., Качалова Н. К., Кубарев Е. М., Матвеева Г. И., Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д., Шилов В. П. (ред. колл.). *Древние культуры Поволжья и Приуралья*. *Научные труды* 221. Куйбышев: Куйбышевский ГПУ им. В. В. Куйбышева, 84—85.
- Отрощенко В. В. 1981. *Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Отрощенко В. В. 1991. Степи Причерноморья в эпоху неолита та бронзи. В: Толочко П. П., Мурзин В. Ю. (авт.-упоряд.). *Золото степи. Археология Украины*. Київ: Ін-т археології НАН України, Археологічний музей (Шлезвіг), 43—50.
- Отрощенко В. В. 1993. К вопросу об относительной хронологии классических погребений бережновского типа. В: Массон В. М., Бочкарев В. С. (отв. ред.). *Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Археологические изыскания* 7. Санкт-Петербург, 81—83.
- Отрощенко В. В. 1994а. О двух линиях развития культур племен срубной общности. В: Тощев (отв. ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья II*. Тез. докл. Междунар. конф., посв. 95-летию со дня рожд. проф. Б. Н. Гракова. Запорожье: ИПК «Запоріжжя», 150—153.
- Отрощенко В. 1994б. Тенденции развития погребальной обрядности на юге Восточной Европы (XVI—VIII вв. до н. э.). В: Niculiță I. (red.). *Simpozion internațional. Masivul traco-cimerian. Probleme actuale*. Chișinău: Universitatea de Stat din Moldova, 31—32.
- Отрощенко В. В. 1996. Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков. В: *Дона-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи* 2. Тез. докл. и мат. российско-украинской науч. конф. и второго украинско-российского полевого сем. Воронеж: Воронежск. ун-т, 29—31.
- Отрощенко В. В. 1997. К вопросу о покровской срубной культуре. В: Юдин А. И. (науч. ред.). *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории племен южнорусских степей*. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. П. Д. Рау (1897—1997). Энгельс, 12—17 мая 1997 г. Саратов: СГПИ, 70—72.
- Отрощенко В. В. 2000. О культурах срубной общности. В: *Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи*. Мат-лы междунар. науч. конф. Воронеж: ВГУ, 10—14.
- Отрощенко В. В. 2001а. К попыткам ревизии культурно-хронологической схемы В. А. Городцова. В: Коллеву Ю. И. (отв. ред.). *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*. Мат-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23—28 апреля 2001 г. Самара: ООО «НТЦ», 39—42.
- Отрощенко В. В. 2001б. *Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення)*. Київ: Інститут археології НАН України.
- Отрощенко В. В. 2002. *Історія племен зрубної спільності*. Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ.
- Отрощенко В. В. 2003. Культури зрубної спільності та гірничо-металургійні центри. В: *Проблеми гірничої археології*. Мат. I-го Картамиського польового археологічного семінару (7—8 серпня 2002 р.). Алчевськ: ДГМІ, 47—51.
- Отрощенко В. В. 2004. Вільнянські кургани в контексті генези бережнівсько-маївської зрубної культури. В: Ляшко С. Н., Попандопуло З. Х., Дровосекова О. В. *Курганні могильники Дніпровського Надпорозжя (Ясиноватое, Днепровка, Петро-Михайловка)*. Запорожье: Дикое Поле, 163—167.
- Отрощенко В. В. 2005. Етнічні процеси на теренах України за доби бронзи. В: Скрипник Г. А. (відп. ред.). *Етнічна та етнокультурна історія України 1 (II)*. Київ: Наукова думка, 69—120.
- Отрощенко В. В. 2009а. До історіографії виділення бережнівсько-маївської зрубної культури. *Проблеми археології Подніпров'я*. *Наук. міжвуз. зб. з проблем археології, давньої історії та етнографії*. Дніпропетровськ, 70—74.
- Отрощенко В. В. 2009б. До ювілею Ірини Миколаївни Шарафутдінової. *Археологія* (4), 104—105.
- Отрощенко В. В., Рассамакін Ю. Я. 1997. З приводу культурної належності комплексів лобойківсько-дербеденівської зони металлообработки. В: Ключинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы*. Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 23—25.
- Отрощенко та ін. 2008: Отрощенко В. В., Рассамакін Ю. Я., Черних Л. А., Гершкович Я. П. 2008. Доба бронзи на теренах України. В: Зубанов В. О., Толстоухов А. В. (авт., кер. проекту). *Україна: хронологія розвитку* 1. Київ: КВІЦ, 219—331.
- Памятники срубной культуры... 1993: Качалова Н. К. (науч. ред.). 1993. *Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье*. САИ В1—10. Т. I. Саратов.
- Парцингер Г. 2013. Особенности культурных взаимосвязей от Волги до Рейна в эпоху бронзы. В:

- Пиотровский Ю.Ю. (науч. ред.). *Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Чистый лист, 23—45.
- Плешивенко А.Г. 1995. Курганный могильник у с. Конские Раздоры. *ДСПЖ V*, 143—159.
- Погребова Н.Н. 1960. Пересадовское поселение на Ингуле. *СА (4)*, 76—90.
- Подобед и др. 2009: Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. 2009. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии. *Древности Сибири и Центральной Азии* 13—14 (1—2), 3—16.
- Подобед В.А., Цимиданов В.В. 2010. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь). *Донецкий археологический сборник* 13/14, 98—120.
- Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В. 1994. О наиболее поздних погребениях срубной культуры. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Проблемы хронологии культур энеолита — бронзового века Украины и юга Восточной Европы*. Тез. докл. междунар. конф. Днепропетровск: ДГУ, 28—29.
- Потапов В.В., Шеф А.В. 2011. Курганы эпохи поздней бронзы в нижнем течении реки Чир. *Донецкий археологический сборник* 15, 171—183.
- Предисловие. 1951. *МИА* 21, 5—6.
- Привалов А.И. 1989. К вопросу о культуре многоваликовой керамики в Донецкой области. В: Колесник А.В., Дегерменджи С.М., Дубовская О.Р. (отв. ред.). *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе*. Тез. докл. науч.-практ. сем. Донецк: Донецкая городская типография, 30—32.
- Привалова О.Я., Привалов А.И. 1987. Поселение эпохи поздней бронзы у с. Николаевка в Северном Приазовье. В: Шапошникова О.Г. (отв. ред.). *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. Киев: Наукова думка, 94—107.
- Пробейголова А.С., Красильников К.И. 2010. Раскопки поселения поздней бронзы возле г. Зимогорье на р. Лугань. *АДУ* 2009. Киев; Луцк, 343—345.
- Протоколы заседаний... 1995: Протоколы заседаний конференции «Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы». В: Бочкарев В.С. (отв. ред.). 1995. Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы II. Мат.-лы конф. и дискуссии 21—25 августа 1995 г., Саратов. *Археологические изыскания* 25 (II). Санкт-Петербург, 73—95.
- Пряхин А.Д. 1996. Вступительное слово. В: *Донско-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи*. Тез. докл. и мат. конф. Воронеж: Воронежский ун-т, 3—4.
- Пряхин А.Д. 2011. Памятники покровского типа на современном этапе изучения. *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: История. Политология. Социология (1), 62—74.
- Пряхин А.Д. 2012. К обоснованию целесообразности закрепления за одной из культур срубной культурно-исторической общности названия «мосоловская срубная культура». В: Д'ячков С.В. (видп.). *Проблеми історії та археології України*. Мат. VIII Міжнар. наук. конф. 9—10 листопада 2012 р.). Харків: ТОВ «НТМТ», 18—19.
- Пьянков И.В. 2010. По поводу «киммерийской проблемы». В: Сапрыкин С.Ю. (гл. ред.). *Восток, Европа, Америка в древности*. Сб. науч. тр. XVI Сергеевских чтений. Труды исторического факультета МГУ 49. Сер. 2. Исторические исследования 18. Москва, 76—85.
- Пятых Г.Г. 1989. О появлении в срубной культуре характерной особенности погребального обряда. *АВЕС*. Межвуз. науч. сб., 136—137.
- Разумов и др. 2012: Разумов С., Лысенко С., Косько А. 2012. Бабинское погребение с чашей у с. Пороги на Днестре. В: Гуржий О.И., Даниленко В.М., Кульчицкий С.В., Тригуб П.М., Шлитюк М.М., Шкварець В.П., Шкляж Й.М., Черних Г.Г. (ред.), Макушенко Я.С. (видп.). *Архасівські читання*. Мат. II Міжнар. наук.-практ. конф. 27—28 квітня 2012 р. Миколаїв: МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 84—87.
- Рижов та ін. 2002: Рижов С.М., Бурдо Н.Б., Відейко М.Ю., Магомедов Б.В. 2002. *Давня кераміка України*. *Археологічні джерела та реконструкції* I. Київ: Інститут археології НАН України.
- Рогудеев В. 2012. Бычья упряжь и проблема происхождения колесничества в южнорусских степях. *Revista Arheologică S. N. VIII* (1—2), 266—274.
- Романчук А.А. 2011. Горизонт Солончень-Хлиная, единичная культура и другие проблемы генезиса Сахарна-Солончень: еще один шаг к продуктивной дискуссии. *Stratum plus* (2), 187—206.
- Романюк В.П., Черняков И.Т. 2008. *Что было на месте Одессы?* Киев: Автограф.
- Ромашко В.А. 1994. Поселение позднего бронзового века в Среднем Присамарье. В: Ковалева И.Ф. (отв. ред.). *Проблемы хронологии культур энеолита — бронзового века Украины и юга Восточной Европы*. Тез. докл. междунар. конф. Днепропетровск: ДГУ, 53—55.
- Ромашко В.А. 1995. Павлоградское поселение эпохи бронзы (к вопросу о территории распространения и культурной принадлежности памятников обиточенского типа). *Проблемы археологии Поднепровья*. Межвуз. сб. науч. тр. Днепропетровск, 114—134.
- Ромашко В.А. 1996. О контактной зоне культур валиковой керамики. В: Горбов В.Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* II. Мат.-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 66—69.
- Ромашко В.А. 1997. К выделению нового типа кинжалов позднего бронзового века. *Древности* (1996), 50—55.
- Ромашко В.А. 2000. Типология сооружений срубно-белозерской культуры Украины. В: Марина З.П. (видп. ред.). *Labores pariant honores. Спец. вип. міжвуз. зб. наук. праць «Проблеми археології Подніпров'я»*. Дніпропетровський ун-т, 134—143.
- Ромашко В.А. 2002. Поселение позднего бронзового века у с. Шолохово на р. Базувлук. *Проблеми археології Подніпров'я*. Зб. наук. праць. Дніпропетровськ, 91—99.
- Ромашко В.А. 2013. *Заключительний етап позднього бронзового века Левобережної України (по матеріалам богуславско-белозерської культури)*. Киев: КНТ.
- Рыбалова В.Д. 1961. О связях Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа. В: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). *Исследования по археологии СССР*. Сб. ст. в честь проф. М.И. Артамонова. Ленинград: Ленинградский гос. ун-т, 80—95.
- Рыбалова В.Д. 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму. *АСГЭ* 16, 19—49.

- Рыбалова В. Д. 1978. Сабатиновские поселения реки Синюхи и некоторые проблемы поздней бронзы. *Проблемы археологии* II. Ленинград, 61—67.
- Савва Е. Н. 1988. *Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. (Культурно-историческая характеристика, периодизация, хронология)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- Савва Е. Н. 1990. Некоторые аспекты генезиса, периодизации и хронологии культуры многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. В: Кершнер-Горбунова Н. Г., Качалова Н. К. (ред. колл.). *Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа)*. Краткие тез. докл. науч. конф., посв. 90-летию со дня рожд. Б. А. Латынина. Ленинград: ГЭ, 32—34.
- Савва Е. Н. 1992. *Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда)*. Кишинев: Штиинца.
- Савва Е. Н. 1994. Очерк о культурогенезисе культуры Ноа и ее роли в сложении раннегалльских культур. В: Niculiță I. (red.). *Simpozion internațional. Masivul traco-cimerian. Probleme actuale*. Chișinău: Universitatea de Stat din Moldova, 29—30.
- Савва Е. Н. 2003. Культурно-хронологическое соотношение комплекса культур Ноа-Сабатиновка с культурами Карпато-Подунавья. В: Шишлина Н. И. (отв. ред.). *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее* I. Тез. конф. Москва: ГИМ, 147—149.
- Сава Е., Кайзер Э. 2011. Поселение с «золотниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова. Археологические и естественнонаучные исследования. *Biblioteca Tyragetia XIX*. Chișinău: “Bons Offices” SRL.
- Самар В. А. 1998. Верхняя хронологическая граница КМК и Покровская культура Северного Приазовья. В: Тощев Г. Н. (отв. ред.). *Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК)*. Запорожье: ЗГУ, 75—83.
- Сегеда С. П. 2005. *Етнічна історія давнього та середньовічного населення України за даними антропології*. В: Скрипник Г. А. (відп. ред.). *Етнічна та етнокультурна історія України*. Т. 1 (II). Київ: Наукова думка, 297—350.
- Седова М. С. 2000. Поселения срубной культуры. В: Кабитов И. С. (гл. ред.). *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век VI*. Самара: Самарский научный центр РАН, 209—241.
- Семенова А. П. 2001. Основные тенденции развития керамики покровского и развитого этапов срубной культуры лесостепного Поволжья (по данным погребальных памятников). В: Колев Ю. И. (отв. ред.). *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация*. Мат. междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23—28 апреля 2001 г. Самара: ООО «НТЦ», 273—279.
- Сикорский и др. 1997: Сикорский А. А., Елисеев В. Ф., Клошинцев В. Н. 1997. Новые материалы по металлообработке эпохи поздней бронзы междуречья Тилигула и Ингульца. В: Клошинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы*. Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 64—69.
- Синюк А. Т., Козмирчук И. А. 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона. (По материалам погребений). В: Васильев И. Б. (отв. ред.). *Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.)*. Межвуз. сб. науч. тр. Самара: СамГПУ, 37—72.
- Смирнова Г. И. 1967. Могильник культуры Ноа у с. Старые Бедражи в Молдавии. *КСИА АН СССР* 112, 66—74.
- Смирнова Г. И. 1969. Новый могильник культуры Ноа у с. Старые Бедражи на Пруте. *АСГЭ* 11, 48—71.
- Смирнова Г. И. 1972. Новые исследования поселения Магала. *АСГЭ* 14, 12—31.
- Субботин Л. В. 2000. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы. *Stratum plus* (2), 350—387.
- Телегин Д. Я. 1959. Оскольская экспедиция 1955—1956 годов. *КСИА АН УССР* 8, 72—79.
- Телегин Д. Я. 1961. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я. *Археологія* XII, 3—15.
- Телегин та ін. 1984: Телегин Д. Я., Терпиловський Р. В., Козловський А. Я., Пустовалов С. Ж. 1984. Оріхівські кургани на Дніпропетровщині. *Археологія* 47, 45—57.
- Тереножкин А. И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев: АН УССР.
- Тереножкин А. И. 1965. Основы хронологии предскифского периода. *СА* (1), 63—85.
- Тереножкин А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.
- Толочко та ін. 2000: Толочко П. П., Козак Д. Н., Моця О. П., Мурзін В. Ю., Отрощенко В. В., Сегеда С. П. 2000. *Етнічна історія давньої України*. Київ: Інститут археології НАН України.
- Тощев Г. Н. 1982. *Средний период бронзового века Северо-Западного Причерноморья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Тощев Г. Н. 1986а. Западные связи культуры многоваликовой керамики в Северо-Западном Причерноморье. В: Станко В. Н. (отв. ред.). *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 104—115.
- Тощев Г. Н. 1986б. *Средний период бронзового века Юго-Запада СССР*. Запорожье: Запорожский гос. ун-т. Деп. в ИНИОН АН СССР 19.06.87 г., №29903.
- Тощев Г. Н. 2004. Погребальные памятники СКИО в Крыму. *ССПК* XI, 250—253.
- Тощев Г. Н. 2005. Период КИОМК Крыма. В: Отрощенко В. В. (відп. ред.). *На пошану Софії Станіславівни Березанської*. Зб. наук. праць. Київ: Шлях, 143—148.
- Тощев Г. Н. 2007. *Крым в эпоху бронзы*. Запорожье: ЗНУ.
- Усачук А. Н., Горбов В. Н. 1990. Об изучении способов обработки керамики позднего бронзового века (постановка вопроса). В: Ванчугов В. П. (отв. ред.). *Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья II*. *Археология*. Тез. докл. и общ. науч.-практ. истор.-краев. конф. Белгород-Днестровский, 107—109.
- Ущурелу Е. 2010. Генезис и эволюция двушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы. *Revista Arheologică S. N.* V (1), 22—67.

- Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. 1973. *Археология Румынии*. Москва: Наука.
- Фоменко и др. 1997: Фоменко В. Н., Елисеев В. Ф., Шевченко Н. П. 1997. Раскопки поселения эпохи поздней бронзы Шуцкое-I на р. Бакшале. АДУ 1993 року. Київ, 138—139.
- Фоменко та ін. 2007: Фоменко В. М., Товкайло М. Т., Требух О. О. 1997. Дослідження Миколаївської експедиції на Південному Бузі. АДУ 2005—2007 рр. Київ; Запоріжжя, 405—408.
- Хардинг Э. 2013. Дальние связи Европы в эпоху бронзы. В: Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). *Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н. э. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Чистый лист, 170—181.
- Церна С., Топал Д. 2013. Два новыхклада и единичные находки металлических изделий эпохи бронзы — раннего гальштатта с территории Республики Молдова. *Tyragetia S.N.* VII [XXII] (1), 189—204.
- Цимиданов В. В. 2004. *Социальная структура срубного общества*. Донецк: ИА НАНУ.
- Чередниченко Н. Н. 1997. О культурном и хронологическом взаимоотношении срубной и сабатиновской культур. В: Ключинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы*. Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 28—29.
- Черниенко Ю. А. 1992. О системе расселения в Северо-Западном Причерноморье позднего бронзового века. В: Ванчугов В. П. (отв. ред.). *Северо-Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза*. Тез. докл. сем. Одесса: Гортипография Одесского облполиграфиздата, 30—32.
- Черниенко Ю. А. 2009. Владимир Петрович Ванчугов — исследователь древностей позднего бронзового века Северного Причерноморья. *МАСП* 9, 382—397.
- Черниенко Ю. А. 2013. К вопросу о роли восточных традиций в красномязцкой металлургии. *Revista Arheologică*, SN IX (1—2), в печати.
- Черносвитов П. Ю. 1989. Погребальный обряд и биогеоценология. В: Щапова Ю. Л. (отв. ред.). *Комплексные методы исследования археологических источников*. Мат-лы к V совещанию. Москва: Ротапринт Института механики МГУ, 22—23.
- Черных Е. Н. 1972. *История металлургии Восточной Европы в позднем бронзовом веке*. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Москва.
- Черных Е. Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. Москва: Наука.
- Черных Е. Н. 1978а. *Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии*. София: БАН.
- Черных Е. Н. 1978б. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. *СА* (4), 53—82.
- Черных Е. Н. 1983. Проблема общности культур валяковой керамики в степях Евразии. В: Зданович Г. Б. (отв. ред.). *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск: Башкирский ун-т, 81—99.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. 1989. *Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен)*. Москва: Наука.
- Черняков И. Т. 1964. Новые находки предметов поздней бронзы в Северо-Западном Причерноморье. *КС ОГАМ* 1962 года, 128—134.
- Черняков И. Т. 1965. Красномаяцкий клад литейщика. *КС ОГАМ* за 1963 год, 87—123.
- Черняков И. Т. 1975. *Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке. 2-я половина II тыс. до н. э...* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Черняков И. Т. 1976. Начало изучения эпохи энеолита и бронзы в Северо-Западном Причерноморье. *МАСП* 8, 61—69.
- Черняков И. Т. 1979. Материалы бронзового века из верхнего слоя Усатовского поселения. В: Патокова Э. Ф. *Усатовское поселение и могильники*. Приложение 2. Киев: Наукова думка, 177—180.
- Черняков И. Т. 1980. Бородинский культурно-хронологический горизонт в памятниках Северо-Западного Причерноморья. В: Генинг В. Ф. (отв. ред.). *АИУ в 1978—1979 гг*. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск: Днепропетровское обл. управление по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 58—59.
- Черняков И. Т. 1983. Древнейшие металлические псалии позднебронзового века в Северном Причерноморье. В: Дзис-Райко Г. А. (отв. ред.). *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 32—47.
- Черняков И. Т. 1984. Связи сабатиновских племен Северо-Западного Причерноморья с Восточным Средиземноморьем (по керамическим находкам). В: Дзис-Райко Г. А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье (материалы по археологии)*. Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 34—42.
- Черняков И. Т. 1985. *Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э.* Киев: Наукова думка.
- Черняков И. Т. 1996. Культура многоваликовой керамики — восточный ареал Балкано-Дунайского очага культурогенеза. В: Горбов В. Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* I. Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 59—64.
- Черняков И. Т. 1997. Сабатиновская культура — северовосточная ойкумена балкано-карпатских культур. В: Ключинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы*. Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 31—33.
- Черняков И. Т. 2002. К истории развития вооружения II тыс. до н. э. в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье. *Карпатика* 15. Ужгород, 39—60.
- Черняков И. Т. 2010. «Дикий Сад», Гомер, Геродот, Троя, ахейці та кіммерійці (коментар одного археологічного відкриття в Україні). *Праці центру пам'яткознавства* 17. Київ, 116—122.
- Черняков И. Т., Тоцев Г. Н. 1985. Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная. В: Станко В. Н. (отв. ред.). *Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 5—31.
- Черняков и др. 1986а: Черняков И. Т., Ванчугов В. П., Кушнир В. Г. 1986. Древнейшие бронзовые наконечники стрел Северного Причерноморья. *СА* (2), 47—55.
- Черняков и др. 1986б: Черняков И. Т., Станко В. Н., Гудкова А. В. 1986. Холмские курганы. В: Станко В. Н. (отв. ред.). *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 53—96.

- Чмихов М. О., Черняков И. Т. 1988. *Хронологія археологічних пам'яток епохи міді-бронзи на території України*. Київ: НМК ВО.
- Чубатенко И. А., Горбов В. Н. 1994. Данные о росте специализации керамического производства срубного населения Приазовья. В: Малов Н. М. (отв. ред.). *Срубная культурно-историческая область*. Мат-лы III Рыковских чтений октябрь 1994 г. Саратов: Саратовский ун-т, 57—62.
- Чубур А. А. 2000. Эпоха раннего металла. *Курский край 2*. Курск: КГПУ.
- Шаповалов Т. А. 1976. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце. В: Березанская С. С., Отрощенко В. В., Телегин Д. Я. (ред. колл.). *Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы*. Киев: Наукова думка, 150—172.
- Шапошникова О. Г., Неприна В. И. 1977. Новорозановское многослойное поселение. В: Шапошникова О. Г. (отв. ред.). *Древности Поингуля*. Киев: Наукова думка, 52—65.
- Шарафутдинова И. М. 1964. Поселения эпохи поздней бронзы поблизу Кременчука. *Археологія XVII*, 153—169.
- Шарафутдинова И. Н. 1966. К вопросу о сабатиновской культуре. В: *Пленум Института археологии 1966 г. Секция неолит и бронзовый век*. Тез. докл. Москва: ИА АН СССР, 29—30.
- Шарафутдинова И. Н. 1968. К вопросу о сабатиновской культуре. *СА (3)*, 16—34.
- Шарафутдинова И. Н. 1975. *Племена Степного Поднепровья в эпоху поздней бронзы*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Шарафутдинова И. Н. 1982. *Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы*. Киев: Наукова думка.
- Шарафутдинова И. Н. 1987. Бронзовые украшения сабатиновской культуры. (К вопросу о контактах). В: Артеменко И. И. (отв. ред.). *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины*. Киев: Наукова думка, 69—86.
- Шарафутдинова И. Н. 1989. Новое в исследовании сабатиновской культуры. В: Толочко П. П. (відп. ред.). *Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР*. Тези доп. XX Респ. конф. Одеса, жовтень 1989 р. Київ: Наукова думка, 256—257.
- Шарафутдинова И. Н. 1990. О металлообрабатывающем производстве на сабатиновских поселениях. В: Оленковский Н. П. (отв. ред.). *Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей)* I. Тез. докл. юбил. конф., октябрь 1990 года. Херсон: Мн. уч. Херсонской областной библиотеки им. Горького, 82—83.
- Шарафутдинова Э. С. 1985. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья. В: Басин С. Г. (отв. ред.). *Срубная культурно-историческая общность. (Проблемы формирования и периодизации)*. Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев: КуйбГПИ, 146—183.
- Шарафутдинова Э. С. 1987. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации). В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 27—47.
- Шарафутдинова Э. С. 1990а. Нижнедонские памятники культуры многоваликовой керамики (КМК) в системе древности Юго-Восточной Европы. В: Кершнер-Горбунова Н. Г., Качалова Н. К. (ред. колл.). *Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа)*. Краткие тез. докл. науч. конф., посв. 90-летию со дня рожд. Б. А. Латынина. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 38—39.
- Шарафутдинова Э. С. 1990б. Эпоха поздней бронзы Предкавказских степей (Нижнее Подонье и Северо-Западное Предкавказье). *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы 4 (72)*, 47—52.
- Шарафутдинова Э. С. 1991. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье. *СА (1)*, 184—196.
- Шарафутдинова Э. С. 1992а. К вопросу о соотношении срубной и сабатиновской культур. В: Михеев В. К. (гл. ред.). *История и археология Слободской Украины*. Тез. докл. и сообщ. Всеукраинской конф., посв. 90-летию XII Археол. съезда. Харьков, 217—218.
- Шарафутдинова Э. С. 1992б. Локально-хронологические особенности срубной культуры Нижнего Подонья (по материалам погребений). В: Ванчугов В. П. (отв. ред.). *Северо-Западное Причерноморье: ритмы культурогенеза*. Тез. докл. сем. Одесса: Гортитпография Одесского облполиграфиздата, 37—39.
- Шарафутдинова Э. С. 1995а. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце. *Донские древности 4*, 93—116.
- Шарафутдинова Э. С. 1995б. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье. В: Бочкарев В. С. (отв. ред.). Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Мат-лы конф. 21—25 августа 1995 г. *Археологические изыскания 25*. Санкт-Петербург, 83—87.
- Шарафутдинова Э. С. 1995в. Тенденции в развитии посуды в культуре многоваликовой керамики (КМК). (По материалам погребений). В: Васильев И. Б. (отв. ред.). *Древние индо-иранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.)*. Межвуз. сб. науч. тр. Самара: СамГУ, 124—140.
- Шарафутдинова Э. С. 1996. О восточной и северо-восточной границах распространения памятников бабинской культуры (КМК). В: Горбов В. Н. (гл. ред.). *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век)* I. Мат-лы междунар. конф. Донецк: ДонГУ, 56—59.
- Шарафутдинова Э. С. 1997. О культурно-хронологическом соотношении срубных и сабатиновских древностей. В: Ключинцев В. Н. (сост. и ред.). *Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы*. Тез. докл. I-го Всесоюзного полевого сем. 10—18 сентября 1990 г. Киев; Николаев; Южноукраинск: Международный информационный центр, 37—38.
- Шарафутдинова Э. С. 2000. Могильники начала эпохи поздней бронзы на верхнем Чире (Подонье). В: Юдин А. И. (отв.). *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии*. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. И. В. Сеницына (1900—1972). Саратов: Саратовский ун-т, 102—105.
- Шарафутдинова Э. С. 2003. К вопросу о связи погребений покровского культурного типа и срубной культуры. В: Шишлина Н. И. (отв. ред.). *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном*

- Историческом музее I. Тез. конф. Москва: ГИМ, 125—126.
- Шерстюк В. В. 2012. Поховальні комплекси зрубного часу нижньої течії Псла. В: Д'ячков С. В. (відп.). *Проблеми історії та археології України*. Мат. VIII Міжнар. наук. конф. Харків, 9—10 листопада 2012 р. Харків: ТОВ «НТМТ», 22.
- Шилов Ю. А. 1982. *Нижнее Поднепровье в середине III — середине II тыс. до н. э. (исследование культурно-исторического процесса)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Шишлина Н. 2013. Бородинский клад: продолжение поиска. В: Пиотровский Ю. Ю. (науч. ред.). *Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н. э. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Чистый лист, 156—169.
- Шмаглий Н. М., Черняков И. Т. 1970. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966 гг.). *МАСП* 6, 5—129.
- Юдин А. И. 1996. О типах памятников срубной культуры Нижнего Поволжья на этапе ее формирования. В: *Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии*. Тез. докл. Тамбов, 46—48.
- Юдин А. И. 2010. Памятники бережновского типа раннесрубной культуры Нижнего Поволжья. В: Василенко А. И. (сост., отв.). *Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. Сборник научных статей и мемориальных работ, посвященных памяти луганских археологов*. Луганск: Глобус, 345—356.
- Юдин А. И., Матюхин А. Д. 2006. *Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное*. Саратов: Научная книга.
- Яровой и др. 2002: Яровой Е. В., Кашуба М. Т., Махортых С. В. 2002. Киммерийский курган у пгт. Слободзея. В: Кетрару Н. А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности (Сборник научных статей)*. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 279—343.
- Vočkarev V. S., Leskov A. M. 1980. *Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet*. PBF XIX/1. München: Beck.
- Burtănescu F. 2002. About a group of “outstretched” burials with Middle Bronze Age grave goods in south-eastern Romania. In: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V век н. э.)*. Мат-лы III Междунар. конф. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 157—163.
- Cavruc V. 1990. Noi contribuții la problema genezei și atribuției etnice a civilizației Noua. *Symposia Thracologica* 8, 125—126.
- Cavruc V. 2013. Impactul noilor datări C14 asupra reconstituirii evoluțiilor culturale pe parcursul epocii bronzului în Europa de Sud-Est. In: Ciobanu L., Condraticova L., Grădinaru N., Vornic V. (red.). *Conferința științifică cu participare internațională “Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului arteilor”, ediția a V-a, Chișinău, 22—24 mai 2013*. Rez. comunic. Chișinău: Profesional Service, 6—7.
- Constantin etc. 2013: Constantin N., Dobrinescu C. I., Bolidică V. 2013. Late Bronze Age Ritual Pit Discovered in Cernavodă, Constanța County. In: Sîrbu V., Schuster C. (chief eds.). *The 12th International Congress of Thracology. Târgoviște 10th—14th September 2013. The Thracians and their Neighbours in the Bronze and Iron Ages*. Programme, Reports and Abstracts. Brăila: S. C. Paper Print Invest S. A., 55.
- Dergaciov V. 2010. Evoluția comunităților patriarhale. Epoca bronzului. In: Dergaciov V. (resp. și red. științ.). *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V)*. Cap. 4. Chișinău: Î. S. F. E.-P. “Tipografia Centrală”, 265—312.
- Dergaciov V. 2013. Cu privire la originea și evoluția topoarelor-celt din epoca bronzului. In: Ciobanu L., Condraticova L., Grădinaru N., Vornic V. (red.). *Conferința științifică cu participare internațională “Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului arteilor”, ediția a V-a, Chișinău, 22—24 mai 2013*. Rez. comunic. Chișinău: Profesional Service, 12—15.
- Florescu A. C. 1964. Contribuții la cunoașterea culturii Noua. *AM* II—II, 143—216.
- Florescu A. C. 1967. Sur les problèmes du bronze tardif Carpat-Danubian et Nord-Quest Pontique. *Dačia* N. S. XI, 59—94.
- Gershkovich Ya. P. 1993. On the eastern boundary of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni Cultural Complex. *Culture et civilization au bas Danube* X, 15—22.
- Gershkovich Ya. P. 2003. Farmers and Pastoralists of the Pontic Lowland during the Late Bronze Age. In: Levine M. A., Renfrew C., Boyle K. (ed.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. McDonald Institute Monograph. Ch.20. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 307—317.
- Gershkovich Ya. P. 2011. Global Causes of Some Local Phenomena during the Late Bronze Age in the Northern Pontic Steppe. In: Sava E., Govedarica B., Hänsel B. (Hrsg.) *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000—500 v. Chr.)*. B.2. *Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen*. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Chișinău, Moldavien (4.—8. Oktober 2010). *PAS* 27. Rahden/Westf., 166—177.
- Gerškovič J. P. 1998. Westliche Impulse bei der Formierung des Kulturkomplexes „Noua-Sabatinovka-Coslogeni”. In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in der vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. Südosteuropa-Schriften 20; PAS 12. Rahden: Leidorf, 317—324.
- Gerškovič J. P. 1999. Zur Studien spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azovischen Meeres. *Archäologie in Eurasien* 7. Berlin: Leidorf.
- Klochko V. I. 1993. Weapons of the tribes of the Northern Pontic zone in the 16th—10th centuries B. C. *Baltic-Pontic studies* 1. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza.
- Kushtan D. 2013. Carpathian-Danubian Region and Crimea: the Cultural Links in Bronze Age. In: Sîrbu V., Schuster C. (chief eds.). *The 12th International Congress of Thracology. Târgoviște 10th—14th September 2013. The Thracians and their Neighbours in the Bronze and Iron Ages*. Programme, Reports and Abstracts. Brăila: S. C. Paper Print Invest S. A., 86—87.
- Leskov A. M. 1981. *Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen)*. PBF XX/5. München: Beck.
- Moldoveanu V. 2011. Considerații privind geneza complexului cultural Noua — Sabatinovka — Coslogeni. In: Михайлуца М. І. (відп. ред.). *Південь України: етноісторичний, мовний, культурний та релігійний виміри*. Мат. III Міжнар. наук. конф., присвяч. 70-й річниці героїчної оборони Одеси (м. Одеса, 15—16 квітня 2011 р.). Одеса: ВМВ, 119—125.

- Morintz S. 1978. *Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii. I. Epoca bronzului în spațiul carpato-balcanic*. Biblioteca de arheologie XXXIV. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Motzoi-Chicidăneanu I. 2011. *Obiceiuri funerare în Epoca Bronzului la Dunărea Mijlocie și Inferioară*. Vol. 1. București: Editura Academiei Române.
- Nic A. 2008. *Interferențe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II — începutul mil. I a. Chr.* Biblioteca Tyrageția XV. Chișinău.
- Petrescu-Dîmbovița M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Biblioteca de arheologie XXX. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Sava E. 1994. Epoca Bronzului — perioada mijlocie și târzie, sec. XVII—XII î.e.n. *Thraco-Dacica* XV (1—2), 141—158.
- Sava E. 1998. Die Rolle der „östlichen“ und „westlichen“ Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka. (Nach den Materialien des Prut-Dnestr-Zwischenstromgebiets). In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in der vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. Südosteuropa-Schriften 20; PAS 12. Rahden: Leidorf, 267—312.
- Sava E. 2002a. *Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten*. PAS 19. Kiel: Oetker-Voges.
- Sava E. 2002b. Materiale din epoca bronzului târziu din ășezarea Mereni. *AM* XXXV, 69—92.
- Sava E. 2003. *Interferențe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spațiul Carpato-Nistrean (complexul cultural Noua-Sabatinovka)*. Autoreferat al tezei de doctor habilitat în științe istorice. Chișinău.
- Sava E., Agulnikov S. 2003. Contribuții noi la definirea ritului funerar în cultura Sabatinovka. In: Sava E. (red. șef). *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chișinău: Centrul Ed.-poligr. al USM, 113—138.
- Sîrbu M. 2012. Piese din lut descoperite în ășezărilor de tip Noua-Sabatinovka din spațiul Carpato-Nistrean. *Tyrageția* S.N. VI [XXI] (1), 91—109.
- Sîrbu M. 2013. Piese litice descoperite în ășezările Noua-Sabatinovka din spațiul pruto-nistrean. *Tyrageția* S.N. VII [XXII] (1), 163—189.
- Ușurelu E. 2006. *Relațiile culturale ale comunităților bronzului târziu din spațiul Carpato-nistrean (în baza pieselor de metal)*. Autoreferat al tezei de doctor în științe istorice. Chișinău. URL: www.scribd.com/doc/120611436/Usurelu-E. Data ăcerșării 15.10.2010 r.
- Ușurelu E. 2010a. Apariția și evoluția dălților cu toc de ănmănușare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. *Revista Arheologică*, S. N. VI (2), 5—23.
- Ușurelu E. 2010b. Cronologia complexelor ce țin de prelucrarea metalelor în perioada târzie a epocii bronzului din spațiul Carpato-Dunăreano-Nord-Pontic I. *Revista Arheologică*, S. N. VI (1), 24—70.
- Ușurelu E. 2011. Apariția și evoluția topoarelor-celt cu urechiușă frontală în epoca bronzului din Europa de Est. *Revista Arheologică*, S. N. VII (1—2), 47—54.

References

- Agulnikov, S. M. 1998. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoi obshchnosti mnogovalikovoii keramiki (KIOMK) (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex (KKIO) and Mnogovalikovaia cultural-historical complex (KIOMK))*. Zaporozhye: ZGU, 65—70 (in Russian).
- Agulnikov, S. M. 2001. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern pontic and Crimea)* IX, 87—94 (in Russian).
- Agulnikov, S. M. 2002. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n. e. — V vek n. e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD))*. Tiraspol: NIL "Arkheologiya" PGKU, 176—181 (in Russian).
- Agulnikov, S. M. 2004a. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern pontic and Crimea)* IX, 3—10 (in Russian).
- Agulnikov, S. M. 2004b. In *Thracians and Circumpontic World*. IXth International Congress of Thracology. Chișinău: Reclama, 49—51 (in Russian).
- Agulnikov, S. M. 2008. In *Revista Arheologică*, Seria Nouă IV (2), 124—138 (in Russian).
- Agulnikov S. M., 2010. In *Indoeuropeiskaia istoriia v svete novykh issledovaniia (Indo-European history in the light of new discoveries)*. Moscow: MGOU, 183—192 (in Russian).
- Agulnikov, S. M., Bubulich, V. G. 1998. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoi obshchnosti mnogovalikovoii keramiki (KIOMK) (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex (KKIO) and Mnogovalikovaia cultural-historical complex (KIOMK))*. Zaporozhye: ZGU, 135—142 (in Russian).
- Agulnikov, S. M., Malyukovich, A. E. 2010. In *Indoeuropeiskaia istoriia v svete novykh issledovaniia*. Moscow: MGOU, 173—182 (in Russian).
- Alekseev, A. Yu., Kachalova, N. K., Tokhtas'ev, S. R. 1993. In *Publikatsii Informatsionno-issledovatel'skogo instituta „Ermakov” (Publications of the informational and research institute “Ermakov”)*. Malaia seriia 1. Saint Petersburg: Informatsionno-issledovatel'skii institut “Ermakov” (in Russian).
- Balaguri, E. A. 1971. In *Arkheologiya Ukrain's'koi RSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. I. Kiev: Naukova dumka, 385—393 (in Ukrainian).
- Balaguri, E. A. 1985. In *Arkheologiya Ukrain's'koi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 481—489 (in Russian).
- Belyaev, O. S. 1977. In *Arkheologiya (Archaeology)* 22, 40—48 (in Ukrainian).
- Berezanskaya, S. S. 1960. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 26—41 (in Russian).
- Berezanskaya, S. S. 1982. *Severnaia Ukraina v epokhu bronzy (Northern Ukraine in Bronze Age)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Berezanskaya, S. S. 1985. In *Arkheologiya Ukrain's'koi SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 428—437 (in Russian).
- Berezanskaya, S. S. 1987. In *Zadachi sovetskoi arkheologii v svete reshenii XXVII s'ezda KPSS (Objectives of the Soviet archaeology in the light of the decisions of the XXVII Communist Party Congress)*. Moscow: Nauka, 38—40 (in Russian).
- Berezanskaya, S. S. 1990. *Usovo ozero. Poselenie srubnoi kul'tury na Severskom Dontse (Usovo ozero. A settlement of the Srubnaya culture on Severskii Donets)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Berezanskaya, S. S. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosviazei vostoka i zapada v epokhu pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age)*. Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr, 4—6 (in Russian).
- Berezanskaya, S. S. 1998. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoi obshchnosti mnogovalikovoii keramiki (KIOMK) (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex (KKIO) and Mnogovalikovaia cultural-historical complex (KIOMK))*. Zaporozhye: ZGU, 60—65 (in Russian).

- Berezanskaya, S. S., Otroshchenko, V. V., Cherednichenko, N. N., Sharafutdinova, I. N. 1986. *Kul'tury epokhi bronzy na territorii Ukrainy (Bronze Age cultures on the territory of Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Berezanskaya, S. S., Tsvek, E. V., Klochko, V. I., Liashko, S. N. 1994. *Remeslo epokhi eneolita — bronzy na Ukraine (Eneolithic — Bronze Age crafts in Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Berezanskaya, S. S., Cherednichenko, N. N. 1985. In *Arkheologiya Ukrainy SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 462—473 (in Russian).
- Berezanskaya, S. S., Sharafutdinova, I. N. 1985. In *Arkheologiya Ukrainy SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 489—499 (in Russian).
- Berezanskaya, S. S. 1964. *Bronzoviy vik na Ukraini (Bronze Age in Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Berezanskaya, S. S., Otroshchenko, V. V. 1997. In *Davnya istoriya Ukrainy (Ancient history of Ukraine)*. Vol. 1 (II). Kiev: Naukova dumka, 387—422 (in Ukrainian).
- Berestnev, S. I. 1997. In *Problemy istorii i arkeologii Ukrainy (Problems of history and archaeology of Ukraine)*. Kharkov: AO "Biznes Inform". URL: bronza-lib.narod.ru/b/berestnev1997.html. Date of access 12.11.2013 (in Russian).
- Berestnev, S. I. 2001. *Vostochnoukrainskaia lesostep' v epokhu srednei i pozdnei bronzy (II tys. do n. e.) (The forest-steppe zone of the Eastern Ukrainian in Middle and Late Bronze Age (II millennium BC))*. Kharkov: PF Amet (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 1982. In *Kul'turnyi progress v epokhu bronzy i rannego zheleza (Cultural progress in the Bronze and early Iron Age)*. Erevan: AN Armianskoi SSR, 19—22 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 1990. In *Problemy drevnei istorii Severnogo Prichernomor'ia i Srednei Azii (epokha bronzy i rannego zheleza) (Problems of the ancient history of Northern Pontic and Central Asia regions (Bronze and Early Iron ages))*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 4—5 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 1991. In *Sotsiogenez i kul'turogenez v istoricheskom aspekte (Sociogenesis and cultural genesis in historical aspect)*. Saint Petersburg: IIMK, 24—27 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 1993. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 7. Saint Petersburg, 42—43 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 1995a. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 25. Saint Petersburg, 18—29 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 1995b. In *Drevnie indo-iranskii kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n. e.) (Ancient Indo-Iranian cultures between Volga and Ural (II millennium BC))*. Samara: SamGPU, 114—123 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 2009. In *S. N. Bibikov i pervobytnaia arkeologiya (S. N. Bibikov and the archaeology of prehistory)*. Saint Petersburg: IIMK, 357—365 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 2010a. In *Kul'turogenez i drevnee metallo-proizvodstvo Vostochnoi Evropy (Cultural genesis and metal production of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Info Ol, 119—123 (in Russian).
- Bochkarev, V. S. 2010b. In *Kul'turogenez i drevnee metallo-proizvodstvo Vostochnoi Evropy (Cultural genesis and metal production of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Info Ol, 164—171 (in Russian).
- Bochkarev, V. 2013. In *Bronzoviy vek. Evropa bez granits. Chetvertoe — pervoe tysiacheletie do n. e. Katalog vystavki (Bronze Age. Europe without borders. IV—I millennia BC. Exhibition catalogue)*. Saint Petersburg: Chisty list, 47—64 (in Russian).
- Bochkarev, V. S., Leskov, A. M. 1978. In *Nauchnye trudy (Scientific works)* 221. Kuibyshev: KGPI, 23—26 (in Russian).
- Bratchenko, S. N. 1971. In *Arkheologiya Ukrain'skoi RSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. I. Kiev: Naukova dumka, 334—343 (in Ukrainian).
- Bratchenko, S. N. 1977. In *Vil'nianski kurgany v Dneprovskom Nadporozh'e (Vilno barrows in the Dnieper Nadporozhie)*. Kiev: Naukova dumka, 12—17 (in Russian).
- Bratchenko, S. N. 1985. In *Arkheologiya Ukrainy SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 458—462.
- Bratchenko, S. N. 1985. In *Arkheologiya Ukrainy SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 451—458 (in Russian).
- Bratchenko, S. N. 2006. In *Materialy ta doslidzhennya z arkeologii Skhidnoi Ukrainy (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 6. Lugansk, 32—340 (in Russian).
- Bratchenko, S. N., Gershkovich, Ia. P. 2003. In *Materialy i issledovaniia po arkeologii Vostochnoi Ukrainy (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 1. Lugansk, 247—277 (in Russian).
- Brovender, Iu. M. 2001a. In *Bronzoviy vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiia (Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization)*. Samara: OOO "NTTs", 341—347 (in Russian).
- Brovender, Yu. M. 2001b. In *Epokha bronzy Dono-Donetskogo regiona (Bronze Age of the Don-Donets region)*. URL: bronza-lib.narod.ru/b/brovender2001.htm. Date of inquiry 12.11.2013 (in Russian).
- Brovender, Yu. M. 2007. In *Materialy ta doslidzhennya z arkeologii Skhidnoi Ukrainy (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 7, 224—234 (in Russian).
- Brovender, Yu. M. 2008. In *Proiskhozhdenie i rasprostranenie kolesnichestva (Origin and spreading of chariots)*. Lugansk: Globus, 197—203 (in Russian).
- Brovender, Yu. M. 2010. In *Donets'kyj arkeologichnyi zbirnyk (Donetsk archaeological compilation)* 13/14, 203—221 (in Russian).
- Bruyako, I. V. 2005. *Rannie kochevniki v Evrope X—V vv. do R. Kh. (Early Nomads in Europe (10th—5th cc. BC))*. Kishinev: Vysshiaia antropologicheskaia shkola (in Russian).
- Vanchugov, V. P. 1987. In *Mezhplemennnye svyazi epokhi bronzy na territorii Ukrainy (Bronze Age intertribal connections on the territory of Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka, 114—131 (in Russian).
- Vanchugov, V. P. 1990. *Belozerskie pamiatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e. Problema formirovaniia belozerskoi kul'tury (Belozerska sites in North-Western Pontic region. The problem of formation of Belozerska culture)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Vanchugov, V. P. 1993. In *Drevnosti Prichernomorskikh stepei (Antiquities of the Northern Pontic steppes)*. Kiev: Naukova dumka, 28—39 (in Russian).
- Vanchugov, V. P. 1999. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkeologicheskogo obshchestva (Brief reports of the Odessa Archaeological Society)*, 58—62 (in Russian).
- Vanchugov, V. P. 2000. In *Arkeologiya ta etnologiya Skhidnoi Yevropy: materialy i doslidzhennya (Archaeology and ethnology of Eastern Europe: materials and researches)*. Odessa, 39—56 (in Russian).
- Vanchugov, V. P. 2013. In *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi akademii nauk Ukrainy) (Ancient cultures of the North-Western Pontic region (to the anniversary of 95 years from the foundation of the National Academy of Sciences of Ukraine))*. Odessa: SMIL, 293—315 (in Russian).
- Vanchugov, V. P., Ivanova, S. V. 2013. In *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy) (Ancient cultures of North-West Pontic region (to the anniversary of 95 years from the foundation of the National Academy of Sciences of Ukraine))*. Odessa: SMIL, 335—342 (in Russian).
- Vanchugov, V. P., Chernyakov, I. T. 1984. In *Rannii zheleznyi vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Early Iron Age of the North-Western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 5—24 (in Russian).
- Vanchugov, V. P., Zaginailo, A. G., Kushnir, V. G., Petrenko, V. G. 1991. *Voronovka II. Poselenie pozdnego bronzovogo veka v Severo-Zapadnom Prichernomor'e (Voronovka II. A settlement of the Late Bronze Age in North-Western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Vasiliev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 1993. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 7. Saint Petersburg, 66—68 (in Russian).
- Vasiliev, I. B., Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 1995. In *Drevnie indo-iranskii kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n. e.) (Ancient Indo-Iranian cultures between Volga and Ural (II millennium BC))*. Samara: SamGPU, 5—37 (in Russian).
- Vasiliev, I. B., Kuznetsov, P. F., Turetsky, M. A. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzoviy vek (History of the Samara Volga region from the most ancient to modern times. Bronze Age)*. Gl. I. Samara: Samarskii nauchnyi tsentr RAN, 6—64 (in Russian).
- Velikanova, M. S. 1975. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo*

- mezhdurech'ia (Paleoanthropology of the Prut-Dniester interfluvium). Moscow: Nauka (in Russian).
- Vinokur, I. S., Telegin, D. Ya. 2008. *Arkheolohiya Ukraïny. Pidruchnyk dlya studentiv istorychnykh spetsial'nostey vyshchyykh navchal'nykh zakladiv* (Archaeology of Ukraine. A course book for the students of historical specialities of the high educational institutions). Ternopol: Navchal'na knyha — Bohdan (in Ukrainian).
- Gerasimenko, N. P., Gorbov, V. N. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek)* (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze Age)) II. Donetsk: DonGU, 47—49 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 1982. In *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamiatnikov Ukrainy* (Materials to the chronology of the archaeological sites in Ukraine). Kiev: Naukova dumka, 46—61 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 1989. In *Problemy istorii ta arkheolohii davn'oho naseleennya Ukraïns'koi RSR* (Problems of history and archaeology of the ancient population of Ukrainian SSR). Kiev: Naukova dumka, 52—53 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse* (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass). Donetsk: Donetskaia gorodskaia tipografiia, 113—115 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 1990. In *Problemy issledovaniia pamiatnikov arkheologii Severskogo Dontsa* (Problems of the investigation of archaeological sites of Severskii Donets region). Lugansk: Luganskaia pravda, 57—59 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 1993. *Sabatyniv's'ka kul'tura Nyzhn'oho Podniprov'ya ta Pivnichno-Zakhidnoho Pryazov'ya* (The Sabatinovka culture of Lower Dnieper and North-Western Azov regions). PhD thesis. Kiev (in Ukrainian).
- Gershkovich, Ya. P. 1995. In *Epokha bronzy Dono-Donetskogo regiona* (Bronze Age of Don-Donetsk region). Lugansk, 37—38 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 1996. In *Dono-Donetskii region v sisteme drevnostei epokhi bronzy vostochnoevropeiskoi stepi i lesostepi* (Don-Donets region in the system of Bronze Age antiquities of East-European steppe and forest-steppe regions) (2). Voronezh: Voronezhskii universitet, 22—24 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 1997. In *Arkheologicheskii al'manakh* 6, 125—144 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 1998. In *Arkheologicheskii al'manakh* 7, 61—92 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 2000. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost' v sisteme drevnostei epokhi bronzy evraziiskoi stepi i lesostepi* (Srubnaya cultural-historical complex in the system of Bronze Age antiquities of Eurasian steppe and forest-steppe regions). Mat. mezhdunar. nauch. konf. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 153—156 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 2001. In *XV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie* (XV Ural archaeological consultation). Orenburg: OOO "Orenburgskaia guberniia", 69—71 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 2001—2002. In *Stratum plus. Arkheologii i kul'turnaia antropologii* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (2), 598—607 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 2002. In *Arkheolohichna zbirka* (Archaeological compilation) 2. Kherson: VAT "Vyd-vo "Naddnipyrians'ka pravda", 83—87 (in Ukrainian).
- Gershkovich, Ya. P. 2003. In *Arkheolohiya* (Archaeology) (3), 32—40 (in Ukrainian).
- Gershkovich, Ya. P. 2004. In *Thracians and Circumpontic World*. Chişinău: Reclama, 46—47 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 2004. In *Rossiiskaia arkheologii* (Russian Archaeology) (4), 104—113 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 2005. In *Na poshanu Sofii Stanislavivny Berezans'koi* (In honor of Sofia Stanislavovna Berezanskaia). Kiev: Shlyakh, 177—180 (in Ukrainian).
- Gershkovich, Ia. P. 2005—2009. In *Stratum plus. Arkheologii i kul'turnaia antropologii* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (2), 578—590 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P. 2009. In *Arkheologicheskii al'manakh* 20, 327—332 (in Russian).
- Gershkovich, Ya. P., Klochko, V. I., Evdokimov, G. L. 1987. In *Sovetskaia arkheologii* (Soviet Archaeology) (2), 142—158 (in Russian).
- Gorbenko, K. V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Brief reports of the Odessa Archaeological Society), 85—90 (in Ukrainian).
- Gorbov, V. N. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse* (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass). Donetsk: Donetskaia gorodskaia tipografiia, 120—123 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1991. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia* (V tys. do n. e. — V v. n. e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD)). Kiev: RIO Respublikanskoi assotsiatsii molodykh uchenykh i spetsialistov AN USSR, 119—120 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1992. In *Istoriia i arkheologii Slobodskaia Ukrainy* (History and archaeology of Slobodskaia Ukraine). Kharkov, 100—102 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1993. In *Arkheologicheskie izyskaniia* (Archaeological studies) 7. Saint Petersburg, 90—93 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1994. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia* (V tys. do n. e. — V v. n. e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD)). Tiraspol: NIL "Arkheologii" PGKU, 130—133 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1994. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia oblast'* (Srubnaya cultural and historical entity). Saratov: Saratovskii universitet, 70—74 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1994. In *Problemy khronologii kul'tur eneolita — bronzovogo veka Ukrainy i iuga Vostochnoi Evropy* (Problems of chronology of Eneolithic — Bronze Age cultures of Ukraine and South of Eastern Europe). Dnepropetrovsk: DGU, 15—17 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1995. In *Arkheologicheskie izyskaniia* (Archaeological studies) 25 (II). Saint Petersburg, 52—72 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1995. In *Saratov. Arkheologicheskie izyskaniia* (Archaeological studies) 25. Saint Petersburg, 87—90 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1996. In *Dono-Donetskii region v sisteme drevnostei epokhi bronzy vostochnoevropeiskoi stepi i lesostepi* (Don-Donets region in the system of Bronze Age antiquities of East-European steppe and forest-steppe regions). Voronezh: Voronezhskii universitet, 66—69 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek)* (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze age)). P. II. Donetsk: DonGU, 13—21 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1997. In *Arkheologicheskii al'manakh* (Archaeological almanac) 6, 145—162 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 1997. In *Sabatynovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosv'язei vostoika i zapada v epokhu pozdnei bronzy* (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age). Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr, 6—7 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 2000. In *Arkheologii i drevniia arkhitektura Levoberezhnoi Ukrainy i smezhnykh territorii* (Archaeology and ancient architecture of Left Bank Ukraine and adjacent territories). Donetsk: Skhidnii vidavmichii dim, 55—59 (in Russian).
- Gorbov, V. N. 2001. In *Problemy arkheologii i arkhitektury* (Problems of archaeology and architecture). Vol. 1. *Arkheologii* (Archaeology). Donetsk; Makeevka: Zhurnal "Donbass"; Natsional'nyi soiuз pisatelei Ukrainy, 145—170 (in Russian).
- Gorbov, V. N., Litvinenko, R. A. 1998. In *Problemy arkheolohii Podniprov'ya* (Problems of the archaeology of Dnepr region) 1. Dnepropetrovsk, 69—79 (in Russian).
- Gorbov, V. N., Mimokhod, R. A. 1999. In *Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'ia* (Antiquities of North-Eastern Azov region). Donetsk: Ukrainskii kul'turologicheskii tsentr, 24—69 (in Russian).
- Gorbov, V. N., Privalova, O. Ya. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse* (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass). Donetsk: Donetskaia gorodskaia tipografiia, 35—38 (in Russian).
- Gorbov, V. N., Usachuk, A. N. 1993. In *Drevnee Prichernomor'e* (Ancient Pontic region). *Kratkie soobshcheniia Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Brief reports of the

- Odessa Archaeological Society), 38—41 (in Russian).
- Gorbov, V. N., Usachuk, A. N. 2001. In *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologii i periodizatsiia (Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization)*. Samara: OOO "NTTs", 213—220 (in Russian).
- Gorlach, N. V. 1979. In *Problemy epokhi bronzy iuga Vostochnoi Evropy (Problems of Bronze Age of the South of Eastern Europe)*. Donetsk: DonGU, 60—62 (in Russian).
- Gorodtsov, V. 1927. In *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia (Great Soviet Encyclopedia)* VII. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 610—625 (in Russian).
- Grakov, B. N. 1977. *Rannii zheleznyi vek. (Kul'tury Zapadnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy) (Early Iron Age. (Cultures of Western and South-Eastern Europe))*. Moscow: MGU (in Russian).
- Gudkova, A. V., Okhotnikov, S. B., Subbotin, L. V., Chernyakov, I. T. 1991. *Arkheologicheskie pamiatniki Odesskoï oblasti (spravochnik) (Archaeological sites of Odessa region (handbook))*. Odessa (in Russian).
- Deopik, D. V. 1970. In *Drevnosti Vostochnogo Kryma. (Predskifskii period i skify) (Antiquities of Eastern Crimea. (Pre-Scythian period and Scythians))*. Kiev: Naukova dumka, 60—96 (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1973. *Pamiatniki epokhi bronzy (Bronze Age sites)*. Arkheologicheskaia karta Moldavskoi SSR (Archaeological map of Moldavian SSR) 3 (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1975. *Bronzovye predmety XIII—VIII vv. do n. e. iz Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ia (Bronze items of the 13th—8th centuries BC from the Dniester-Prut interfluvium)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1986. *Moldavia i sosiednie territorii v epokhu bronzy (Moldavia and neighbored territories in the Bronze Age)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1987. In *Istoriia Moldavskoi SSR (History of Moldavian SSR)* I. Kishinev: Kartia Moldoveniaske, 67—98 (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1997. *Metallicheskie izdeliia. K probleme genezisa kul'tur rannego gal'shtata Karpato-Danubio-Nordpontiiskogo regiona (Metallic items. To the problem of the genesis of Early Halstattian cultures of Carpathian-Danubian-Northern Pontic region)*. Chişinău: Tipografia Akademii nauk (in Russian).
- Dergachev, V. A. 2010. *Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia. Vyp. 1. Odnoukhkovye kel'ty s arkovidnymi faskami (Socketed axes of the Late Bronze Age from Carpathian-Danubian region. Vol. 1. One-eyed socketed axes with arcuate facets)*. Kishinev: Tipografia Centrală (in Russian).
- Dergachev, V. A. 2011. *Topory-kel'ty pozdnei bronzy Karpato-Podunav'ia. Vyp. 2. Kel'ty i serpy Nizhnego Podunav'ia (Socketed axes of the Late Bronze Age from Carpathian-Danubian region. Vol. 2. Socketed axes and sickles of Lower Danube region)*. Kishinev: Tipografia Centrală (in Russian).
- Dergachev, V. 2012. In *Revista Arheologică. Seria Nouă. VIII (1—2)*, 154—160 (in Russian).
- Dergachev, V. A., Bochkarev, V. S. 2002. *Metallicheskie serpy pozdnei bronzy Vostochnoi Evropy (Metal Sickles of the Late Bronze Age in Eastern Europe)*. Kishinev: Vysshiaia Antropologicheskaia Shkola (in Russian).
- Dremov, I. I. 2000. In *Vzaimodeistvie i razvitie drevnikh kul'tur iuzhnogo pogranič'ia Evropy i Azii (Interaction and development of ancient cultures of southern border zone between Europe and Asia)*. Saratov: Saratovskii universitet, 121—125 (in Russian).
- Dremov, I. I. 2011. *Pogrebal'nye pamiatniki kontsa srednei i nachala pozdnei bronzy stepnogo Povolzh'ia (Burial sites of the Late Middle and Early Late Bronze Age of steppe Volga region)*. PhD thesis. Izhevsk. URL: v4.udsu.ru/files/1304268371.pdf. Date of access 12.11.2013 (in Russian).
- Eliseev, V. F., Klyushintsev, V. N. 1982. In *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamiatnikov Ukrainy (Materials to the chronology of the archaeological sites in Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka, 71—80 (in Russian).
- Zinevich, G. P. 1970. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 6, 156—167 (in Russian).
- Ivanova, S. V. 2004. In *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological sites of Orenburg region)* VI, 38—45 (in Russian).
- Ivanova, S. V., Kiosak, D. V., Vinogradova, E. I. 2011. In *Stratum plus. Arkheologii i kul'turnaia antropologii (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 101—140 (in Russian).
- Ivanova, S. V., Kiosak, D. V., Vinogradova, E. I. 2011. *Paleoekologii i kul'turnaia dinamika. Golotsen Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Paleoecology and cultural dynamics. Holocene of North-Western Pontic region)*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing (in Russian).
- Ivanova, S. V., Ostroverkhov, A. S., Savel'ev, O. K., Ostapenko, P. V. 2012. *Ocherki istorii i arkheologii Dnestro-Bug'skogo mezhdurech'ia (Essays on history and archaeology of Dniester-Bug interfluvium)*. Kiev: KNT (in Russian).
- Izotova, M. A. 2000. In *Vzaimodeistvie i razvitie drevnikh kul'tur iuzhnogo pogranič'ia Evropy i Azii (Interaction and development of ancient cultures of southern border zone between Europe and Asia)*. Saratov: Saratovskii universitet, 109—112 (in Russian).
- Ilyukov, L. S. 2012. In *Stepi Severnoi Evrazii (Steppes of Northern Eurasia)*. Orenburg: IPK "Gazprompechat"; OOO "Orenburggazpromservis", 314—316 (in Russian).
- Kabanova, E. V. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze age))* II. Donetsk: DonGU, 41—47 (in Russian).
- Kavruk, V. I. 1988. *Kul'tura Noua. Opyt etnogeneticheskoi rekonstruktsii (The Noua culture. An attempt of ethnogenetical reconstruction)*. Moscow (in Russian).
- Kachalova, N. K. 1979. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 20, 28—38 (in Russian).
- Kachalova, N. K. 1993. In *Pamiatniki srubnoi kul'tury: Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e (Srubnaya culture sites: Volga-Ural interfluvium)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1—10. Vol. I. Saratov, 3—18 (in Russian).
- Kislyi, A. E. 1990. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex)*. Zaporozhye, 20—22. URL: bronzalib.narod.ru/k/kislyi1990.html. Date of access 12.11.2013 (in Russian).
- Kislyi, A. E. 1997. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god (Archaeological investigations in Crimea. 1994)*. Simferopol, 34—37 (in Russian).
- Kislyi, A. E. 2005. In *Stratum plus. Arkheologii i kul'turnaia antropologii (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* 2003—2004 (2), 93—126 (in Russian).
- Kyslyj, A. E. 2006. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 21—34 (in Ukrainian).
- Kislyi, A. E., Gershkovich, Ya. P. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass)*. Donetsk: Donetskaia gorodskaiia tipografia, 112—113 (in Russian).
- Klochko, V. I. 1987. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass)*. Donetsk: Donetskaia oblastnoi kraevedcheskii muzei, 73—75 (in Russian).
- Klochko, V. I. 2003. In *Arkheometriia ta okhorona istoryko-kul'turnoi spadshchyny (Archaeometry and protection of cultural-historical heritage)*. URL: http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/arox/2003/klochko.html. Date of access 29.09.2010 (in Russian).
- Klochko, V. I. 2006. *Ozbroyennya ta vijs'kova sprava davn'oho naselennya Ukrainy (5000—900 rr. do R. Kh.) (Armament and warfare of the ancient population of Ukraine (5000—900 BC))*. Kiev: ArtEk (in Ukrainian).
- Klochko, V. I., Kozymenko, A. V. 2011. *Nash nedavni bronzovyi vek (Our recent Bronze Age)*. Kiev: Teneza (in Russian).
- Klyushintsev, V. N. 1993. *Poseleniia sabatinovskoi kul'tury Stepnogo Pobuzh'ia (Settlements of Sabatinovka culture from the Steppe Bug area)*. PhD thesis. Kiev (in Russian).
- Klyushintsev, V. N. 1993. *Poseleniia sabatinovskoi kul'tury Stepnogo Pobuzh'ia (Settlements of Sabatinovka culture from the Steppe Bug area)*. PhD diss. Kiev (in Russian).
- Kliushintsev, V. N. 1995. *Poseleniia zemledel'tsev i skotovodov pozdnego bronzovogo veka Granitno-Stepnogo Pobuzh'ia (Settlements of farmers and stock breeders of the Late Bronze age from the Granit-Steppe Bug region)*. Kiev: Yuzhnoukrainsk: Tirazh (in Russian).
- Kovaleva, I. F. 1981. *Sever Stepnogo Podneprov'ia v srednem*

- bronzovom veke (po dannykh pogrebal'nogo obriada). Ucheb. posobie (The northern part of middle Dnieper region in Eneolithic and Bronze age). Dnepropetrovsk: DGU (in Russian).
- Kovaleva, I. F. 1981. In *Stepnoe Podneprov'e v bronzovom i rannem zheleznom vekakh* (Steppe Dnieper region in the Bronze and Early Iron ages). Dnepropetrovsk: DGU, 77—84 (in Russian).
- Kovaleva, I. F., Volkoboi, S. S. 1978. In *Kurgannye drevnosti Stepnogo Podneprov'ia III—I tys. do n. e.* (Barrow antiquities of the Steppe Dnieper region in the 3rd—1st millennia BC). Dnepropetrovsk, 32—45 (in Russian).
- Kovaleva, I. F., Romashko, V. A., Chernyavskaya, N. V., Khristan, A. M. 1981. In *Stepnoe Podneprov'e v bronzovom i rannem zheleznom vekakh* (Steppe Dnieper region in the Bronze and Early Iron ages). Dnepropetrovsk: DGU, 19—44 (in Russian).
- Kovaleva, I. F., Volkoboi, S. S. 1976. In *Arkheologiya* (Archaeology) 20, 3—22 (in Ukrainian).
- Kozenkova, V. I. 1982. In *Kul'turnyi progress v epokhu bronzy i rannego zheleza* (Cultural progress in the Bronze and early Iron Age). Erevan: AN Armianskoi SSR, 114—115 (in Russian).
- Kozenkova, V. I. 1990. In *Sovetskaia arkheologiya* (Soviet Archaeology) (3), 64—92 (in Russian).
- Kolev, Yu. I. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek* (History of the Samara Volga region from the most ancient to modern times. Bronze Age). Gl. VII. Samara: Samarskii nauchnyi tsentr RAN, 242—301 (in Russian).
- Kolev, Yu. I. 2008. In *Aktual'nye problemy arkheologii Urala i Povolzh'ia* (Actual archaeological problems of Ural and Volga regions). Samara: Glagol, 208—240 (in Russian).
- Kolotukhin, V. A. 1988. *Naselenie Predgornogo i Gornogo Kryma v kontse II — pervoi polovine I tys. do n. e.* (Population of the submontane and montane Crimea in the Late 2nd — first half of 1st millennium BC). PhD thesis. Kiev (in Russian).
- Kolotukhin, V. A. 1990. In *Sovetskaia arkheologiya* (Soviet Archaeology) (3), 93—112 (in Russian).
- Kolotukhin, V. A. 1996. In *Materialy po arkheologii Kryma* (Materials for the archaeology of Crimea). Kiev: Iuzhnohorodskoe vedomosti (in Russian).
- Kolotukhin, V. A. 2003. *Pozdnyi bronzovyi vek Kryma (Late Bronze Age of Crimea)*. Kiev: Stilos (in Russian).
- Koltukhov, S. G., Kislyi, A. E., Toshchev, G. N. 1994. *Kurgannye drevnosti Kryma (po materialam raskopok Severo-Krymskoi ekspeditsii v 1991—1992 gg.)* (Barrow antiquities of Crimea (according to the materials from excavations of the Northern Crimea expedition in 1991—1992)). Zaporozhye: Dneprovskii metallurg (in Russian).
- Krivtsova-Grakova, O. A. 1947. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia* (Proceedings of the State Historical Museum) XVII, 57—172 (in Russian).
- Krivtsova-Grakova, O. A. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and researches on the archaeology of USSR) 21, 152—181 (in Russian).
- Krivtsova-Grakova, O. A. 1955. *Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdnei bronzy* (Steppe Volga and Black Sea region in Late Bronze Age). Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 46 (in Russian).
- Kruts, S. I. 1984. *Paleoantropologicheskie issledovaniia Stepnogo Pridneprov'ia (epokha bronzy)* (Paleoanthropological investigations of Steppe Dnieper region (Bronze Age)). Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Kruts, S. I. 1985. In *Arkheologiya Ukrainkoi SSR* (Archaeology of the Ukrainian SSR) 1. Kiev: Naukova dumka, 527—535 (in Russian).
- Kruts, S. I. 1997. In *Davnya istoriya Ukrainy* (Ancient history of Ukraine). Vol. 1 (II). Kiev: Naukova dumka, 529—544 (in Ukrainian).
- Krushelnitskaya, L. I. 1985. *Vzayemozv'yazky naselennya Prykarpattia i Volyni z plemenamy Skhidnoi i Tsentral'noi Yevropy (rubizh epokh bronzy i zaliza)* (Interrelations between the population of the Carpathian Region and Volhynia and the tribes Eastern and Central Europe (limit of Bronze and Iron ages)). Kiev: Naukova dumka.
- Krushelnitskaya, L. I. 2006. *Kul'tura Noa na zemlyakh Ukrainy* (Noua culture on Ukrainian lands). Lvov: Lvivs'ka naukova biblioteka im. V. Stefanyka NAN Ukrainy (in Ukrainian).
- Kryzhitsky, S. D. 1982. *Zhilye doma antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia* (VI v. do n. e. — IV v. n. e.) (The living houses from the ancient cities of Northern Pontic region (6th century BC — 4th century AD)). Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek* (History of the Samara Volga region from the most ancient to modern times. Bronze Age). Samara: Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 122—151 (in Russian).
- Kuzmina, E. E. 2008. *Arii — put' na iug* (Aryans — path towards south). Moscow; Saint Petersburg: Letnii sad (in Russian).
- Kuzmina, O. V., Sharafudinova, E. S. 1995. In *Drevnie indo-iranskii kul'tury Volgo-Ural'ia* (II tys. do n. e.) (Ancient Indo-Iranian cultures between Volga and Ural (2nd millennium BC)). Samara: SamGPU, 208—230 (in Russian).
- Kushtan, D. P. 2002. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia* (V tys. do n. e. — V vek n. e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD)). Tiraspol: Nauchno-issledovatel'skaia laboratoria "Arkheologiya" PGU im. T. G. Shevchenko, 182—184 (in Russian).
- Kushtan, D. P. 2006. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheologii Skhidnoi Ukrainy* (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine) 5. Luhans'k, 259—272. URL: www.arheolog-ck.ru/?p=2818. Date of access 12.11.2013 (in Ukrainian).
- Kushtan, D. P. 2007. *Naselennya pivdennoi chastyny Lisostepovoho Podniprova za doby pizn'oi bronzy* (Population of the Southern part of the forest-steppe Dnieper region in the Late Bronze age). PhD thesis. Kiev. URL: www.irbis-nbuv.gov.ua/9cguiirbis_64.exe?; www.arheolog-ck.ru/?p=588. Date of access 12.11.2013 (in Ukrainian).
- Kushtan, D. P. 2011. In *Perekhod ot epokhi bronzy k epokhe zheleza v Severnoi Evrazii* (The transition from Bronze to Iron age in Northern Eurasia). Saint Petersburg, 19—21 (in Russian).
- Kushtan, D. P. 2012a. In *Problemy doslidzhennya pam'yatok arkheologii Skhidnoi Ukrainy* (Problems of investigation of archaeological sites of Eastern Ukraine). Luhans'k: LOKM, 252—261. URL: www.arheolog-ck.ru/?p=5259. Date of access 12.11.2013 (in Ukrainian).
- Kushtan, D. P. 2012b. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik* (Russian archaeological annual) (2), 284—300. URL: www.arheolog-ck.ru/?p=5211. Date of access 12.11.2013 (in Russian).
- Levički, O. G. 1995. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma* (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea) V, 159—165 (in Russian).
- Levički, O. G. 2002. In *Severnoe Prichernomor'e: ot eneolita k antichnosti* (Northern Pontic region: from Eneolithic to Antiquity). Tiraspol: NIL "Arkheologiya" PGU im. T. G. Shevchenko, 180—205 (in Russian).
- Leskov, A. M. 1967a. In *Pamiatniki epokhi bronzy iuga Evropeiskoi chasti SSSR* (Bronze Age sites from the south of the European part of USSR). Kiev: Naukova dumka, 143—178 (in Russian).
- Leskov, A. M. 1967b. In *Pamiatniki epokhi bronzy iuga Evropeiskoi chasti SSSR* (Bronze Age sites from the south of the European part of USSR). Kiev: Naukova dumka, 7—19 (in Russian).
- Leskov, A. M. 1970. In *Drevnosti Vostochnogo Kryma. (Predskifskii period i skify)* (Antiquities of Eastern Crimea. (Pre-Scythian period and Scythians)). Kiev: Naukova dumka, 7—59 (in Russian).
- Leskov, A. M. 1971. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and researches on the archaeology of USSR) 177, 75—91 (in Russian).
- Leskov, A. M. 1975. *Zakliuchitel'nyi etap bronzovogo veka na Iuge Ukrainy* (Final stage of Bronze age in Southern Ukraine). PhD thesis. Moscow (in Russian).
- Leskov, A. M. 1975. *Predskifskii period na Iuge Ukrainy* (Pre-Scythian period in Southern Ukraine). PhD thesis. Moscow (in Russian).
- Leskov, A. M. 1971. In *Arkheologiya Ukrainkoi SSR* (Archaeology of the Ukrainian SSR) I. Kiev: Naukova dumka, 404—428 (in Ukrainian).
- Lysenko, S. D. 2001. *Serednye Podniprova za doby pizn'oi bronzy* (Middle Dnieper region in Late Bronze age). PhD thesis. Kiev. URL: dissert.com.ua/contents/29054.html. Date of access 02.09.2009 (in Ukrainian).

- Lysenko, S. D. 2002. In *Zapysky Naukovoho tovarystva imeni Shevchenka (Proceedings of the scientific society "T.H. Shevchenko")* SSXLIV: Pratsi Arkheolohichnoi komisii. Lvov, 155—178 (in Ukrainian).
- Lysenko, S. S. 2006. *Prykrasy naseleynna Ukraïny doby pizn'oi bronzy (Prykrasy naseleynna Ukraïny doby pizn'oi bronzy)*. PhD thesis. Kiev (in Ukrainian).
- Litvinenko, R. A. 1990. In *Problemy issledovaniia pamiatnikov arkheologii Severskogo Dontsa (Problems of the investigation of archaeological sites of Severskii Donets region)*. Lugansk: Luganskaia pravda, 80—83 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 1991. In *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.e. — V v.n.e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD))*. Kiev: RIO Respublikanskoi assotsiatsii molodykh uchennykh i spetsialistov AN USSR, 131—133 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 1992. In *Materialy arkheologicheskogo seminar (Materials of the archaeological seminar)* 1, 10—13 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 1992. In *Istoriia i arkheologii Slobodskoi Ukraïny (History and archaeology of Slobodskaiia Ukraine)*. Kharkov, 145—147 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 1994. In *Problemy khronologii kul'tur eneolita — bronzovogo veka Ukraïny i iuga Vostochnoi Evropy (Problems of chronology of Eneolithic — Bronze Age cultures of Ukraine and South of Eastern Europe)*. Dnepropetrovsk: DGU, 28—29 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze age))*. P. I. Donetsk: DonGU, 65—71 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 1998. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoi obshchnosti mnogovalikovoï keramiki (KIOMK) (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex (KKIO) and Mnogovalikovaia cultural-historical complex (KIOMK))*. Zaporozhye: ZGU, 97—105 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 1999. In *Etnichna istoriya ta kul'tura naseleynna Stepu ta Lisostepu Yevrazii (vid kam'yanoho viku po rannye seredn'ovichyia) (Ethical history and culture of the population of the European steppe and forest-steppe (from Stone age to Early Middle age))*. Dnepropetrovsk: Nova ideolohiya, 83—86. URL: bronzalib.narod.ru/litvinenko.html. Date of access 12.11.2013 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 1999. In *Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'ia (Antiquities of North-Eastern Azov region)*. Donetsk: Ukrainskii kul'turologicheskii tsentr, 4—23 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 2000. In *Vzaimodeistvie i razvitie drevnikh kul'tur iuzhnogo pogranich'ia Evropy i Azii (Interaction and development of ancient cultures of southern border zone between Europe and Asia)*. Saratov: Saratovskii universitet, 67—71 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 2000. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaiia obshchnost' v sisteme drevnostei epokhi bronzy evraziiskoi stepi i lesostepi (Srubnaya cultural-historical complex in the system of Bronze Age antiquities of Eurasian steppe and forest-steppe regions)*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 81—90 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 2002. In *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological sites of Eastern Europe)*. Voronezh: VGPU, 75—85 (in Russian).
- Litvinenko, R. A. 2007. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohii Skhidnoi Ukraïny (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 7, 156—172 (in Ukrainian).
- Litvinenko, R. A. 2008. In *Novi storinky istorii Donbasu (New pages from the history of Donbas)*. Book 15/16. Donetsk: DonNU, 342—354.
- Litvinenko, R. A. 2009. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohii Skhidnoi Ukraïny (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 9, 44—90 (in Ukrainian).
- Litvinenko, R. A. 2009. *Kul'turne kolo Babyne (za materialamy pokhoval'nykh pam'yatok) (Babyne cultural circle (basing on the material from funerary sites))*. PhD thesis. Kiev (in Ukrainian).
- Litvinenko, R. A. 2009. In *Visnyk Donets'koho natsional'noho universytetu (Bulletin of Donetsk State University)*. Ser. B: Humanitarni nauky (1), 141—150 (in Ukrainian).
- Litvinenko, R. A. 2010. In *Donets'kyj arkheolohichnyj zbirnyk (Donetsk archaeological compilation)* 13/14, 30—66 (in Ukrainian).
- Litvinenko, R. A. 2011. In *Istorychni i politolohichni doslidzhennya (Historical and polytological investigations)* (1—2 (47—48)), 169—178 (in Ukrainian).
- Litvinova, L. V. 2012. In *Ocherki istorii i arkheologii Dnestro-Bugskogo mezhdurech'ia (Essays on history and archaeology of Dniester-Bug interfluve)*. Supplement 2. Kiev: KNT, 242—255 (in Russian).
- Lopatyn, V. A. 2010. *Smelovskii mogil'nik: model' lokal'nogo kul'turogeneza v stepnom Zavolzh'e (seredina II tys. do n.e.) (Smelovo necropolis: a model of local culture genesis in the steppe Trans-volga region (middle of 2nd millennium BC))*. Saratov: Nauka (in Russian).
- Lysenko, S. D. 2002. In *Istorychna nauka: problemy rozvytku (Historical science: problems of development)*. Lugansk: SNU im. V. Dalya, 104—111 (in Russian).
- Lyashko, S. N., Popandopulo, Z. Kh., Drovosekova, O. V. 2004. *Kurgannye mogil'niki Dneprovskogo Nadporozh'ia (Iasinovatoe, Dneprovka, Petro-Mikhailovka) (Barrow necropolises of the Dnieper Nadporozhie region (Yasinovatoe, Dneprovka, Petro-Mikhailovka))*. Zaporozhye: Dikoe Pole (in Russian).
- Makarevich, A. V. 2007. In *Mahisterium (Magisterium)* 27, 35—39 (in Ukrainian).
- Makarevich, A. V. 2009. In *Mahisterium (Magisterium)* 36, 27—33 (in Ukrainian).
- Makarevich, A. V. 2010. In *Problemy istorii ta arkheolohii Ukraïny (Problems of history and archaeology of Ukraine)*. Kharkov: TOV "NTMT", 19—20 (in Ukrainian).
- Malov, N. M. 1992. In *Istoriia i arkheologii Slobodskoi Ukraïny (History and archaeology of Slobodskaiia Ukraine)*. Kharkov, 149—150 (in Russian).
- Malov, N. M. 2007. In *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European steppe)* 5, 34—92 (in Russian).
- Malov, N. M. 2012. In *Izvestiia Saratovskogo universiteta (Reports of the Saratov university)* 12. Novaia seriia. Istoriia. Mezhdunarodnye otosheniia (New series. History. International relations) (1), 95—101 (in Russian).
- Masson, V. M. 1998. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological news)* 5, 255—267 (in Russian).
- Matviyenko, L. V. 2008. In *Naukovi pratsi: Naukovo-metodychnyj zhurnal (Scientific works: scientific and methodical journal)* 83. Issue 70. Nikolaev: MDHU im. P. Mohyly, 92—96 (in Ukrainian).
- Matviyenko, L. V. 2009. In *Hileya (Hylea)* 23, 185—190 (in Ukrainian).
- Melnyk, O. O., Steblina, I. O. 2012. In *Problemy arkheolohii Podniprov'ya (Problems of the archaeology of Dnieper region)*. Dnepropetrovsk, 71—85 (in Ukrainian).
- Melyukova, A. I. 1979. *Skifii i frakiiskii mir (Scythia and Thracian world)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Merpert, N. Ya. 1985. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaiia obshchnost' (Problemy formirovaniia i periodizatsii) (Srubnaya cultural and historical entity. (Problems of formation and periodization))*. Mezhdvuz. sb. nauch. tr. Kuibyshev: KuibGPI, 3—10 (in Russian).
- Mimokhod, R. A. 2013. *Lolinskaia kul'tura. Severo-zapadnyi Prikaspii na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka (Lolinskaia culture. North-western Caspian region on the border of Middle and Late periods of the Bronze age)*. PhD thesis. Moscow.
- Morgunova, N. L. 2004. In *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological sites of Orenburg region)* VI. Orenburg (in Russian).
- Mochalov, O. D. 2005. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 145. Moscow, 116—134 (in Russian).
- Mochalov, O. D. 2008. *Keramika pogrebal'nykh pamiatnikov epokhi bronzy lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ia (Pottery from Bronze age funeral sites in the forest-steppe zone of the Volga-Ural interfluve)*. Samara: SamGPU (in Russian).
- Mukhopad, S. E., Romashko, V. A. 1992. In *Arkheologicheskie vestnik (Archaeological bulletin)* 3, 12—13 (in Russian).
- Mys'kov, E. P. 1991. In *Sovetskaia arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (4), 145—163 (in Russian).
- Mys'kov, E. P. 1997. In *Sabatynivskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosv'язei vostoika i zapada v epokhu*

- pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age). Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr, 82—83 (in Russian).
- Neretin, I. I. 2008. In *Nauchnye trudy prepodavatelei i studentov istoricheskogo fakul'teta (Scientific works of the lecturers and students of the Historical department)* 3. Voronezh, 29—35 (in Russian).
- Novikova, L. A. 1976. In *Sovetskaia arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 25—57 (in Russian).
- Olkhovskii, V. S., Otroshchenko V. V. 1991. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* II, 111—125 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V. 1977. In *Kurgannye mogil'niki Riasnye Mogily i Nosaki. (Predvaritel'naia publikatsiia) (Barrow necropolises Riasnye Moghily and Nosaki (preliminary publication))*. Kiev: Naukova dumka, 5—15 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V. 1978. In *Nauchnye trudy (Scientific works)* 221. Kuybyshev: Kuybyshevskii GPI, 84—85 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V. 1981. *Srubnaia kul'tura Stepnogo Podneprov'ia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Srubnaya culture of the steppe Dnieper region (basing on the material from funeral sites))*. Kiev (in Russian).
- Otroshchenko, V. V. 1991. In *Zoloto stepu. Arkheologiya Ukrainy (Gold of steppes. Archaeology of Ukraine)*. Kiev: In-arkheolohii NAN Ukrainy; Arkheolohichnyj muzej (Shlezviih), 43—50 (in Ukrainian).
- Otroshchenko, V. V. 1993. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 7. Saint Petersburg, 81—83 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V. 1994. In *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Problems of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern Pontic region)*. II. Zaporozhye: IPK "Zaporizhzhia", 150—153 (in Russian).
- Otroshchenko, V. 1994. In *Simpozionu international. Masivul traco-cimerian. Probleme actuale*. Chişinău: Universitatea de Stat din Moldova, 31—32 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V. 1996. In *Dono-Donetskii region v sisteme drevnostei epokhi bronzy vostochnoevropskoi stepi i lesostepi (Don-Donets region in the system of Bronze Age antiquities of East-European steppe and forest-steppe regions)* (2). Voronezh: Voronezhskii universitet, 29—31 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V. 1997. In *Epokha bronzy i rannii zheleznyi vek v istorii plemen iuzhnorusskikh stepei (Bronze and Early Iron ages in the history of the tribes of the Southern Russian steppes)*. Saratov: SGPI, 70—72 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V. 2000. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost' v sisteme drevnostei epokhi bronzy evraziiskoi stepi i lesostepi (Srubnaya cultural-historical complex in the system of Bronze Age antiquities of Eurasian steppe and forest-steppe regions)*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 10—14 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V. 2001. In *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiia (Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization)*. Samara: OOO "NTTs", 39—42 (in Russian).
- Otroshchenko, V. V. 2001. *Problemy periodizatsii kul'tur serezd'oi ta pizn'oi bronzy pivdnyia Skhidnoi Yevropy (kul'turno-stratyhrafichni zistavleniia) (Problems of periodization of Middle and Bronze Age cultures of the South of Eastern Europe (cultural and stratigraphical comparison))*. Kiev: IA NAN Ukrainy (in Ukrainian).
- Otroshchenko, V. V. 2002. *Istoriia plemen zrubnoi spil'nosti (History of Srubnaya culture tribes)*. Doc. Diss. Kiev (in Ukrainian).
- Otroshchenko, V. V. 2003. In *Problemy hirnychoi arkheolohii (Problems of montane archaeology)*. Alchevsk: DHMI, 47—51 (in Ukrainian).
- Otroshchenko, V. V. 2004. In *Kurgannye mogil'niki Dneprovskogo Nadporozh'ia (Iasinovatoe, Dneprovka, Petro-Mikhailovka) (Barrow necropolises of the Dnieper Nadporozhie region (Iasinovatoe, Dneprovka, Petro-Mikhailovka))*. Zaporozhye: Dikoe Pole, 163—167 (in Ukrainian).
- Otroshchenko, V. V. 2005. In *Etnichna ta etnokulturna istoriia Ukrainy (Ethnic and ethnocultural history of Ukraine)* 1. Book II. P. 2. Kiev: Naukova dumka, 69—120 (in Ukrainian).
- Otroshchenko, V. V. 2009. In *Problemy arkheolohii Podniprova (Problems of the archaeology of Dnieper region)*. Dnepropetrovsk, 70—74 (in Ukrainian).
- Otroshchenko, V. V. 2009. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 104—105 (in Ukrainian).
- Otroshchenko, V. V., Rassamakin, Yu. Ya. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosviazi vostoika i zapada v epokhu pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age)*. Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr, 23—25 (in Ukrainian).
- Otroshchenko, V. V., Rassamakin, Yu. Ya., Chernykh, L. A., Gershkovich, Ya. P. 2008. In *Ukraina: khronolohiya rozvytku (Ukraine: chronology of development)*. Vol. 1. Kiev: KVITs, 219—331 (in Ukrainian).
- Kachalova, N. K. (nauch. red.) 1993. *Pamiatniki srubnoi kul'tury: Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e (Srubnaya culture sites: Volga-Ural interfluvium)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1—10. Vol. I. Saratov (in Russian).
- Partsinger, G. 2013. In *Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Chetvertoe — pervoe tysiacheletie do n.e. Katalog vystavki (Bronze Age. Europe without borders. 4th—1st millennia BC. Exhibition catalogue)*. Saint Petersburg: Chisty list, 23—45 (in Russian).
- Pleshivenko, A. G. 1995. In *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern Pontic and Crimea)* V, 143—159 (in Russian).
- Pogrebova, N. N. 1960. In *Sovetskaia arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 76—90 (in Russian).
- Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2009. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 13—14 (1—2), 3—16.
- Podobed, V. A., Tsimidanov, V. V. 2010. In *Donets'kyj arkheolohichnyj zbirnyk (Donetsk archaeological compilation)* 13/14, 98—120 (in Russian).
- Polidovich, Yu. B., Tsimidanov, V. V. 1994. In *Problemy khronologii kul'tur eneoilita — bronzovogo veka Ukrainy i iuga Vostochnoi Evropy (Problems of chronology of Eneolithic — Bronze Age cultures of Ukraine and South of Eastern Europe)*. Dnepropetrovsk: DGU, 28—29 (in Russian).
- Potapov, V. V., Shef, A. V. 2011. In *Donets'kyj arkheolohichnyj zbirnyk (Donetsk archaeological compilation)* 15, 171—183 (in Russian).
- Predislovie (Foreword) 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 21, 5—6 (in Russian).
- Privalov, A. I. 1989. In *Problemy okhrany i issledovaniia pamiatnikov arkheologii v Donbasse (Problems of protection and investigation of archaeological sites in Donbass)*. Donetsk: Donetskaia gorodskaia tipografiia, 30—32 (in Russian).
- Privalova, O. Ya., Privalov, A. I. 1987. In *Drevneishie skotovody stepi iuga Ukrainy (Most ancient cattle-breeders of the steppes of southern Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka, 94—107 (in Russian).
- Probygolova, A. S., Krasnikov, K. I. 2010. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraini 2009 (Archaeological researches in Ukraine in 2009)*. Kiev; Lutsk, 343—345 (in Russian).
- Protokoly zasedanii... 1995. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 25 (II). Saint Petersburg, 73—95 (in Russian).
- Pryakhin, A. D. 1996. In *Dono-Donetskii region v sisteme drevnostei epokhi bronzy vostochnoevropskoi stepi i lesostepi (Don-Donets region in the system of Bronze Age antiquities of East-European steppe and forest-steppe regions)*. Voronezh: Voronezhskii universitet, 3—4 (in Russian).
- Pryakhin, A. D. 2011. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istoriia. Politologia. Sotsiologiya (Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Politicalology. Sociology)* (1), 62—74 (in Russian).
- Pryakhin, A. D. 2012. In *Problemy istorii ta arkheolohii Ukrainy (Problems of history and archaeology of Ukraine)*. Kharkov: TOV "NTMT", 18—19 (in Russian).
- Pyanov, I. V. 2010. In *Trudy istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Works of the Historical department of the Moscow State University)* 49. Seria (Series) 2. *Istoricheskie issledovaniia (Historical researches)* 18. Moscow, 76—85 (in Russian).
- Pyatykh, G. G. 1989. In *Arkheologiya vostochno-evropskoi stepi (Archaeology of East-European steppe)* 136—137 (in

- Russian).
- Razumov, S., Lyсенko, S., Kosko, A. 2012. In *Arkasivs'ki chytannya (Arkasiv readings)*. Nikolaev: MNU, 84—87 (in Russian).
- Ryzhov, S. M., Burdo, N. B., Videyko, M. Yu., Magomedov, B. V. 2002. *Davnnya keramika Ukraïny. Arkheolohichni dzhherela ta rekonstruktsii (Ancient pottery of Ukraine. Archaeological sources and reconstructions)*. P. I. Kiev: Instytut arkheolohii NAN Ukraïny (in Ukrainian).
- Rogudeev, V. 2012. In *Revista Arheologică, Seria Nouă VIII (1—2)*, 266—274 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2011. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (2)*, 187—206 (in Russian).
- Romanyuk, V. P., Chernyakov, I. T. 2008. *Chto bylo na meste Odessy? (What was on the place of Odessa?)*. Kiev: Avtograf (in Russian).
- Romashko, V. A. 1994. In *Problemy khronologii kul'tur eneolita — bronzovogo veka Ukraïny i iuga Vostochnoi Evropy (Problems of chronology of Eneolithic — Bronze Age cultures of Ukraine and South of Eastern Europe)*. Dnepropetrovsk: DGU, 53—55 (in Russian).
- Romashko, V. A. 1995. In *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Problems of the archaeology of Dnieper region)*. Dnepropetrovsk, 114—134 (in Russian).
- Romashko, V. A. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evrazijskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze Age))*. P. II. Donetsk: DonGU, 66—69 (in Russian).
- Romashko, V. A. 1997. In *Drevnosti (Antiquities) 1996*, 50—55 (in Russian).
- Romashko, V. A. 2000. In *Labores pariunt honores. Spetsial'nyi vypusk „Problemy arkheologii Podniprova“ (Labores pariunt honores. Special issue “Problems of the archaeology of Dnieper region”)*. Dnepropetrovsk: Dnipropetrovskii universitet, 134—143 (in Russian).
- Romashko, V. A. 2002. In *Problemy arkheologii Podniprova (Problems of the archaeology of Dnieper region)*. Dnepropetrovsk, 91—99 (in Russian).
- Romashko, V. A. 2013. *Zakliuchitel'nyi etap pozdnego bronzovogo veka Levoberezhnoi Ukraïny (po materialam boguslavskobelozerskoi kul'tury) (Final stage of the Late Bronze age of Left Bank Ukraine (basing on the materials of the Boguslavsko-Belozerskaia culture))*. Kiev: KNT (in Russian).
- Rybalova, V. D. 1961. In *Issledovaniia po arkheologii SSSR (Researches into archaeology of USSR)*. Leningrad: LGU, 80—95 (in Russian).
- Rybalova, V. D. 1974. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 16*, 19—49 (in Russian).
- Rybalova, V. D. 1978. In *Problemy arkheologii (Problems of the archaeology) II*. Leningrad, 61—67 (in Russian).
- Savva, E. N. 1988. *Kul'tura mnogovalikovoï keramiki Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ia. (Kul'turno-istoricheskaia kharakteristika, periodizatsiia, khronologiya) (Mnogovalikovaya culture of the Dniester-Prut interfluvium. (Cultural and historical characteristics, periodization, chronology))*. PhD thesis. Leningrad (in Russian).
- Savva, E. N. 1990. In *Problemy drevnei istorii Severnogo Prichernomor'ia i Srednei Azii (epokha bronzy i rannego zheleza) (Problems of the ancient history of Northern Pontic and Central Asia regions (Bronze and Early Iron ages))*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 32—34 (in Russian).
- Savva, E. N. 1992. *Kul'tura mnogovalikovoï keramiki Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ia (po materialam pogrebal'nogo obriada) (Mnogovalikovaya culture of the Dniester-Prut interfluvium (basing on the materials of the funerary rite))*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Savva, E. N. 1994. In *Simpozion internațional. Masivul tracomicerian. Probleme actuale*. Chișinău: Universitatea de Stat din Moldova, 29—30 (in Russian).
- Savva, E. N. 2003. In *Chteniia, posviashchennye 100-letiiu deiatel'nosti Vasiliia Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee (Readings to the anniversary of 100 years from the beginning of activity of Vasiliia Alekseevich Gorodtsov in the State Historical Museum)*. P. I. Moscow: GIM, 147—149 (in Russian).
- Sava, E., Kaiser, E. 2011. In *Biblioteca Tyrageia XIX*. Chișinău: “Bons Offices” SRL (in Russian).
- Samar, V. A. 1998. In *Problemy izucheniia katakombnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (KKIO) i kul'turno-istoricheskoi obshchnosti mnogovalikovoï keramiki (KIOMK) (Problems of research of Katakombnaia cultural-historical complex (KKIO) and Mnogovalikovaia cultural-historical complex (KIOMK))*. Zaporozhye: Zaporozhskii gosudarstvennyi universitet, 75—83 (in Russian).
- Seheda, S. P. 2005. In *Etnichna ta etnokul'turna istoriya Ukraïny (Ethnic and ethnocultural history of Ukraine) 1*. Book II. P. 11. Kiev: Naukova dumka, 297—350 (in Ukrainian).
- Sedova, M. S. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga region from the most ancient to modern times. Bronze Age)*. Samara: Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 209—241 (in Russian).
- Semenova, A. P. 2001. In *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiia (Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization)*. Samara: OOO “NTTs”, 273—279 (in Russian).
- Sikorskii, A. A., Eliseev, V. F., Klyushintsev, V. N. 1997. In *Sabatinskoiia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosvyezai vostoika i zapada v epokhu pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age)*. Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukraïnsk: “Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsentr”, 64—69 (in Russian).
- Sinyuk, A. T., Kozmirchuk, I. A. 1995. In *Drevnie indo-iranskii kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n.e.) (Ancient Indo-Iranian cultures between Volga and Ural (2nd millennium BC))*. Samara: SamGPU, 37—72 (in Russian).
- Smirnova, G. I. 1967. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 112*, 66—74 (in Russian).
- Smirnova, G. I. 1969. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 11*, 48—71 (in Russian).
- Smirnova, G. I. 1972. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 14*, 12—31 (in Russian).
- Subbotin, L. V. 2000. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (2)*, 350—387 (in Russian).
- Telegin, D. Ya. 1959. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainkoi SSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukrainian SSR) 8*, 72—79 (in Russian).
- Telegin, D. Ya. 1961. In *Arkheolohiya (Archaeology) XII*, 3—15 (in Ukrainian).
- Telegin, D. Ya., Terpilovskii, R. V., Kozlovskii, A. Ya., Pustovalov, S. Zh. 1984. In *Arkheolohiya (Archaeology) 47*, 45—57 (in Ukrainian).
- Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'e (Pre-Scythian period on the Right Bank Dnieper region)*. Kiev: AN USSR (in Russian).
- Terenozhkin, A. I. 1965. In *Sovetskaiia arkheologiya (Soviet Archaeology) (1)*, 63—85 (in Russian).
- Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeritsy (Cimmerians)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Tolochko, P. P., Kozak, D. N., Motsia, O. P., Murzin, V. Yu., Otroshchenko, V. V., Segeda, S. P. 2000. *Etnichna istoriya davn'oi Ukraïny (Ethnic history of Ancient Ukraine)*. Kiev: Instytut arkheolohii NAN Ukraïny (in Ukrainian).
- Toshchev, G. N. 1982. *Srednii period bronzovogo veka Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Middle period of the Bronze Age of the North-Western Pontic region)*. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Kiev (in Russian).
- Toshchev, G. N. 1986. In *Issledovaniia po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Researches into archaeology of the North-Western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 104—115 (in Russian).
- Toshchev, G. N. 1986. *Srednii period bronzovogo veka Iugo-Zapada SSSR (Middle period of the Bronze Age of the South-West of USSR)*. Zaporozhye: Zaporozhskii gosudarstvennyi universitet. Archive INION AN SSSR. 19.06.87. №29903 (in Russian).
- Toshchev, G. N. 2004. In *Starozhnytnosti stepovoho Prychornomor'ia i Krymu (Antiquities of the steppe zone in Northern pontic and Crimea) XI*, 250—253 (in Russian).
- Toshchev, H. N. 2005. In *Na poshanu Sofii Stanislavivny Berezans'koi (In honor of Sofia Stanislavovna Berezanskaia)*. Kiev: Shlyakh, 143—148 (in Russian).

- Toshchev, G. N. 2007. *Krym v epokhu bronzы (Crimea in the Bronze Age)*. Zaporozhye: ZNU (in Russian).
- Usachuk, A. N., Gorbov, V. N. 1990. In *Problemy istorii i arkeologii Nizhnego Podnestrov'ia (Problems of history and archaeology of Lower Dniester region) II. Arkheologiya (Archaeology)*. Belgorod-Dnestrovsky, 107—109 (in Russian).
- Uşurelu, E. 2010. In *Revista Arheologică S. N. V* (1), 22—67 (in Russian).
- Fedorov, G. B., Polevoi, L. L. 1973. *Arkheologiya Rumynii (Archaeology of Romania)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Fomenko, V. N., Eliseev, V. F., Shevchenko, N. P. 1997. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 1993 roku (Archaeological researches in Ukraine in 1993)*. Kiev, 138—139 (in Russian).
- Fomenko, V. M., Tovkaylo, M. T., Trebukh, O. O. 1997. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2005—2007 rr. (Archaeological researches in Ukraine in 2005—2007)*. Kiev: Zaporozhye, 405—408 (in Ukrainian).
- Garding, E. 2013. In *Bronzoviy vek. Evropa bez granits. Chetvertoe — pervoe tysyacheletie do n.e. Katalog vystavki (Bronze Age. Europe without borders. 4th—1st millennia BC. Exhibition catalogue)*. Saint Petersburg: Chisty list, 170—181 (in Russian).
- Ţema, S., Topal, D. 2013. In *Tyragetia, Seria Nouă VII [XXII]* (1), 189—204 (in Russian).
- Tsimidanov, V. V. 2004. *Sotsial'naia struktura srubnogo obshchestva (Social structure of the Srubnaya society)*. Donetsk: Institut arkeologii NAN Ukrainy (in Russian).
- Cherednichenko, N. N. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosvyezai vostoka i zapada v epokhu pozdnei bronzы (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age)*. Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsent, 28—29 (in Russian).
- Chernienko, Yu. A. 1992. In *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e: ritmy kul'turogeneza (North-Western Pontic region: rhythms of culture genesis)*. Odessa: Gortipografiya Odesskogo oblpoligrafizdata, 30—32 (in Russian).
- Chernienko, Yu. A. 2009. In *Materialy po arkeologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 9, 382—397 (in Russian).
- Chernienko, Yu. A. 2013. In *Revista Arheologică, Seria Nouă IX* (1—2), in print (in Russian).
- Chemosvitov, P. Yu. 1989. In *Kompleksnye metody issledovaniia arkeologicheskikh istochnikov (Complex methods of the investigation of archaeological sources)*. Moscow: Institut mekhaniki MGU, 22—23 (in Russian).
- Chernykh, E. N. 1972. *Istoriia metallurgii Vostochnoi Evropy v pozdnem bronzovom veke (History of metallurgy of Eastern Europe in Late Bronze age)*. PhD thesis. Moscow (in Russian).
- Chernykh, E. N. 1976. *Drevniaia metalloobrabotka na Iugo-Zapade SSSR (Ancient metalworking in South-West of USSR)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Chernykh, E. N. 1978. *Gornoe delo i metallurgii v drevneishei Bolgarii (Mining and metallurgy in prehistoric Bulgaria)*. Sofia: BAN (in Russian).
- Chernykh, E. N. 1978. In *Sovetskaia arkeologiya (Soviet Archaeology)* (4), 53—82 (in Russian).
- Chernykh, E. N. 1983. In *Bronzoviy vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (Bronze Age of the steppe zone of the Ural-Irtysh interfluvium)*. Chelyabinsk: Bashkirskii universitet, 81—99 (in Russian).
- Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient metallurgy of Northern Eurasia (seimino-turbino phenomenon))*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 1964. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo gosudarstvennogo arkeologicheskogo muzeia 1962 goda (Brief reports on the field archaeological investigations of Odessa State Archaeological Museum in 1962)*, 128—134 (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo gosudarstvennogo arkeologicheskogo muzeia 1963 goda (Brief reports on the field archaeological investigations of Odessa State Archaeological Museum in 1963)*, 87—123 (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 1975. *Plemena Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v pozdnem bronzovom veke (2-ia polovina II tys. do n. e.) (Tribes of North-West Pontic region in Late Bronze age (second half of 2nd millennium BC))*. PhD thesis. Kiev (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 1976. In *Materialy po arkeologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 8, 61—69 (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 1979. In *Patokova, E. F. Usatovskoe poselenie i mogil'niki (Usatovo settlement and necropolises)*. Suppl. 2. Kiev: Naukova dumka, 177—180 (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 1980. In *AIU v 1978—1979 gg. (Archaeological researches in Ukraine 1978—1979)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskoe obl. upravlenie po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoi trgovli, 58—59 (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 1983. In *Materialy po arkeologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)*. Kiev: Naukova dumka, 32—47 (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 1984. In *Severnoe Prichernomor'e (materialy po arkeologii) (Northern Pontic region (materials on archaeology))*. Kiev: Naukova dumka, 34—42 (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 1985. *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e vo vtoroi polovine II tysyacheletia do n. e. (North-Western Pontic region in the second half of the 2nd mil. BC)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 1996. In *Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzoviy vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze Age))*. P. I. Donetsk: DonGU, 59—64 (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosvyezai vostoka i zapada v epokhu pozdnei bronzы (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age)*. Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsent, 31—33 (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 2002. In *Karpatika (Carpatica)* 15. Uzhgorod, 39—60 (in Russian).
- Chernyakov, I. T. 2010. In *Pratsi tsentru pam'yatkoznavstva (Works of the center for monument studies)* 17. Kiev, 116—122 (in Ukrainian).
- Chernyakov, I. T., Toshchev, G. N. 1985. In *Novye materialy po arkeologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (New materials on the archaeology of North-western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 5—31 (in Russian).
- Chernyakov, I. T., Vanchugov, V. P., Kushnir, V. G. 1986. In *Sovetskaia arkeologiya (Soviet Archaeology)* (2), 47—55 (in Russian).
- Chernyakov, I. T., Stanko, V. N., Gudkova, A. V. 1986. In *Issledovaniia po arkeologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Researches into archaeology of the North-Western Pontic region)ia*. Kiev: Naukova dumka, 53—96 (in Russian).
- Chmykhov, M. O., Chernyakov, I. T. 1988. *Khronolohiya arkeologichnykh pam'yatok epokhy midi-bronzы na terytorii Ukrainy (Chronology of Copper and Bronze age archaeological sites on the territory of Ukraine)*. Kiev: NMG VO (in Russian).
- Chubatenko, I. A., Gorbov, V. N. 1994. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia oblast' (Srubnaya cultural-historical entity)*. Saratov: Saratovskii universitet, 57—62 (in Russian).
- Chubur, A. A. 2000. In *Kurskii krai (Kursk region)* 2. Kursk: KGPU (in Russian).
- Shapovalov, T. A. 1976. In *Eneolit i bronzoviy vek Ukrainy. Issledovaniia i materialy (Eneolithic and Bronze Age of Ukraine. Investigations and materials)*. Kiev: Naukova dumka, 150—172 (in Russian).
- Shaposhnikova, O. G., Neprina, V. I. 1977. In *Drevnosti Poingul'ia (Antiquities of the Ingul region)*. Kiev: Naukova dumka, 52—65 (in Russian).
- Sharafutdinova, I. N. 1966. In *Plenum Instituta arkeologii 1966 g. Sektsiia neolit i bronzoviy vek (Plenary session of the Institute of archaeology in 1966. Neolithic and Bronze age)*. Moscow: IA AN SSSR, 29—30 (in Russian).
- Sharafutdinova, I. N. 1968. In *Sovetskaia arkeologiya (Soviet Archaeology)* (3), 16—34 (in Russian).
- Sharafutdinova, I. N. 1975. *Plemena Stepnogo Podneprov'ia v epokhu pozdnei bronzы (Tribes of steppe Dnieper region in the Late Bronze age)*. PhD thesis. Kiev (in Russian).
- Sharafutdinova, I. N. 1982. *Stepnoe Podneprov'e v epokhu pozdnei bronzы (Steppe Dnieper region in the Late Bronze age)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Sharafutdinova, I. N. 1987. In *Mezhplemennye svyazi epokhi bronzы*

- na territorii Ukrainy (Intertribal connections in the Bronze Age on the territory of Ukraine). Kiev: Naukova dumka, 69—86 (in Russian).
- Sharafutdinova, Y. N. 1989. In *Problemy istorii ta arkeologii davn'oho naseleennya Ukrainy's'koi RSR (Problems of history and archaeology of the ancient population of Ukrainian SSR)*. Kiev: Naukova dumka, 256—257 (in Russian).
- Sharafutdinova, I. N. 1990. In *Problemy pervoytnoi arkeologii Severnogo Prichernomor'ia (k 100-letiiu osnovaniia Khersonskogo muzeia drevnostei) (Problems of prehistoric archaeology of Northern Pontic region (to the anniversary of 100 years from the foundation of Kherson museum of antiquities))*. Kherson: Khersonskaya oblastnaya biblioteka im. Gor'kogo, 82—83 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1985. In *Srubnaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost'. (Problemy formirovaniia i periodizatsii) (Srubnaya cultural and historical entity. (Problems of formation and periodization))*. Kuybyshev: KuibGPI, 146—183 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1987. In *Pamiatniki bronzovogo i rannego zheleznoogo vekov Podneprov'ia (Bronze and Early Iron age sites of Dnieper region)*. Dnepropetrovsk: DGU, 27—47 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1990. In *Problemy drevnei istorii Severnogo Prichernomor'ia i Srednei Azii (epokha bronzy i rannego zheleza) (Problems of the ancient history of Northern Pontic and Central Asia regions (Bronze and Early Iron ages))*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 38—39 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1990. In *Izvestiia Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly (Reports of the North-Caucasian high school scientific centre)* 4 (72), 47—52 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1991. In *Sovetskaia arkeologiya (Soviet Archaeology)* (1), 184—196 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1992. In *Istoriia i arkeologiya Slobodskaia Ukrainy (History and archaeology of Slobodskaia Ukraine)*. Kharkov, 217—218 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1992. In *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e: ritmy kul'turogeneza (North-Western Pontic region: rhythms of culture genesis)*. Odessa: Gortipografia Odesskogo oblpoligrafizdata, 37—39 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1995. In *Donskie drevnosti (Don antiquities)* 4, 93—116 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1995. In *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological studies)* 25. Saint Petersburg, 83—87 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1995. In *Drevnie indo-iranskii kul'tury Volgo-Ural'ia (II tys. do n.e.) (Ancient Indo-Iranian cultures between Volga and Ural (2nd millennium BC))*. Samara: SamGU, 124—140 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1996. In *Severo-Vostocnoe Priazov'e v sisteme evraziiskikh drevnostei (eneolit — bronzovyi vek) (North-Western Azov region in the system of Eurasian antiquities (Eneolithic — Bronze age))*. P. I. Donetsk: DonGU, 56—59 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 1997. In *Sabatinovskaia i srubnaia kul'tury: problemy vzaimosviazei vostoka i zapada v epokhu pozdnei bronzy (Sabatinovka and Srubnaya cultures: problems of interrelations between East and West in Late Bronze Age)*. Kiev; Nikolaev; Yuzhnoukrainsk: Mezhdunarodnyi Informatsionnyi Tsent, 37—38 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 2000. In *Vzaimodeistvie i razvitie drevnikh kul'tur iuzhnogo pogranich'ia Evropy i Azii (Interaction and development of ancient cultures of southern border zone between Europe and Asia)*. Saratov: Saratovskii universitet, 102—105 (in Russian).
- Sharafutdinova, E. S. 2003. In *Chteniia, posviashchennye 100-letiiu delatel'nosti Vasilia Alekseevicha Gorodtsova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee (Readings to the anniversary of 100 years from the beginning of activity of Vasili Alekseevici Gorodtsov in the State Historical Museum)*. P. I. Moscow: GIM, 125—126 (in Russian).
- Sharafutdinova, I. M. 1964. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XVII, 153—169 (in Ukrainian).
- Sherstyuk, V. V. 2012. In *Problemy istorii ta arkeologii Ukrainy (Problems of history and archaeology of Ukraine)*. Kharkov: TOV "NTMT", 22 (in Ukrainian).
- Shilov, Yu. A. 1982. *Nizhnee Podneprov'e v seredine III — seredine II tys. do n.e. (issledovanie kul'turno-istoricheskogo processa) (Lower Dnieper region in the middle of 3rd — middle of 2nd millennia BC (a study of the cultural-historical process))*. PhD thesis. Kiev (in Russian).
- Shishlina, N. 2013. In *Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Chetvertoe — pervoe tysiacheletie do n.e. Katalog vystavki (Bronze Age. Europe without borders. 4th—1st millennia BC. Exhibition catalogue)*. Saint Petersburg: Chisty list, 156—169 (in Russian).
- Shmaglii, N. M., Chernyakov, I. T. 1970. In *Materialy po arkeologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 6, 5—129 (in Russian).
- Yudin, A. I. 1996. In *Abashevskaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost' v sisteme drevnostei epokhi bronzy stepi i lesostepi Evrazii (Abashevo cultural-historical complex in the system of Bronze Age antiquities of steppe and forest-steppe regions of Eurasia)*. Tambov, 46—48 (in Russian).
- Yudin, A. I. 2010. In *Problemy okhrany i izucheniiia pamiatnikov arkeologii stepnoi zony Vostochnoi Evropy (sbornik nauchnykh statei i memorial'nykh rabot, posviashchennykh pamiati luganskikh arkeologov) (Problems of protection and study of archaeological sites of the steppe zone of Eastern Europe (a compilation of scientific articles and memorial works in remembrance of Lugansk archaeologists))*. Lugansk: Globus, 345—356 (in Russian).
- Yudin, A. I., Matioukhin, A. D. 2006. *Rannesrubnye kurganaya mogil'niki Zolotaia Gora i Kochetnoe (Early Srubnaya barrow necropolises Zolotaia Gora and Kochetnoie)*. Saratov: Nauchnaia kniga (in Russian).
- Yarovoi, E. V., Kashuba, M. T., Makhortyk, S. V. 2002. In *Severnoe Prichernomor'e: ot eneolita k antichnosti (Northern Pontic region: from Eneolithic to Antiquity)*. Tiraspol: NIL "Arkheologiya" PGU, 279—343 (in Russian).
- Bočkarev, V. S., Leskov, A. M. 1980. *Jung- und spätbronzezeitliche Gussformen im nördlichen Schwarzmeergebiet*. PBF XIX/1. München: Beck.
- Burtănescu, F. 2002. About a group of "outstretched" burials with Middle Bronze Age grave goods in south-eastern Romania. In: Yarovoi, E. V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n. e. — V vek n. e.) (The most ancient communities of farmers and stock-breeders of the Northern Pontic (5th millennium BC — 5th century AD))*. Tiraspol: NIL "Arkheologiya" PGU, 157—163.
- Cavruc, V. 1990. Noi contribuții la problema genezei și atribuției etnice a civilizației Noua. *Symposia Thracologica* 8, 125—126.
- Cavruc, V. 2013. Impactul noilor datări C14 asupra reconstituirii evoluțiilor culturale pe parcursul epocii bronzului în Europa de Sud-Est. In: Ciobanu L., Condricova L., Grădinaru N., Vornic V. (red.). *Conferința științifică cu participare internațională "Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor"*, ediția a V-a, Chișinău, 22—24 mai 2013. Rez. comunic. Chișinău: Profesional Service, 6—7.
- Constantin, N., Dobrinescu, C. I., Bodolică, V. 2013. Late Bronze Age Ritual Pit Discovered in Cernavodă, Constanța County. In: Sirbu V., Schuster C. (chief eds.). *The 12th International Congress of Thracology. Târgoviște 10th—14th September 2013. The Thracians and their Neighbours in the Bronze and Iron Ages*. Programme, Reports and Abstracts. Brăila: S. C. Paper Print Invest S. A., 55.
- Dergaciov, V. 2010. Evoluția comunităților patriarhale. Epoca bronzului. In: Dergaciov V. (resp. și red. științ.). *Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V)*. Cap. 4. Chișinău: Î. S. F. E.-P. "Tipografia Centrală", 265—312.
- Dergaciov, V. 2013. Cu privire la originea și evoluția topoarelor-celt din epoca bronzului. In: Ciobanu L., Condricova L., Grădinaru N., Vornic V. (red.). *Conferința științifică cu participare internațională "Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor"*, ediția a V-a, Chișinău, 22—24 mai 2013. Rez. comunic. Chișinău: Profesional Service, 12—15.
- Florescu, A. C. 1964. Contribuții la cunoașterea culturii Noua. AM II—II, 143—216.
- Florescu, A. C. 1967. Sur les problèmes du bronze tardif Carpat-Danubian et Nord-Quest Pontique. *Dačia* N. S. XI, 59—94.
- Gershkovich, Ya. P. 1993. On the eastern boundary of the Noua-Sabatinovka-Coslogeni Cultural Complex. *Culture et civilization au bas Danube* X, 15—22.
- Gershkovich, Ya. P. 2003. Farmers and Pastoralists of the Pontic

- Lowland during the Late Bronze Age. In: Levine M. A., Renfrew C., Boyle K. (ed.). *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. McDonald Institute Monograph*. Ch.20. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 307—317.
- Gershkovich, Ya. P. 2011. Global Causes of Some Local Phenomena during the Late Bronze Age in the Northern Pontic Steppe. In: Sava E., Govedarica B., Hänsel B. (Hrsg.) *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000—500 v. Chr.)*. B.2. *Globale Entwicklung versus Lokalgeschehen*. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Chişinău, Moldavien (4.—8. Oktober 2010). PAS 27. Rahden/Westf., 166—177.
- Gerškovič, J. P. 1998. Westliche Impulse bei der Formierung des Kulturkomplexes „Noua-Sabatinovka-Coslogeni“. In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.) *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in der vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. Südosteuropa-Schriften 20; PAS 12. Rahden: Leidorf, 317—324.
- Gerškovič, J. P. 1999. Zur Studien spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azovischen Meeres. *Archäologie in Eurasien* 7. Berlin: Leidorf.
- Klochko, V. I. 1993. Weapons of the tribes of the Northern Pontic zone in the 16th—10th centuries B. C. *Baltic-Pontic studies* 1. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza.
- Kushtan, D. 2013. Carpathian-Danubian Region and Crimea: the Cultural Links in Bronze Age. In: Sîrbu V., Schuster C. (chief eds.). *The 12th International Congress of Thracology. Târgovişte 10th—14th September 2013. The Thracians and their Neighbours in the Bronze and Iron Ages*. Programme, Reports and Abstracts. Brăila: S. C. Paper Print Invest S. A., 86—87.
- Leskov, A. M. 1981. *Jüng- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen)*. PBF XX/5. München: Beck.
- Moldoveanu, V. 2011. Considerații privind geneza complexului cultural Noua — Sabatinovka — Coslogeni. In: Mihailuța M. I. (ed.). *Pivden' Ukraïny: etnoistorychnyj, movnyj, kul'turnyj ta relihijnyj vymiry (South of Ukraine: ethnohistorical, linguistic, cultural and religious world)*. Odessa: BMB, 119—125.
- Morintz, S. 1978. *Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii. I. Epoca bronzului în spațiul carpato-balcanic*. Biblioteca de arheologie XXXIV. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Motzoi-Chicideanu, I. 2011. *Obiceiuri funerare în Epoca Bronzului la Dunărea Mijlocie și Inferioară*. Vol. 1. București: Editura Academiei Române.
- Nicic, A. 2008. *Interferențe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II — începutul mil. I a. Chr.* Biblioteca Tyragetia XV. Chişinău.
- Petrescu-Dîmbovița, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Biblioteca de arheologie XXX. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Sava, E. 1994. Epoca Bronzului — perioada mijlocie și târzie, sec. XVII—XII î. e. n. *Thraco-Dacica* XV (1—2), 141—158.
- Sava, E. 1998. Die Rolle der „östlichen“ und „westlichen“ Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka. (Nach den Materialien des Prut-Dnestr-Zwischenstromgebiets). In: Hänsel B., Machnik J. (Hrsg.) *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in der vorchristlichen Metallzeiten (4000—500 v. Chr.)*. Südosteuropa-Schriften (20); PAS 12. Rahden: Leidorf, 267—312.
- Sava, E. 2002a. *Die Bestattungen der Noua-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung spätbronzezeitlicher Bestattungsriten zwischen Dnestr und Westkarpaten*. PAS 19. Kiel: Oetker-Voges.
- Sava, E. 2002b. Materiale din epoca bronzului târziu din așezarea Mereni. *AM* XXV, 69—92.
- Sava, E. 2003. *Interferențe cultural-cronologice în epoca bronzului târziu din spațiul Carpato-Nistorean (complexul cultural Noua-Sabatinovka)*. Autoreferat al tezei de doctor habilitat în științe istorice. Chişinău.
- Sava, E., Agulnikov, S. 2003. Contribuții noi la definirea ritului funerar în cultura Sabatinovka. In: Sava E. (red. șef). *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chişinău: Centrul Ed.-poligr. al USM, 113—138.
- Sîrbu, M. 2012. Piese din lut descoperite în așezărilor de tip Noua-Sabatinovka din spațiul Carpato-Nistorean. *Tyragetia* S. N. VI [XXI] (1), 91—109.
- Sîrbu, M. 2013. Piese litice descoperite în așezările Noua-Sabatinovka din spațiul pruto-nistorean. *Tyragetia* S. N. VII [XXII] (1), 163—189.
- Ușurelu, E. 2006. *Relațiile culturale ale comunităților bronzului târziu din spațiul Carpato-nistorean (în baza pieselor de metal)*. Autoreferat al tezei de doctor în științe istorice. Chişinău. URL: www.scribd.com/doc/120611436/Ușurelu-E. Date of access 15.10.2010 r.
- Ușurelu, E. 2010. Apariția și evoluția dărilor cu toc de înmănășare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. *Revista Arheologică*, S. N. VI (2), 5—23.
- Ușurelu, E. 2010. Cronologia complexelor ce țin de prelucrarea metalelor în perioada târzie a epocii bronzului din spațiul Carpato-Dunăreano-Nord-Pontic I. *Revista Arheologică*, S. N. VI (1), 24—70.
- Ușurelu, E. 2011. Apariția și evoluția topoarelor-celt cu urechiușă frontală în epoca bronzului din Europa de Est. *Revista Arheologică*, S. N. VII (1—2), 47—54.

Монография поступила в номер 5 февраля 2013 г.

Yuriy Chernienko (Odessa, Ukraine). Odessa Archaeological Museum of National Academy of Science of Ukraine¹.

Yuriy Chernienko (Odessa, Ucraina). Muzeul de Arheologie din Odessa al Academiei de Științe a Ucrainei.

Черниенко Юрий Андреевич (Одесса, Украина). Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины.

E-mail: oama1825@mail.ru

Address: ¹ Lanzheronovskaya St. 4, Odessa, 65026, Ukraine